

- [Николай Васильевич Гоголь](#)
 - [ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ](#)
 - [СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА. ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [БИСАВРЮК, ИЛИ ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА-КУПАЛА](#)
 - [МАЙСКАЯ НОЧЬ. ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ](#)
 - [ГАННА](#)
 - [ГОЛОВА](#)
 - [ПАРУБКИ ГУЛЯЮТ](#)
 - [ПРОБУЖДЕНИЕ](#)
 - [ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА. ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ](#)
 - [НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ. \(ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ\)](#)
 - [ПОЗДНЕЙШИЕ ПРИПИСКИ К ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ](#)
 - [ВАРИАНТЫ](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА](#)
 - [ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА](#)
 - [МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА](#)
 - [ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ II](#)
 - [НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ](#)
 - [СТРАШНАЯ МЕСТЬ](#)
 - [ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА](#)
 - [НОВЫЙ ЗАМЫСЛ ТЕТУШКИ. ВД1, ВД2;](#)

- [ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО](#)
- [КОММЕНТАРИИ](#)
 - [ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ. \(ВВЕДЕНИЕ К КОММЕНТАРИЯМ.\)](#)
 -
 - [БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА](#)
 -
 - [БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
 - [ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА](#)
 -
 - [БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
 - [МАЙСКАЯ НОЧЬ ИЛИ УТОПЛЕННИЦА](#)
 -
 - [БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
 - [ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА](#)
 -
 - [БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
 - [НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ](#)
 -
 - [БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
 - [СТРАШНАЯ МЕСТЬ](#)
 -
 - [БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
 - [ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА](#)
 -
 - [БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
 - [ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО](#)
 -
 - [БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
- [ДОПОЛНЕНИЕ](#)
 -
 - [ОТРЫВОК ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ВЕЧЕРОВ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ «ВЕЧЕРОВ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЯ К ПОВЕСТИ «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»](#)

- [«СТРАШНАЯ МЕСТЬ»](#)
- [«ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА»](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

Николай Васильевич Гоголь

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА. ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ

1

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом [сладострастно] нагнувшийся над землею, кажется, заснул, потонувши в неге [заснул в неге] и сжавши [обнявши] прекрасную в воздушных объятиях своих. На нем ни облака. В поле ни шуму, ни речи. [Вместо «На нем ~ речи»: Ни шуму. Ни речи.] Всё как будто умерло. Вверху только [Только вверху] в небесной глубине, дрожит жавронок, и серебряные песни по воздушным степям летят на землю [Вместо «песни ~ землю»: песни летят на влюбленную землю] или [да] изредка крик чайки или звонкий раскат перепела [гром перепела звонким раскатом] отдается в степи. Лениво и бездумно, будто без цели гуляющие, растут на поле деревья, и ослепительные удары солнца, кажется, зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на других темную как ночь тень, на которой только при сильном колебании листьев ветром прыщет золото [Вместо «Лениво ~ золото»: Лениво и бездумно, как рассеянно остановившиеся гуляющие без цели, стали деревья, листок не шелохнется и стремительные удары солнца ослепительных лучей, кажется, исторгающие из темнозеленой гущи их живописные массы листьев, накидывая на других темную как ночь тень, на которой только при ветре] Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми [Далее начато: под<солнечниками?>] огородами, осеняем<ыми> гордыми подсолнечными. Серые скирды сена и золотые снопы хлеба [Далее начато: в целых] станом располагаются [расположились] в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов [Далее было: ветви] широкие ветви яблонь, груш, небо, его чистое зеркало — река в зеленых, гордо поднятых рамах [в зеленых ~ рамах вписано.] ... как полно сладострастия и неги малороссийское лето.

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот, восемьсот... да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога на десять <верст> до местечка [от местечка] Сорочинец кипела народом, поспешавшим [Далее начато: на я<рмарку>] со всех окрестных и дальних

хуторов на ярмарку. С утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки [чумацкие возы] с солью и рыбою. Горы горшков, закутанные в сено, высоко подымали с воза гигантское чело свое и, кажется, скучали темнотою [своею неизвестностью]; местами [изредка] только какая-нибудь расписанная миска или макитра хвастливо выказывалась из высоко взгроможденного плетня и привлекала умиленные [завистливые] взгляды поклонников роскоши. Много прохожих и проезжих поглядывало с завистью на высокого [степенного] гончара, [Далее начато: который] владельца сих драгоценностей, который медленными шагами шел [следовал] за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих кокеток и щеголей ненавистным для них сеном.

Одиноко тащился [брел] на истомленных волах воз, наваленный мешками, пенькою [льном] и разною поклажею; толстый [низенькой] небольшого росту мужик, уже с поседевшею [с поседевшими <усами?>] головою, с усами [с напудренными усами] напудренными тем неумолимым парикмахером, который без зову является и к красавице, и к уроду, и насильно пудрит с незапамятных времен весь род человеческий. За возом шла привязанная [Далее было: сзади] кобыла. [«За возом шла привязанная кобыла» — вписано.] Много встречных, и особливо [особенно] молодых парубок, брались за шапку, поровнявшись [встреч<ая>] с нашим мужиком. Однако ж не седые усы и не важная поступь его заставляла это делать. Стоило только поднять глаза [взглянуть] немного вверх, чтобы увидеть причину такой почтительности: на возу сидела хорошенькая дочка с упоительно рдевшим личиком, с черными бровями, ровною дугою [ровными дугами] поднявшимися над огненными карыми глазками, с беспечно улыбающимися<ся> розовыми губками, с повязанными на голове голубыми и желтыми лентами, которые, вместе с длинными, обходившими два раза вокруг всей головы русыми [чер<ными>] косами и полевыми цветами, богатою короною покоились на ее [Далее было: головке] очаровательной головке. [Вместо «которые ~ головке»: а. которые ~ полевыми цветами, составляли прекрасную корону б. составлявшими, вместе с ~ цветами, прекрасную корону] Всё, казалось, занимало ее, всё было ей чудно, ново, и хорошенькие глазки беспрестанно бегали с одного [от одного] предмета на другой. Как не рассеяться! В первый раз на ярмарке! [Далее начато: Каких] Девушка в восемнадцать лет в первый раз на ярмарке! Но ни один из прохожих и проезжих не знал, [Далее было: чего] может быть, чего стоило ей упросить отца [батька] взять и ее с собою, который и душою [может, всею душою] рад бы был это сделать гораздо прежде, если бы не злая мачиха, выучившаяся держать его в руках своих

так же ловко, как цыган возжи коренной своей лошади. Но за дочкою совершенно мы позабыли, [Вместо «Но ~ позабыли»: Но мы и позабыли] что и она сидела тут же на высоте воза в нарядной шерстяной кофте зеленого цвета, по которой будто [с красными будто] по горностаевому меху нашиты были хвостики красного цвета, в богатой плахте, пестревшей как шахматная доска, в ситцевом цветном очипке, нимало, однако ж не скрасившем плоского красного лица, по которому проскальзывало что-то [какое-то] такое неприятное, такое дикое, что каждый [всякий] тотчас спешил перенести встревоженный глаз свой на веселенькое личико дочки.

Глазам наших [нашего <путешественника?>] путешественников начал уже открываться Псел. Издали уже веяло прохладой. Сквозь темно- и светло-зеленые листья [Далее начато: деревь<ев>] небрежно раскиданных по лугу дерев [деревьев] засверкали серебром и огненные, одетые холодом искры, и река-красавица обнажила серебряную [открыла [свою] блестящую] грудь, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы [минуты] когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, [Вместо «ее ~ чело»: а. гордые, [божественные,] прекрасные ее черты с обнажен<?> б. полное гордости ~ ее чело] лилейные плечи, мраморную, осененную темною, упавшею с русой <головы> волною, шею, [Далее было: меняет] с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца <нет>. Чудесная река каждый год переменяет свои окрестности [украшения] луга и деревья и пролагает новый путь.

Ряды мельниц подымали на тяжелые колеса свои широкие волны и мочно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз с знакомыми нам пассажирами въехал в это время на мост, и река во всей широте и величии, как цельное стекло, разостлалась перед ними. Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы, всё опрокинулось, и стояло, и ходило верх ногами, не падая в голубую, прекрасную бездну. Красавица наша, сидя на возу, задумалась на роскошь открывшего<ся> перед ней вида [Вместо «задумалась ~ вида»: задумалась, глядя на роскошь вида, открывшего<ся> перед ней] и позабыла даже лузать свой подсолнечник, которым исправно занималась во всё время пути своего. Как вдруг слова: «ай, да гарна девчина!» поразили слух <ее>. Оглянувшись, увидела <она> стоявших на мосту нескольких [четырех] парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке [юпке, повязанный красным поясом] в серой решетиловских смушек шапке [в серой решетиловской смушке] стоял подпершись в боки и молодецки поглядывал на проезжающих. Красавица не могла не заметить его

загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, жаждавших видеть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, может быть, ему принадлежат произнесенные слова. «Славная девушка!» продолжал парубок в белой свитке, не сводя с нее глаз. «Я бы отдал всё свое хозяйство [а. всю свою худобу б. всё свое доб<ро>] чтобы только поцеловать <ее>. А вот впереди [впереди ее] и дьявол сидит!» Хохот поднялся со всех сторон, но разряженной [почтенной] сожительнице нашего медленного мужика не слишком показалось такое приветствие: [Далее было: щеки] красные щеки ее вспыхнули и обратились в огненные, и треск отборных слов посыпался дождем на головы [«головы» вписано.] разгульных парубков: «Ах, ты негодный сорванец, нечистая сила, нелегкая позабирала бы всю родню твою!»

«Ах, ты старая ведьма!»

«Ах, ты сатанинское [нечистое] отродье! Вишь, молокосос какой-нибудь, дрянь»... Тут воз начинал спускаться с мосту. [«Тут ~ с мосту» вписано.] Последние слова едва были слышны [было слышно] но разгульный парубок наш не хотел этим кончить [не хотел кончить так] и потому, схвативши комок грязи, швырнул вслед за нею. Удар был удачнее [так удачен] нежели мог он думать: весь новый ситцевый очипок [очипок [старухи] шег<олихи>] был забрызган грязью, и хохот разгульных повес удвоился с новою силою, к несказанной досаде пожилой щеголихи [нашей ста<рухи>] Воз отъехал в это время уже довольно далеко, и месть ее обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя, который, будучи привычен издавна к подобным явлениям, сохранял упорное [при<вычное>] молчание, хладнокровно принимая мятежные речи разгневанной супруги до тех пор, покаместь не въехали они в пригородье [в город] на загроможденный двор [на двор] к одному козаку [к куму тамошнему] куму и старому знакомому нашим путешественникам, которым всего нужнее дать отдых после такой дальней дороги.

2

Що, боже ты мій господы, чого нема на тій ярмарци! Колеса, скло, дьоготь, тютюн, ремень, цыбуля... так що хоть бы в кишени було рублив и с тридцять, то на вси б стало закупить краму.^[1]

Из малор. комедии.

Случалось ли вам слышать иногда [когда] где-то валяющийся отдаленный водопад, когда вам издали уже чудятся неясные звуки? [«Случалось ли ~ звуки?» вписано.]

Кто не видал и не был когда-нибудь в вихре шумной ярмарки, когда весь народ с своим товаром срастается в одно огромное чудовище и шевелится всем корпусом [«и шевелится всем корпусом» вписано.] на площади и по тесным улицам, шумит, гогочет, гремит. Шум, треск, брань, [Далее было: мычание] бляенье, мычанье, рев, — всё сливается в один нестройный говор, как будто бы валится где-то отдаленный водопад [как будто бы где-нибудь отдаленный водопад валится] и встревоженная [испуганная] окрестность полна гула. Напрасны будут старания что-нибудь расслушать, узнать, о чем идут речи. Ничего вы не услышите, ничего не узнаете. Одни только продавец и покупатель понимают друг друга. Громкое хлопанье по рукам и распиванье могорыча одни только дадут знать вам, <что> сделка или покупка совершены [об успехе посольства.] Приезжий наш мужик с чернобровою дочкою своею давно уже толкался в народе, узнавал и примерялся к ценам. Все его мысли вертелись около одной точки: около 10 мешков пшеницы, привезенных им на ярмарок, и старой кобылы, и потому весьма естественно, что он [Далее было: безвыходно [к великой досаде нашей красавицы, [«к великой ~ красавицы» вписано.] терся почти возле одних только возов с мукой и пшеницею и еще с дегтем, которого хотелось забрать на барыши; между тем как ее так и дергала непонятная сила под ятки к крамаркам, где развешаны были самые яркие ленты, перстни, серьги, монисты [и монисты] Впрочем, она и тут много находила предметов себе для наблюдения: ее до чрезвычайности смешило, как цыган и мужик один били друг друга со всей силы по рукам, вскрикивая сами от боли; как пьяный жид давал бабе киселя [Дать киселя значит ударить кого-нибудь сзади ног. (Прим. Н. В. Гоголя.)]; как поссорившиеся перекупки кидались раками, приправляя по-бранками... Тут почувствовала она, что кто<-то> дернул ее за рукав сорочки. Оглянулась, и парубок в белой свитке с огненно-яркими очами стоял перед нею. Жилки ее вздрогнули и сердце забилося так, как еще никогда ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею. «Не бойся, серденько, не бойся», говорил он ей вполголоса, взявши ее руку: «убей меня гром на этом месте, если держу на уме что худое против тебя». «Верно это лукавый», думала про себя красавица [девушка сама и чу<вствовала>]; «сама, кажется, знаешь, что не годится так... а чувствуешь, что силы не достает взять от него руку». Мужик оглянулся и хотел что-то сказать дочке, но в стороне послышалось ему слово: пшеница. Это

магическое слово заставило его обратиться, оставивши всё, и он в ту же минуту приблизился [Вместо «Это ~ приблизился»: я он, оставивши всё, приблизился] к двум жарко разговаривавшим негоциантам, позабыв всё на свете, [Далее начато: Разговор пошел] устремив всё внимание на любимый предмет свой.

3

*Чи бачыш, вин якый парныце?
На свити трохи^[2] есть таких.
Сывуху так, як^[3] брагу хлыще!*

Котляревский.

«Так ты думаешь, земляк, что плохо пойдет наша пшеница?» говорил один [Далее было: с ви<да>] человек с вида [Вместо «с вида»: видом] похожий весьма на заезжего мещанина, обитателя какого-нибудь местечка, в пестревых, запятнанных дегтем и засаленных шароварах, другому с широким носом и огромною [и широкою] на нем шишкою.

«Да думать нечего тут: [Далее было: что плохо] я готов кинуть на себя петлю и болтаться на этом дереве, как колбаса перед Рождеством на хате, если мы продадим хоть одну мерку».

«Кого ты, земляк, морочишь? привозу ведь [а. да вот привозу б. продолжал] кроме нашего, нет вовсе» [никакого <написано: ниго>] продолжал говорить [говорил] человек в пестревых [в сер<ых>] шароварах.

«То-то и есть [и диво] что если где замешается чертовщина, то будет столько прока, сколько от барана молока», значительно отвечал человек с шишкою на носу.

«Как чертовщина?» подхватил человек в пестревых шароварах.

«Слышил ты, что поговаривают в народе?» говорил человек с шишкой.

«Ну!»

«Ну, то-то ну! Комиссар, чтобы ему чихалось так после каждой пучки табаку, как после горячей воды, [Далее было: говорит] отвел для ярмарки проклятое [такое проклятое] место, на котором хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тот старый развалившийся сарай, что вон-вон стоит под горою?..» Тут дородный [наш дородный] отец нашей красавицы подсунулся еще ближе и весь превратился во внимание. «В том сарае то и дела, что водятся чертовские шашни, и ни одна ярмарка на этом месте не проходила без беды. Вчера волостной писарь проходил поздно вечером,

только в слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз подрал по коже. Тоже жди, что опять покажется кармазинная [красная] свитка».

«Что ж это за красная свитка?»

Тут у нашего слушателя поднялись дыбом седые волосы. Со страхом оборотился он назад и увидел, что дочка и парубок в свитке стояли обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки и позабыв про все свитки, находящиеся в свете. Это разогнало немного его страх и возвратило его к прежней беспечности [ему веселость]

«Эге, ге, ге! Да ты мастер, как вижу, обниматься. Чорт меня возьми, если я не на четвертый только день после свадьбы [„после свадьбы“ вписано.] выучился обнимать мою [свою] покойную Хвеську. Да и то, спасибо куму, [Далее было: который] бывши дружкой, выучил уже [меня]».

Парубок заметил тотчас, что отец его любезной не слишком [не совсем] дальше и в мыслях решился попытаться склонить его в свою пользу. [Далее начато: Вер<но>] «Ты, верно, человек добрый, не знаешь [не узнаешь] меня, а я тебя тотчас узнал».

«Может, и узнал».

«Если хочешь, так и имя скажу, и прозвище, и всяку всячину: тебя зовут Солопий Черевик».

«Так, Солопий Черевик» [Вместо «Так, Солопий Черевик»: Может и скажешь]

«А взглядишь-ка хорошенько, а не узнаешь ли меня?»

«Нет, не познаю. Не в гнев будь сказано: на веку столько довелось навидеться рож всяких, что чорт сам припомнит всех». [Далее начато: Голо<пупенкив сын?>]

«Жаль, что ты не припомнишь Голопупенкова сына».

«А ты разве Охримов сын?»

«Да, не кто другой, конечно».

Тут пошли обнимания, и наш Голопупенкив сын, [Вместо «наш Голопупенкив сын»: пару<бок>] не желая терять напрасно времени, тотчас и осадил нового своего знакомца. «Ну, Солопий, вот, как видишь, я и дочка полюбили один одного так, что хоть бы и на веки жить вместе».

«Что, Параска?» [дочко] оборотился Черевик, смеясь, к нашей красавице: [«оборотился ~ красавице» вписано.] «не в самом ли деле, чтобы уже, как говорят, вместе и того... чтоб и паслись на одной траве! Что? по рукам! А ну-ка, новобранный зять, давай-ка могорычу!» И все трое очутились в известной ярмарочной ресторации [«в известной ярмарочной ресторации» вписано.] под яткою у жидавки, в которой [Далее было: с

низу до верха] весь стол был усеян фляшками, сулеями, бутылками всех возрастов. «Эх, хват [молодец] за это люблю!» говорил Черевик [Солопий] немного подгулявши, глядя, как его нареченный зять налил кружку величиной с полкварты и, нимало [неско<лько>] поморщившись, выпил до дна, обратив ее потом в дребезги. «Что [Что же] скажешь, Параска? [Какого, Параска, я [тебе] жениха даю] Какого я тебе жениха даю, а! Смотри, смотри, как он тянет молодецки пенную». И смеясь, и немного покачиваясь, побрел [а. и побрел б. отправился] с нашей красавицею [с сво<ей дочкою?>] к своему возу. А наш парубок отправился по рядам с красными товарами, в которых находились купцы даже из Гадяча и Миргорода, двух знаменитых уездных городов в Полтавской губернии, выглядывать получшую деревянную люльку в медной щегольской оправе, [Далее было: и] цветистый по красному полю платок и шапку для гостинцев свадебных тестю и другим всем, кому следует.

4

*Хоть чоловікам не онее,
Да колы жинци, бачыш, тее,
Так треба угодити^[4]*

Котляревский.

«Ну, жинко! а я нашел жениха дочке!» «Вот-на! как раз до того теперь, что женихов отыскивать! Вот уже дурень! [Далее начато: ты на <?>] Сказано, тебе, верно, и на роду написано таким остаться! Где ж таки ты видел, где ж таки слышал, чтобы добрый человек стал гоняться [бегать] теперь за женихами? Ты б подумал лучше, как пшеницу сбыть. Хорош уже там жених должен быть! Я думаю, оборваннейший из всех голодрабцов».

«Э, как бы не так! Посмотрела бы ты, что там за парубок. Одна свитка больше стоит, чем твоя зеленая кофта и красные сапоги. А как сивуху славно дует!.. Чорт меня возьми вместе с тобою, если я видел еще на веку своем, чтобы парубок духом вытянул полкварты, не поморщившись!»

«Ну, так, ему если пьяница да бродяга, так это с его руку. Бьюсь об заклад, если это не тот самый сорванец, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сих пор он не попадется мне: я бы ему дала себя знать».

«Что ж, Хивря, хоть бы и тот самый: чем же он сорванец?» [Далее начато: «Слышишь»]

«Э, чем же он сорванец! Ах, ты, безмозглая башка! Слышишь! чем же

он сорванец! Куда [Где] же ты запрятал дурацкие глаза свои, [свои дурацкие глаза] когда проезжали мы мельницы? Ему, хоть бы тут, перед его, запачканным в тютюне, [„запачканным в тютюне“ вписано.] носом нанесли жинке бесчестье, ему бы и нужды не было».

«Да всё же однако я не вижу в нем ничего худого. Парень хоть куда! Только разве что заклеил твою образину на время навозом».

«Эге, да ты, как я вижу, слова не дашь мне выговорить. А что это значит? Когда это бывало с тобою? Ты, верно, успел [изволил] хлеснуть уже, не продавши еще ничего?»

Тут Черевик наш заметил и сам, что разговорился чересчур [чересчур уже] и закрыл в одно мгновение голову свою обеими руками, предполагая, без сомнения, что разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы своими супружескими [острыми] кохтями.

«Туда к чорту! вот тебе и свадьба!» думал он про себя, уклоняясь от сильно наступившей супруги. «Придется отказать доброму человеку ни за что, ни про что. [Далее начато: о боже] Господи боже мой! За что такая напасть на нас, грешных! И так много всякой дряни на земле, а ты еще и жинок наплодил!»

5

Рассеянно глядел парубок наш в белой свитке, сидя у своего воза, на глухо шумевший [Далее было: на горе] со всех сторон народ. Усталое солнце уходило от мира, и спокойно пылавший в полдень и утро день, и пленительно, и грустно, и ярко румянился, как щеки прекрасной жертвы неумолимого недуга в торжественную минуту ее отлета на небо. Ослепительно блистали верхи [белые верхи] белых шатров и яток, осененные каким-то едва приметным, тонким, огненно-розовым светом. Стекла наваленных кучей оконниц горели; зеленые фляшки и чарки на столах у шинкарок превратились в огненные; горы дынь, арбузов и тыкв казались вылитыми из золота и темной меди. Говор приметно утишался, и усталые языки перекупок, жидов и цыган ленивей и медленнее поворачивались. Где-где начинал сверкать огонек, и благовонный пар от варившихся галушек разносился по утихавшим улицам. «О чем загорюнился, Грицко?» вскричал высокий загоревший цыган, ударив по плечу нашего парубка. «Что ж, отдавай волы за тридцать!»

«Тебе бы всё волы да волы. Вашему племени всё бы корысть только; поддеть да обмануть доброго человека».

«Тфу [Экая] дьявол! Да [что э<то>] ты не на шутку раскапризничался. Уж не с досады ли, что сам навязал себе невесту».

«Нет, это не по-моему. [„это не по-моему“ вписано.] Я держу свое слово, что раз сделал, тому и навеки быть. А вот у хрыча Черевика нет совести, видно, и на пол шелега. Сказал да и назад. [„Сказал да и назад“ вписано.] Ну, да его и винить нечего. Он деревянный чурбан, и больше ничего [да и только] Тут всему вина старая ведьма, которую мы сегодня ругнули с хлопцами на все боки! Эх, если бы я был царь [царем] или пан великой, я бы первый перевешал всех тех дурней, которые позволяют себя седлать бабам и ходят [и ездить] у них в оглоблях вместо кобыл».

«А отдашь [продашь] за тридцать волов, если мы заставим Черевика отдать нам Параску?»

«Не за тридцать, а за двадцать отдам, если не соврешь только».

«Смотри ж, не забывай: за двадцать. Вот тебе и пара синиц в задаток».

«Ну, а если солжешь?»

«Солгу — задаток твой!»

«Ладно! Ну, давай же порукам!» — «Давай!»

6

Ох мени лихо: Роман оттепер, як раз насадить мени бебекив, да и вам, пане Хомо, не без лиха буде.

Из малоросс. комедии. [\[5\]](#)

«Суда, Афанасий Иванович! Вот тут частокол [а. тын б. забор] пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь с кумом и дочкою под возы, что<б> не украл кто-нибудь чего» [чего кто-нибудь] Так грозная сожительница Черевика [Далее начато: крича<ла>] ласково ободряла трусливо лепившего<ся> около забора поповича, которой поднялся наконец на частокол [на забор] и как будто длинное страшное привидение долго стоял в недоумении, измеривая оком, куда бы лучше спрыгнуть, и наконец с шумом обрушился в бурьян.

«Вот беда! Не ушиблись ли вы, не сломили <ли> еще, боже оборони, шеи», лепетала заботливая Хивря.

«Тс! ничего, ничего, любезнейшая Хавронья Никифоровна! [Осиповна]» боязненно и шопотно произнес попович, подымаясь на ноги: «выключая только уязвления со стороны крапивы, сего песьеподобного зелия, по выражению покойного нашего протопопа».

«Пойдемте ж в хату. Теперь никого нет. А я думала было уже, Афанасий Иванович, что к вам болячка или сонешница пристала: нет, да нет. Как же вы теперь поживаете? Я слышала, что пан-отцю перепало теперь не мало всякой всячины».

«Суцая безделица, Хавронья Никифоровна! Батюшка всего получил за весь пост, за все<?> труды свои <7 нрзб.>, мешков шесть ярового, проса мешка два, кнышей с сотню. А кур всего, если сосчитать, то не будет и пятидесяти штук; яйца немалою частию протухлые. Но воистину сладостные приношения, примерно сказать, нашему брату предстоит только от вас получить, Хавронья Трофимовна!» [Вместо «Но воистину ~ Трофимовна!»: Приношения, примерно сказать, со стороны вашей, Хавронья Трофимовна] продолжал попович, умильно поглядывая на полные ее груди и подсовываясь к ней поближе.

«Вот вам и приношения, Афанасий Иванович!» приговорила она, ставя на стол две миски и жеманно застегивая свою как будто бы нечаянно расстегнувшуюся [невольно расстегнутую] кофту: «варёнички, галушечки пшенíčненьки, пампúшечки, товченички — кушайте на здоровье!»

«Всякое даяние благо и всяк дар совершенен! Однако ж, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждет от вас кушанья [еще кушанья от вас] послаще всех пампушечек и галушечек».

«Вот я уже и не знаю, какого вам еще кушанья хочется, Афанасий Иванович!» отвечала отжившая свой <век> прелестница, стыдливо потупив в землю глаза свои.

«Разумеется, любви вашей, любезная, несравненная Хавронья Никифоровна!» вскричал попович, держа в одной руке вареник, а другою обнимая полный [дородный] стан Хавроньин [Хиврин. Далее начато: Вы]

«Бог знает, что вы выдумываете, Афанасий Иванович», молвила она с прежней стыдливостью, не стараясь, однако ж, освободиться от объятий поповича. [«не стараясь ~ поповича» вписано.] «Я вас просила так только посидеть»...

Тут слышались на дворе [Далее было: стук] говор и стук в ворота. Хивря поспешно выбежала и с бледностью и дрожащими губами [выбежала и вся побледневши] возвратилась. «Ну, Афанасий Иванович, нас застукали: кум с возами и дурнем моим дожидается под воротами и, как кажется [и еще] не без гостей», [Далее начато: Что] При этом слове вареник остановился в горле поповича, глаза его выпучились [остановились, как будто хотели вон, он трясся и судорожно хватался за [накладенные] сваленные под потолком комнаты] как будто какой-нибудь выходец с того

света только что сделал перед тем ему визит свой. «Что делать, полезайте-ка суда, Афанасий Иванович!» кричала испуганная Хивря, указывая на положенные почти под самым потолком, на двух перекладинах, доски, на которых была навалена [Далее начато: покл<аж>] домашняя поклажа. Опасность придала духу поповичу. [нашему поповичу и заставила его опамято<ваться>] Опамятовавшись немного, вскочил он на ноги, залез на лежанку [стал он на ноги, залез на лежанку и потом залез <?>] и полез оттуда осторожно на доски, а Хивря побежала немедленно к воротам.

От таке чертовщины завелось.

Из малоросс. комедии. [\[6\]](#)

На ярмарке случилось удивительное происшествие: всё наполнилось слухом, что где-то, между товаром, показалась красная свитка. [Далее начато: Происшествие, виденное] Старухе, продававшей бублики, почудился сатана в костюме ужасной свиньи, который беспрестанно наклонялся как бы ища чего. Это быстро разнеслось по всем углам уже утихавшего табора, и все считали преступлением не верить этому, несмотря на то, что продавица бубликов [бублица] которой открытая лавка была рядом с яткою [Далее начато: с] шинкарки, едва держалась на ногах. К этому присоединились еще увеличенные вести о чуде, виденном волостным писарем в развалившемся сарае, так что в вечеру теснее жались друг к другу, спокойствие разрушилось, и страх мешал всякому сомкнуть глаза свои. Другие совсем поубрались, и к числу последних принадлежал и наш Черевик с кумом и дочкою, которые, вместе с просившимися к ним в хату гостями, и произвели тот сильный стук, перепугавший так [который так <перепугал>] нашу страстную Хиврю. Кума уже немного [до<вольно?>] поразобрало. Это можно было видеть из того, что он два раза объехал с своим возом [Далее было: хату] по двору, покаместь нашел хату. Гости тоже были все в веселом расположении духа и без церемонии вошли в хату прежде самого хозяина. [Далее начато: а. Что б. Су<пруга?>] Дородная супруга нашего Черевика сидела [была как] как на иголках, видя как гости принялись шарить по всем углам. «Что, кума!» вскричал вошедший [входящий] кум: «тебя всё еще трясет лихорадка?» — «Да, нездоровится», отвечала Хивря, беспокойно поглядывая на наваленные под потолком доски. «А ну, жена, достань-ка там в возу баклажек», говорил кум к

приехавшей с ним же жене: «мы черкнем с добрыми людьми, а то проклятые бабы так понапугали [пере<пугали?>] нас, что и сказать стыдно... Ведь мы, ей богу, по пустякам, братцы, приехали сюда», говорил он, прихлебывая из глиняной кружки. «Я [Вот я] тут же ставлю новую шапку свою, если бабам не вздумалось посмеяться над нами. [Далее начато: И вот явился] Да хоть бы и в самом деле сатана, что сатана? Плюйте ему на голову. Хоть бы сию минуту вздумалось ему стать вот здесь [посреди] например, передо мною: будь я собачий сын, если не поднес бы ему кукиш под самый нос». «Эге, ге, ге! Отчего ты вдруг побледнел весь?» — «Я? я?... Господь с вами! приснилось, что ли? мне только так... Нужно бы сходить за нуждою, да пускай уже, [Далее начато: нем<ного?>] погодя немного». Гости усмехнулись. Баклажек прокатился по всему столу [вокруг всего стола] и гости сделались еще веселее прежнего. Тут наш Черевик [Далее начато: приступил к ку<му>] которого любопытство дергало ужасно как [которому ужасно как хотелось разведать про красную свитку] приступил к куму. «Скажи, будь ласков, кум. Вот прошусь, да и не допрошусь историю про эту проклятую свитку».

«Эх, кум! Оно бы не годилось рассказывать на ночь, да разве [так] уже для того, чтобы [Далее было: позабавить гостей] угодить тебе и гостям нашим, которым, я примечаю, страх хочется узнать про эту диковинку. Ну, быть так. Слушайте ж, что говорят люди. Раз, уже за какую вину, и не знаю [не знаю уже и за что] только выгнали одного чорта из пекла»...

«Вот, кум!» прервал Черевик: «как же могло это случиться, чтобы чорта выгнали из пекла?»

«Что ж делать, кум! Выгнали, да и выгнали, как собаку мужик выгоняет из хаты. Может быть на него нашла блажь сделать какое-нибудь доброе дело, ну, и указали двери. Вот черту [Далее начато: по <пеклу>] бедному так стало скучно, так скучно по пекле, что хоть до петли. Что делать? Давай с горя пьянствовать. [Далее начато: И чорт стал такой гуляка. Поселился] Угнезвился в том самом сарае, который, видел, развалился под горою и мимо [близ] которого ни один добрый человек не пройдет теперь, не [не пер<екрестившись?>] оградя себя крестом святым. И стал чорт такой гуляка, какого теперь не сыщешь между всеми парубками нашими. С утра до вечера то и дела, что сидит в шинке».

Тут опять строгий Черевик [Черевик наш] прервал нашего рассказчика. «Бог знает, что говоришь ты, кум! как таки можно, чтобы чорта впустил кто-нибудь в шинок? Ведь у него же есть и когти на лапах и рожки на голове».

«Вот то-то и штука, что на нем была всегда шапка и рукавицы. Кто его

познает! [Далее было: деньги в карманах, так и лукавый станет ангелом] Ну гулял, гулял, наконец, пришлось до того, что пропил всё, что имел [только имел] с собою. Шинкарь долго верил, наконец перестал. [Далее начато: а. Что пр<икажешь?> б. Нечего делать] Пришлось чорту заложить красную свитку чуть ли не в треть цены жиду [одному жиду] который шинковал тогда на Сорочинской ярмарке. Заложил и говорит ему: „Смотри, жид, я прийду к тебе за свиткой ровно через год: береги ее!“ и куды делся после того сам, ни один поп не знает. Жид рассмотрел хорошенько свитку: сукно такое, что и в Миргороде не достанешь! А красный цвет горит, как огонь, так что не нагяделся бы! [смотре<ть больно?>] Вот жиду показалось скучно дожидаться срока. [Далее начато: а. Спустя б. Сод<рал>] Почесал себе песики, да и содрал с какого-то приезжего пана мало не двадцать червонцев. О сроке жид и позабыл совсем. Как вот, под вечерок [тоже так под вечерок] приходит какой-то человек: „Ну, жид, отдавай-ка свитку мою“. Жид сначала было и не распознал, а после, как разглядел, так прикинулся, будто и в глаза его не видал [не видел]: „Какую свитку? У меня нет никакой свитки. Я знать, не знаю твоей свитки“. Тот, ничего, ушел; только в вечеру, как жид, заперши свою кануру на замок, пересчитавши по сундукам деньги, накинуд на себя простыню и начал по-жидовски молиться богу, слышит шорох [Вместо „как жид ~ шорох“: как <жид>, пересчитавши по сундукам своим деньги, напялил на себя простыню и начал по-жидовски молиться богу, слышит в окнах шорох.] Глядь, во всех окнах повывставлялись свиньиные рыла»...

Тут послышался какой<-то> неясный звук, похожий весьма на хрюканье свиньи. Все побледнели [Рассказчик побледнел и все гости] Пот выступил на лице [на лбу] рассказчика.

«Что?» произнес в испуге Черевик.

«Ничего!..» отвечал кум, дрожа всем телом.

«Ась!..» отозвался один из гостей.

«Ты сказал?..»

«Нет!»

«Кто ж это хрюкнул!»

«Бог знает, чего мы [вы] переполошились! Никого нет!» Все боязливо стали [начали] обсматриваться вокруг и начали шарить по углам, а Хивря была ни жива, ни мертва. «Эх, вы, бабы, бабы!» произнесла она громко: «вам ли козаковать и быть мужьями! Вам бы веретено в руки, да посадить за гребень! Один кто-нибудь, может, прости господи, угрешился, а все и метнулись как полуумные». Это привело [заст<авило>] в стыд наших храбрецов и заставило их ободриться. Кум хлебнул из кружки и начал

[стал] рассказывать далее. «Жид обмер. Однако ж [Только] свиьиные чудища повылезали и мигом оживили его плетеными тройчатками, заставивши танцевать повыше вот этого сволока. Жид в ноги и признался во всем. Только свитки нельзя было уже воротить скоро. Пана обокрал на дороге какой-то цыган и продал свитку какой-то перекупке; та привезла ее снова на Сорочинскую ярмарку, но уже никто не стал ничего почти покупать у нее с того времени. [Далее было: как показалась] Перекупка долго дивилась [дивилась, дивилась] наконец смекнула [подум<ала>]: верно, это виною всему красная свитка; недаром всегда, когда вздумывалось [а. возьмешь ее в руки, чувствовала б. надевала в. вздумалось] ей надевать, чувствовала [чувствовала она] что ее всё давит [а. давит что-то б. всё что-то давит. Далее было: Вот, в одно утро, когда затопила] Тот же час, ни мало не медля, бросила [кинула] ее в огонь — не горит бесовская одежда! Перекупка умудрилась, подсунула [подкинула ее] в воз одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только, масла никто и спрашивать не хочет. „Эх, недобрые руки подкинули свитку!“ Схватил топор, изрубил ее в куски. Глядь [Смо<трит?>] и лезет один кусок к другому, и снова целая свитка. Перекрестил секиру, хватил в другой раз, куски [и куски] разбросал по всему месту [телу] и уехал. Только с тех пор каждый год и как раз во время ярмарки чорт с свиьиною мордою ходит по всей площади и собирает куски своей свитки. Теперь, говорят, одного только левого рукава недостает ему. [Далее начато: С тех <пор?>] Вот уже будет лет с десятков, как не было на этом месте ярмарки. Да нелегкая дернула теперь комисара... от ...» Другая половина слова замерла на устах рассказчика. [«Другая ~ рассказчика» вписано.]

Окно брякнуло с шумом, стекла, звеня, вылетели вон, и страшная свиьиная рожа выставилась [выглянула] поводя очами, как будто спрашивая: «Что вы тут делаете, добрые люди?»

Цур тобі! пек тобі! Сатанинске навожде́ніє!

Ужас оковал всех, находившихся в хате. Кум, с разинутым ртом [разинув рот] превратился в камень. Глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить. Разверстые пальцы остановились в судорожной неподвижности на воздухе [в воздухе] Один из гостей, превышавший всех прочих целою головою и казавшийся [бывший] <храбрее?> всех прочих, в непобедимом ужасе подскочил [соскочил] с места и ударил головою об

перекладину под потолком. Доски посунулись, и попович с громом и треском полетел на землю. «Ай, ай, ай!» кричал один [он] повалившись на лавке, болтая в ужасе руками и ногами. «Спасайте!» голосил [кричал] другой, закрываясь [навалившись] тулупом. Кум [Далее начато: полез<?>] выведенный из своего окаменения вторичным испугом, спрятался в судорогах [полез] под подол своей супруги. Высокий храбрец полез в печь, несмотря на узкое отверстие, и сам задвинул себя ослоном. А Черевик, как будто облитый кипятком схвативши и над<евши?> горшок <1 нрзб.> вместо шапки, бросился к дверям и как полуумный бежал по улицам, не видя земли под собою [Вместо «схвативши ~ под собой»: бросился, схвативши горшок <1 нрзб.> вместо шапки, бежать и как полуумный очутился посреди улицы] Усталость заставила его, однако ж, уменьшить немного скорость своего бега. Сердце его колотилось как мельничная ступа; пот лил градом. В изнеможении готов он уже был упасть на землю, как вдруг послышалось ему, что сзади кто-то гонится за ним. [Далее было: а. Чорт б. Дыхание зажалось в. ч<орт>] Дух у него занялся. «Чорт! чорт!» кричал он, утроив [удвоив] силы и удирая [бежа] без памяти, и через минуту растянулся бессильно на земле. «Чорт! чорт!» кричало <за ним> и он слышал [чувствовал] только, как что-то с громом повалилось на него. Тут память от него улетела, и он, как страшный жилец [оби<татель>] тесного гроба, остался [лежал] нем и недвижим посереде дороги.

9

«Слышишь, Влас!» говорил, приподнявшись, один цыган из толпы других: «возле нас кто-то помянул чорта!» — «Мне какое дело?» проворчал, потягиваясь, лежавший возле него сосед: «хоть бы и не одного, а всех своих родичей помянул». [Далее начато: Мало ли чего не соврет] — «Но, ведь, так закричал кто-то, как будто душат его!» — «Мало ли чего не соврет человек!» — «Воля твоя, хоть посмотреть нужно. А выруби-ка огня!» Другой цыган, ворча про себя, поднялся на ноги, два раза осветил [Начато исправление: смуглое лицо] вокруг себя искрами, будто молниями, раздул [и раздул] губами зажегшийся трут и с каганцем [с светильнею в руках отправились] — обыкновенною малороссийскою светильнею, состоящею из [из черепка] разбитого черепка, налитого овечьим жиром, отправились, освещая. «Здесь [Тут] лежит что-то», сказал один цыган: «а посвети-ка сюда!» Тут пристало к ним еще несколько человек. «Да что лежит, Влас?» — «Да так, как будто два человека: один на верху, другой на

низу; который из них чорт, уже я и не распознаю!»

«А кто на верху?»

«Баба!»

«Ну, вот, это то [это ж] и есть чорт».

Всеобщий хохот и шум разбудили наших мертвецов, которые, полные прошедшего испуга, долго стояли выпучивши глаза, глядя в ужасе на загорелые смуглые лица цыган, которые, озарившись местами [которые, будучи озарены местами] неверно [бледно] и трепетно горевшим огнем и отененные черными всклокоченными волнами, казались диким сонмищем гномов, окруженных [Далее было: а. мраком непробудной б. густым] тяжелым подземным паром и облаками мрака [и мраком] непробудной ночи.

10

Цур тобі, пек тобі, сатанинске навождєніє!

Свежесть утра веяла над пробудившимися Сорочинцами. [Далее начато: Приятный холод] Клубы дыма [дыму] со всех труб понеслись навстречу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумела. Овцы заблеяли, лошади заржали, [Далее начато: гуси заго<готали>] крик гусей и перекупок, шум и говор [Вместо «Овцы ~ говор»: [блеянье] ржание, блеянье, крик, рев, шум] понеслись снова по всему табору, и [Далее начато: народ] страшные слухи [Далее начато: так] про красную свитку, наведшие [а. так много напугавшие б. сильно поде<йствовавшие> в. произведшие] такой страх на народ в таинственные часы сумерек, казалось, исчезнул вместе с осветившим мир утром. Зевая и потягиваясь, лежал Черевик [Черевик под] у кума под крытым соломою сараем вместе с конями и мешками муки и пшеницы, и даже, кажется, вовсе не имел желания [кажется не хотел долго] расстаться с своими грезами, как вдруг услышал голосок, так же знакомый, как убежище лени [«убежище лени» вписано.] благословенная печь его хаты или шинок его дальней родички, находившийся в десяти шагах от родного порога [Вместо «находившийся ~ порога»: к которому было не больше десяти шагов от порога его хаты.]

«Вставай, вставай!» трещала на ухо [ему на ухо] нежная супруга, дергая его со всей силы за руку. Солопий, вместо ответа, надул щеки и начал болтать руками, подражая барабанному бою. «Сумашедший!» закричала она, уклонясь от замашки руки его, которою чуть-чуть не задел он ее по лицу. Черевик подвелся, протер немного глаза и посмотрел вокруг.

«Враг меня возьми, если мне не представилась твоя рожа барабаном, на котором меня, словно [как будто] москаля, заставили выбивать зорю те самые свиньиные рожи, от чьих кнутафьев, [а. от которых кнутафьев так б. от кнутафьев которых] как рассказывал кум, так легко [лихо] плясалось жиду». — «Полно тебе чепуху молоть! Ступай, веди кобылу скорей на продажу. Стыд, приехали на ярмарку, и хоть бы горсть пеньки продали!» [Вместо «приехали ~ продали»: до сих пор не продали еще ничего] — «Ты ж видишь, что я еще не умывался», продолжал Черевик, зевая [почесы<вая>] и почесывая спину, и стараясь между прочим выиграть время для своей лени. «Вот некстати пришла блажь [захотелось бы<ть>] быть чистоплотным! Когда это за тобою водилось? Ступай! ступай! вот рушник, оботри свою рожу [Написано: могу]». Тут она схватила что-то свернутое в комок и с ужасом бросила на землю [а. наза<д> б. прочь]; это был красный обшлаг из свитки. «Ступай, делай свое дело», повторила она, собравшись с духом, своему покорному супругу, [Вместо «покорному супругу»: сожителю] которого волосы поднялись дыбом и зубы колотились [бились] один о другой. «Будет продажа теперь!» ворчал он сам себе, отвязывая [а. прово<жая> б. ведя] кобылу и ведя ее на площадь. «Недаром [Далее начато: у меня на] когда я собирался на эту ярмарку, огниво попало под колесо и волы два раза поворачивали сами домой. [Вместо „сами домой“: домой] Неугомонен [Неугомонный] и чорт проклятый: носил бы уже свитку без одного рукава; так нет, нужно же добрым людям не давать покою. Будь я чорт, чего боже оборони, стал ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?» Тут философствование нашего Черевика прервано было толстым и резким голосом: «А что продаешь, добрый человек?» Перед ним стоял [Далее было: высокий] знакомый нам высокий цыган. Продавец наш помолчал, посмотрел на него с ног до головы [Далее начато: а. я не выпуская узды б. и не выпуская из рук узды [и сказал с спокойным видом, не останавливаясь <?> и не выпуская из рук узды:

«Сам видишь, что продаю».

«Ремешки?» спросил цыган, поглядывая на находившуюся в руках его узду.

«Да, ремешки. Если только кобыла похожа на ремешки». [Далее начато: Ты ее]

«Однако ж, чорт возьми, земляк, ты, видно, ее соломою кормишь!»

«Соломою?» Тут Черевик хотел было потянуть узду, чтобы провесть свою кобылу и обличить во лжи бесстыдного [«и обличить во лжи бесстыдного» вписано.] но рука его с необыкновенною легкостью чуть не ударилась в подбородок: вместо кобылы одна перерезанная узда в ней и к

ней привязан был [Вместо «чуть ~ привязан был»: чуть было не ударила его по затылку: одна перерезанная узда оставалась и к ней привязан] ... Волосы его поднялись дыбом! — кусок красного рукава! Три раза плюнув [Плюнув три раза] крестясь и махая руками, [Написано: рукавами] побежал он опрометью от неожиданного подарка и быстрее парубка пропал в толпе.

11

За мое ж жито, та мене и побыто.

Пословица.

«Лови! лови его!» кричало несколько хлопцев в тесном конце улицы, и Черевик [Далее было: вдруг] наш вдруг почувствовал себя схваченным дюжими руками. «Вязать его! Это тот самый, который украл у доброго человека [Черевика] кобылу!» — «Господь [Бог] с вами, за что вы меня вяжете?» — «Он же и спрашивает! А за что ты украл кобылу у заезжего мужика Черевика?» — «С ума спятили вы, хлопцы! [Бог знает что] Где таки видано, чтобы человек сам у себя крал что-нибудь?» — «Старая штука! Зачем бежал ты во весь дух, как будто бы сам сатана за тобою по пятам гнался?» — «Поневоле побежишь, когда сатанинская одежда...» — «Э, голубчик, [Далее начато: проведи] не до пенька прыскач! Обманывай других этим. Будет еще тебе от комисара за то, чтоб не пугал чертовщиною людей...»

«Лови! Лови его!» послышался крик на другом конце улицы. «Вот еще один беглец! Держите его, братцы, покрепче». Тут глазам нашего Черевика представился кум в самом жалком положении, ведомый, с закрученными назад руками, несколькими хлопцами.

«Тут чудеса завелись!» говорил один из них: «послушали б вы, что говорит этот мошенник, на которого глянь только, угадаешь [так узнаешь] что вор. Когда стали спрашивать: от чего бежал он, как полоумный? — „полез“, говорит [„хотел“, говорит] „в карман табаку понюхать, только вместо тавлинки, глядь, вытащился кусок чертовой [красной] свитки, от которой вспыхнул красный огонь“, и он давай бог ноги!» — «Эге, ге! Да это из одного гнезда оба. Вязать их обеих вместе!»

12

*Чим, люди добрые, я винен перед вами?
За що глузуете вы надо мною так?
За що, за що? тай попустыв патіоки,
Патіоки гирких слиз, узявшия за боки.*

«Может быть, ты в самом деле, кум, подцепил что-нибудь?» спросил Черевик, лежа связанный вместе с кумом под соломенной яткою [на соломе] «И ты туда же, кум! чтобы мне отсохнули руки и ноги, если я когда-либо [когда-нибудь] крал что-нибудь, кроме пирога с вареной капустой, когда мне было десять лет еще от роду». «За что же это, кум, на нас напасть такая? Тебе еще ничего, тебя винят еще, по крайней мере, за то, что украл у другого; за что же мне, непоробку [<небораку?>] недобрый поклеп, будто бы у самого себя стянул кобылу? [Вместо „недобрый ~ кобылу“: кто видал на свете поклеп, да еще будто бы украл у самого себя кобылу.] Видно, нам, кум, на роду уже написано быть горемыками». — «Горе [Далее было: сиротам] бедным нам, сиротам!» Тут оба кума принялись всхлипывать навзрыд, рассуждая о суеде мира сего. [Далее было: Как вдруг, вошедший в это время потихоньку Грицько помешал излиянню горести] «Что это с тобою, Солопий?» сказал вошедший в это время Грицько. «Кто это так связал тебя?» — «А, здорово, Охримов сын!» вскричал Солопий, обрадовавшись. «Слава богу, хоть тебя удалось мне видеть. Вот, как видишь, наказал бог, видно, за то, что провинился пред тобою. Прости, добрый человек! Ей богу, рад бы был сделать. Что прикажешь. В старухе моей дьявол сидит...» [Далее было: «Что ж», прервал его другой узник] — «Полно, Солопий, говорить об этом. Что было, было [то про<шло>]», говорил парубок: «не злюсь я. Ты можешь снова свести дело на лад... свадьбу [сегодня свадьбу] да и попируем так, чтобы и дальние люди знали!» — «Славно, ай [ей] славно!» сказал Черевик, ударив <руками?>: «чорт возьми, если мне не так же стало весело, как когда бы [как будто] мою старуху [ведьму] москали увезли! Да что смотреть, годится или негодится так! Сегодня свадьба да и концы в воду!» — «Смотри ж, Солопий: через час я буду к тебе, а теперь ступай, там ожидают тебя покупщики твоей пшеницы и кобылы».

«Как! Разве кобыла нашлась?»

«Нашлась!»

Черевик от радости остался неподвижен, глядя вслед уходившему Грицьку.

«Что, Грицько, худо мы сделали свое дело?» сказал высокий цыган спешившему парубку: «Волы мои теперь?»

*Не бійся, матинко, не бійся,
В червоні чобітки обуйся,
Топчи вороги
Під ноги,
Щоб твої підкивки
Брязчали,
Щоб твої вороги
Мовчали.*

Свадебная песня.

Подперши локтем хорошенький подбородок свой, задумалась Параска перед столом, в хате [а. Подперши локтем хорошенькую головку, сидела Параска за столом в хате б. Призадумалась] Много грез обвивалось около русой головы [«Много ~ головы» вписано.] Иногда вдруг легкая улыбка трогала [подымала] ее алые губки, и какое-то радостное чувство подымало темные ее брови, то снова облако задумчивости опускалось на ее карие светлые очи. «Ну, что, если не сбудется то, что говорил он?» шептала она с каким-то выражением сомнения на лице своем. «Ну, что, если меня не выдадут? [Далее было: да и только] Ну, что если... Нет, нет, этого не будет [никогда не будет]! Мачиха делает всё, что только ей вздумается: разве и я [и я не женщина, разве] не могу сделать того, что мне вздумается? [Далее было: Вот какие еще новости] Упрямства-то и у меня достанет. Как же он хорош! Как чудно горят его черные очи! Всё бы смотрела на него [в глаза]! Как идет к нему белая свитка! Жаль, что у него не слишком яркой пояс; ну, да я ему вытку после из шленской шерсти [шерст<яной?>] а может быть даже из гарусу», возбуженясь продолжала, вынимая из-за пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою [Вместо «маленькое ~ бумагою»: карманное зеркало] и глядясь в него с тайным удовольствием: «когда я встречу тогда с ней, я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себе тресни. Нет, мачиха, полно [полно бить] тогда бить тебе свою падчерицу. Скорее [Далее было: после дождя зацветет] на камне песок взойдет и дуб будет [а. будет б. станет в. голо<вою?>] гнуться в воду, чем [нежели] я тебе кивну головою. Да, [Далее начато: вот тебе] я и позабыла примерить к себе очипок, посмотреть, как то он идет ко мне?» Тут встала она и, держа в

руках зеркальце и наклонясь к нему головою, трепетно шла по хате, [Далее начато: видя под собою] как будто бы опасаясь [опасаясь беспрестанно] упасть, видя под собою, вместо полу, потолок с наложенными под ним досками, с которых низринулся попович, и полки, уставленные горшками. «Что я, в самом деле, как будто дитя маленькое» [маленькое дитя] вскричала она, смеясь: «боюсь ступить ногою!» И начала притопывать ногами, всё чем далее, смелее, смелее, наконец, левая рука ее опустилась и уперлась в бок, и она пошла танцевать, держа [всё же держа] перед собою зеркало, напевая любимую свою песню:

Зелененькій барвиночку,
Стелися низенько!
А ты, мылый, чернобрывый,
Присунься близенько!

Черевик заглянул в это время в дверь и, нашед свою дочь танцующею перед маленьким зеркалом, остановился, смеясь [и смея<лся?>] невиданному капризу девушки, которая, задумавшись, казалось, не примечала [не могла <приметить?>] ничего; но когда он услышал знакомые звуки песни, все жилки зашевелились в нем: гордо подбоченившись, выступил он вперед и пустился в присядку, позабыв и зачем пришел [пришел он] и все дела свои.

Тут громкий хохот кума заставил обоих [их] вздрогнуть. «Ладно! [Эх, чудеса, хорошо!] Батько с дочкой затеяли [заране от<плясывают?>] сами свадьбу. Ступай же скорее: жених пришел!» [Далее начато: Солопий наш вспомнил] Параска, при последнем слове [«при последнем слове» вписано.] вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ее голову, а простодушный ее отец вспомнил, зачем пришел. «Ну, дочка, пойдем [спе<шим?>] скорее! Хивря, [Далее начато: тебя] от радости, что я продал кобылу, побежала как лисица, помахивая хвостом, закупать себе плахт [вся<ких> плахт] и дерюг всяких, так нужно [Начато: пре<жде] до приходу ее всё кончить». Не успела она выступить из порога хаты, как почувствовала себя в объятиях парубка в белой свитке с черными очами, который давно уже стоял на улице, окруженный танцующими [«который ~ танцующими» вписано.] «Боже благослови!» сказал отец, складывая их руки: «Пусть их живут, как венки вьют!» [Обыкновенное приветствие у малороссиян новобрачным. (Прим. Н. В. Гоголя.)] Шум послышался в народе. «Я скорее тресну, нежели допущу до этого!» кричала сожительница нашего Черевика,

которую с хохотом не допускала шумная толпа в середину. «Не бесись, не бесись, жинка!» говорил хладнокровно Черевик, видя, что пара дюжих цыган овладела ее руками: «что сделано, то сделано; я переменять уж не люблю...» — «Нет, нет!» кричала Хивря: «этого-то не будет!» Но никто не слушал. Несколько пар [Толпа] обступило новую [мо<лодую?>] пару и составляло непроницаемую танцующую стенку около нее. Странное чувство овладевало душою зрителя, когда [видя] от одного удара смычка деревенского музыканта, всё обратилось, волею и неволею, к единству и превратилось в согласие. Угрюмые лица, на которых, казалось, век не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Всё несло, всё танцовало. [Далее вписано: но, казалось, не лишены были чувства] Но страннее всего было видеть старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушие моги<лы>, между новым, смеющимся, беспечным! Даже без детской радости, без искры живого, которых один хмель только, как механик своего безжизненного автомата, заставил делать [показа<ть>] что-то подобное человеческому, они тихо покачивали охмелевшими головами и плелись, подтанцовывая за веселившимся народом, не обращая даже глаз на молодую чету. И на развалине и на гробе зеленеет и лепится мох, как будто бы самое разрушение может улыбаться. [Вместо «самое разрушение может улыбаться» начато: а. самое разрушение показыва<ет?> б. улыбается самое разрушение] Толпа вереницей шумно передвигалась и уходила, как тени волшебного фонаря. Шум, гром, хохот, песни [Далее начато: казалось] слышились тише и тише. Смычок умирал, слабея и теряя неясные звуки в пустоте воздуха. [Далее начато: Нако<нец>] Еще слышилось где-то топанье и что-то похожее на ропот отдаленного моря, и скоро всё стало пусто и глухо. Не так ли и радость, прекрасная [быстрая, не<постоянная?>] и непостоянная гостья, улетает от нас, и напрасно одинокий звук думает выразить веселье. В собственном эхе слышит уже он грусть [печаль] и пустыню и дико внемлет ему [и с ужасом ему внемлет] Не так ли резвые друзья бурной и вольной юности, по одиночке, один за одним, теряются по свету и оставляют, наконец, одного старинного брата их? Скучно оставленному! И тяжело [жалко] и грустно сердцу, и нечем помочь ему.

БИСАВРЮК, ИЛИ ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА-КУПАЛА
МАЛОРОССИЙСКАЯ ПОВЕСТЬ (ИЗ НАРОДНОГО ПРЕДАНИЯ), РАССКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМ ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ.
ЖУРНАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ 1830 г

Дед мой имел удивительное искусство рассказывать. — Бывало час, два стоишь перед ним, глаз неводишь, вот словно прирос к одному месту: так были занимательны его речи; не чета нынешним краснобайным балагурам, от которых, прости господи, такая нападает зевота, что хоть из хаты вон. Живо помню, как, бывало, в зимние долгие вечера, когда мать моя пряла перед слабо-мелькающим каганцем, качая одной ногою люльку и напевая заунывную песню, которой звуки, кажется, и теперь слышатся мне, собирались мы, ребятишки, около старого деда своего, по дряхлости уже более десяти лет не слезавшего с печи. И тут-то нужно было видеть, с каким вниманием слушали мы дивные речи: про старинные, дышавшие разгулем годы, про гетманщину, про буйные наезды запорожцев, про тиранские мучительства ляхов, про удалые подвиги Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачного. Но нам более всего нравились повести, имевшие основанием какое-нибудь старинное, сверхъестественное предание, которое нынешние умники без зазрения совести не побоялись бы назвать баснею; но я готов голову отдать, если дед мой хотя раз солгал в продолжение своей жизни. Чтобы уверить вас в справедливости этого, я хоть сей же час расскажу вам одну из тех повестей, которые так сильно нравились нам во время-оно, надеясь, что и вам полюбится.

Лет более нежели за сто пред сим, еще за малолетство Богдана, село наше, говорил дед мой, не похоже было на нынешний самый негодный хутор: две, три хаты, необмазанные, неукрытые, торчали среди необозримой пустыни; о существовании же прочих догадывались только по дыму, выходившему из земли. — Наши предки не слишком роскошничали и жили большею частию в землянках, в которые свет проходил в одни только двери, а сырость во все стены. Вы спросите: отчего же они так бедно жили? Господи, боже мой! да такие ли тогда времена были, чтоб роскошничать, когда они не могли удержаться в своих землянках. Не

слишком бывало весело, когда нагрянут беззаконные толпы ляхов. А литва? а крымцы? а весь этот заморской сброд? Да еще лучше: бывало, свои, как нет поживы в неверной земле, навалят ватагами, да и обдирают своих же. Уж прямо лихое было времячко!

В этой-то деревушке имел притон свой — человек, или, лучше сказать, сам чорт в образе человеческом. Чем он занимался, это один бог знал: днем он был почти невидимка; одни рассказывали, что будто он гайдамачил по захолустьям, обдирая проезжих купцов; другие, что у него в лесу был шалаш, совершенно похожий на ятку, в какой обыкновенно у нас во время ярмонки жидовки продают горелку. Те же, которым случалось проходить мимо этого бесовского гнезда, утверждали, что слышали какой-то странный, бессмысленный шум и речь совершенно не нашу. — Ночью же только и дела, что пьяная шайка Бисаврюка (под таким именем был известен этот дивный человек), ни в чем не уступавшая своему предводителю, с адским визгом и криком рыскала по оврагам или по улицам соседнего села, которое было несравненно обширнее нашего. Понаберет с собою всех встречавшихся козаков, да и давай угощать; деньги сыплются... водка словно вода... Пристанет, бывало, к красным девушкам, надарит лент, серег, монист... ну, так, что девать некуда. Правда, что красные девушки немного призадумывались, принимая подарки: бог знает, может быть, в самом деле они перешли чрез нечистые руки. Родная тетка моего деда, содержащая в то время шинок по нынешней Опошнянской дороге, в котором часто разгульствовал Бисаврюк, именно говорила, что ни за какие благополучия в мире не согласилась бы принять от него подарков; но что прикажешь делать? не взять — беда, всякого проберет страх, особенно когда он нахмурит свои густые, толщиною в палец, брови; а возьмешь — так на следующую ночь как раз и тащится домовою и давай душить за шею, когда на шее монисто, или кусать за палец, когда на нем перстень, или тянуть за косу, когда в нее вплетена лента. Бог с ними со всеми этими подарками. Рады были отвязаться от них, но не тут-то было: бросят в воду, глядь — чертовский перстень или монисто и плывут поверх воды, да прямо к тебе в руки.

В селе находилась церковь во имя Трех Святителей, шагов на 400 от нашей Покровской, что можно и теперь видеть по оставшимся камням от фундамента. Притом вам, я думаю, не безызвестно, что почтенный шапар наш Терешко еще недавно, копая ров около своего огорода, открыл необыкновенной величины камень с явственно вырезанным на нем крестом, который, вероятно, служил основанием алтаря; неверящих отсылаю к нему самому лично. При церкви находился иерей, блаженной

памяти отец Афанасий. Заметивши, что Бисаврюк не бывал даже и на Велик день в заутрене и узнавши наверное про знакомство его с сатаною, решился было порядком пожурить его: наложить церковное покаяние. Куды вам! насилу ноги унес. «Послушай, батюшка!» зарычал он своим бычачьим голосом: «чем тебе мешаться в чужие дела, знай-ка лучше свое, а не то будь я такой же как ты бородатый козел, если твоя речистая глотка не будет заколочена горячею кутьею». — Что станешь делать с окаянным? Отец Афанасий объявил только, что всякого, кто зазнается с Бисаврюком, станут считать за католика, за врага христианской церкви и всего человеческого рода.

В том самом селе, где была церковь во имя Трех Святителей, находился в услужении у одного богатого козака статный и рослый парубок, по имени Петро Безродный; так называли его потому, что ни один из всего села не мог запомнить никого из его родных. Староста помянутой церкви утверждал, будто даровавшие ему жизнь умерли вскоре от чумы; но тетка моего деда явно тому противуречила и по великодушию, свойственному впрочем всем женщинам, старалась всеми силами наделить его родней, хотя бедному Петро было столько же в ней нужды, сколько нам в прошлогоднем снеге. Она говорила, что отец его и теперь на Запорожьи, что он был полонен турками, что терпел ни весть какую муку, что после чудесным образом избавился, переодевшись евнухом, и проч. и проч... За подлинно же нам известно только то, что до семнадцатилетнего своего возраста Петро был главным гетманом всего домашнего скота, принадлежавшего богатому козаку, и надобно сказать, что все красные девушки решительно признавали его очень пригожим детиною; утверждали даже, что если бы его одеть только в новый жупан, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку из черных смушек, с щегольским синим верхом, привесить к боку турецкую саблю, дать в одну руку малахай, в другую люльку в красивой оправе, то вряд ли бы кто из тогдашних парней поспорил с ним в красоте. Но то беда, что у бедного Петруся весь наряд составляла смурая свитка с разноцветными заплатами. После, когда он пришел в состояние помогать своему хозяину, одевали его несколько поприличнее; но величайшая беда для него была следующая: старый Корж (так назывался богатый козак, у которого служил Петро) имел дочь, красавицу, какой, думаю, вряд ли кому-нибудь из вас удалось видывать. Тетка покойного моего деда рассказывала (а женщины редко говорят в пользу сестриц своих, особливо когда дело идет о красоте), что полненькие щеки козачки подобились маку самого нежного розового цвета, когда он с ранним утром томно расправляет свои листики и улыбается перед

вырезающимся из-за горизонта солнцем, что черные как смоль ее брови огибались двумя очаровательными дугами над прелестными карими глазками; что ротик, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и создан был, чтоб выводить соловьиные песни; что ее волосы темно-темно русые (тогда еще не заплетали их наши девушки в дрибушки, переплетенные красивыми ярких цветов синдячками) упали природными, курчавыми кудрями на богатый, шитый золотом кунтуш. Признаюсь, хоть бы и нашему брату представилось подобное искушение, то, несмотря на то, что седь пробирается по всему старому лесу, покрывающему мою макушу; несмотря на то, что под боком моя старуха, как бельмо в глазу; несмотря на всё сие, я готов бы раз двадцать позабыть то и другое — за один взгляд прекрасной козачки.

Что ж теперь сказать о Петрусе, которого сердце было словно сухой хворост, вспыхивающий от одной неосторожно оброненной искры? нужно ли говорить, что и Пидорка была не прочь от красивого парубка? Отцам, как и тогда водилось, дети почитали за лишнее открываться в любви, и старый Корж никогда бы и не подумал подозревать молодежь, если бы в один вечер чорт не дернул Петруся, не осмотревшись хорошенько, вклепить довольно звучный поцелуй в прелестные губки красавицы, и если бы в то же время, этот же самый чорт не дернул старого хрена сдуру отворить дверь хаты. Это явление так ошеломило его, что он долго стоял, как окаменелый, разинувши рот и взявшись одною рукою за деревянную задвижку полурастворенной двери. Проклятый поцелуй, казалось, оглушил его совершенно. Ему почудился он несравненно громче, чем удар макогона об стену, которым обыкновенно в наше время мужик прогоняет кутю, за неимением фузеи и пороха. Очнувшись от своего беспамятства, первым делом его было снять со стены дедовскую нагайку, а вторым покропить ею спину бедного Петруся. — Но в то самое время откуда ни возмись пятилетний брат Пидоркин — Ивась, которого без памяти любил он, и уцепясь ему на шею, давай молить со слезами: «тату, тату! не бей Петруся». — Что прикажешь делать? у отца сердце не каменное; повесив нагайку на стену, он выгнал Петруся по шеям, с строжайшим приказанием — не появляться никогда под окнами его хаты; в противном случае поклялся всеми чертями, что не оставит в нем ни одной косточки целой, присовокупив, что и самому его длинному, ровному оселедцю (который у Петро начинал уже два раза замотываться около уха) предстоит опасность распрощаться с родною макушею. Во всё продолжение сей разделки Пидорка была ни жива, ни мертва; и тогда только почувствовала вполне свое горе, когда осталась одна среди пустой хаты. — Вспомня

случившееся, прижала Ивася к сердцу, зарыдала и бросилась в изнеможении на лавку. Признаюсь, что глядя на нее и дерево бы заплакало. Ну, да тогдашние времена были пожестче наших. Тетка моего деда говорила, что, несмотря на все усилия отца Афанасия растрогать своих; прихожан проповедью, он только мог видеть широкие их пасти, которые они со всем усердием показывали в продолжение его речей. — Ничто не могло сравниться с грустью бедного парубка: только и утешения было у него, чтоб издали следовать за Пидоркою; после чего с невыразимою тоскою ворочался он в свою темную хату. Но согласитесь сами, что из этого мало проку, и потому Петро взялся за ум: давай думать, как бы пособить горю; вот и выдумал ехать на Дон, пристать к какой-нибудь ватаге удалой — воевать туретчину или крымцев. — Мысль эта словно гвоздь засела в голове его: бывало, то и дела, что видит он кучи золота; драгоценные камни ограбленных иноверцев беспрестанно чудились ему перед глазами. Чего не забредет в голову? то иногда представлялся ему радостный прием старого Коржа, то приятный испуг Пидорки, увидевшей перед собою доблестного наездника, обремененного богатою добычею; — как вдруг неожиданное известие вздуло на ветер золотые его думы. Одним утром, когда он едва только приподнял голову, отягченную дивными снами, и размахивал руками, как будто поражая нечестивые толпы крымцев и ляхов, — вбежал к нему Ивась и поведал с детским простодушием, что Пидорка ни весть как покучила по нем, что у них теперь какой-то поляк, весь в золоте, что старый Корж сажает его за стол подле Пидорки, что гость то и дела, что ласкается к ней, да прислуживает; дарит перстни один другого лучше, серьги одни других ярче; что Пидорка не принимает, да плачет; что тата ругается на чем свет стоит... и проч. и проч. — Выпуча глаза, как безумный, слушал Петро лепетание Ивася. Час целый он не мог опомниться, и что деялось в душе его — не нам то рассказать. Наконец он махнул рукою, будто решившись на что-то; «к чему тут мудрование?» сказал он: «коли пропадать, так пропадать!» да и направил стопы свои прямехонько в шинок.

Тетка моего дедушки удивилась, когда увидела Петруся, с природы трезвого и воздержного, вступающего в шинок; но удивление ее превзошло меру, когда он потребовал в один раз полкварти водки, чего самый горький пьяница вряд ли в состоянии был выпить. — Но напрасно думал он потопить свое горе: водка превращалась, казалось, в палящий огонь и жалила его язык, словно крапива. В сердцах бросил он фляжку о землю так, что дребезги ее разлетелись по всем углам хаты. «Полно тебе горевать!» загремел кто-то позади его, и толстая жилистая рука расположилась на

плече Петруся. Он оглянулся и вздрогнул, увидев перед собою дьявольскую рожу Бисаврюка. «Знаю», продолжал он, «о чем твое горе; тебе не достает вот чего». Тут он с бесовскою улыбкою брякнул толстым кожаным кошельком, висевшим у него около пояса. Петро изумился; перекрестившись и три раза плюнув, молвил: недаром тебя почитают за дьявола, когда ты знаешь, что еще на мыслях у человека. — «Гм! земляк, это не штука узнать, о чем думаешь; а вот штука — помочь тому, о чем думаешь». — При сих словах Петро неподвижно уставил на него глаза свои. Часто видел он Бисаврюка, но тщательно избегал с ним всякой встречи; да и кому придет охота встретиться с дьяволом! Притом в чертах Бисаврюка столько было недоброго, что он и без заклятия отца Афанасия, ни за что бы не поздоровался с ним; а теперь был готов обнять дьявола, как родного брата. Ведь иной раз навождение бесовское так ошеломит тебя, что сам пресловутый сатана — прости господи согрешение — покажется ангелом. — «От тебя одного потребуют», сказал нечистый, отведя Петро в сторону. Несмотря на всё присутствие духа, дрожь проняла насквозь Петруся, когда он услышал слова сии; ну, думает себе, и до души дело доходит. Пусть же берет меня хоть всего, а Пидорка будет моя. — «От тебя одного потребуют» — продолжал Бисаврюк — «одного только дела, для твоего же добра — Хоть десять дел давай, только скорее деньги». — «Постой, земляк, не спеши так. Завтра Иванов день; смотри же, ровно о полночи, еще до петухов, чтобы ты был у волчьей плотины; перейдя ее, увидишь ты за тремя пригорками, промеж терновника и бурьяна, много цветов: не рви их; но как только перед тобою зацветет папоротник, сорви его скорее, не бойся ничего и не оглядывайся назад. Смотри же, не прозевай! в эту ночь только и цветет папоротник». [В Малороссии существует поверье, что папоротник цветет только один раз в год, и именно в полночь перед Ивановым днем, огненным цветом. Успевший сорвать его — несмотря на все призраки, ему препятствующие в том, находит клад. (Прим. Н. В. Гоголя.)] Тут они ударили по рукам и был ли у них могоричь, или нет, об этом тетка моего деда ни слова не сказала. Только Петро как полуумный возвратился домой; тысячи мыслей ворочались в его голове, словно мельничные колеса, и все около одной цели.

С каким нетерпением выжидал он вожделенного вечера! Целый божий день то и дела, что поглядывал, не начинает ли темнеть, не думает ли солнце прилечь на водные пуховики свои. Но на беду его — день, как нарочно, был предлинный: несносный жар усиливал тоску ожидания, и веселые песни жнецов, одни только нарушавшие тишину летнего дня, были ему горше полыни. Но вот уже солнышко закатилось. Рев и блеяние коров и

овец послышались в отдалении... Сердце в нем ёкнуло... Вооружившись кием и татарскую кривою саблею, отправился он в назначенное место.

Немало труда ему стоило пробираться оврагами и топкими болотными местами, беспрестанно цепляясь за густо разросшийся терновник и спотыкаясь почти на каждом шагу, покамест не достиг волчьей плотины. Перешед ее, увидел он означенные три пригорка; но цветов не нашел. Дикой бурьян, казалось, глушил всё своею густотою. Но вот, при свете блеснувшей молнии, показалась Петро целая гряда цветов, всё чудных, всё невиданных, и между ними обыкновенные листки папоротника. С сомнением рассматривал он это зелье: кажись, что бы тут невиданного! Уже он начинал думать, что Бисаврюк затеял посмеяться над ним; уже начал проклинать свое легкоеверие — как вдруг заметил небольшую цветочную почку, будто движущуюся; чудесная почка начала мало-помалу разворачиваться: что-то вспыхнуло подобно звездочке, и яркий, как огонь, цветок развернулся пред изумленными очами его. Только что он протянул руку сорвать его, как увидел, что тысячи мохнатых рук также тянутся к цветку. Собравши всё присутствие духа и зажмуря глаза, разом дернул он за стебель, и цветок остался в руках его. Оглянувшись, увидел он Бисаврюка, неподвижно и немо сидевшего на заросшем пне, словно мертвеца; только одною рукою показал он ему место подле себя. Напрасно спрашивал Петро, что ему должно делать? долго ли ждать еще? Хоть бы одно слово в ответ: сидит, да молчит, устремив страшные глаза свои на что-то. Но вот послышался свист, от которого у Петро захолонуло внутри. Лицо Бисаврюка вдруг оживилось, глаза засверкали... «А!» пробормотал он сквозь зубы: «старая ведьма воротилась на бешеной кочерге своей. Смотри же, Петро! я тебе еще раз говорю: ты должен, во что бы то ни стало, исполнять ее приказания, не то пропал ты навеки».

Разделяя суковатыми палками терновник, добрались они до хаты ветхой и низкой, стоявшей, как говорят в сказках, на курьих ножках. Бисаврюк ударил кулаком, и вся избенка зашаталась; большая черная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, бросилась прямо им в глаза. «Не бесись, не бесись, старая чертовка!» проговорил Бисаврюк, скрепив свое прошение таким словцом, от которого бы добрый человек и уши заткнул. Кошка пропала, как в воду канула, и на место ее явилась сухая, согнутая в дугу старуха, с лицом похожим, вот как две капли воды, на печеное яблоко, с седыми, длинными волосами, еще более увеличившими ее безобразие. Бедный Петро как посмотрел на нее, так по спине пошли мурашки. Ну, ни дать, ни взять, сама правоверная супруга сатаны. Когда ж заговорила она на каком-то чертовском наречии с

Бисаврюком; когда ее сизый нос, и без того бывший в дружеском соседстве с подбородком, составил с ним инструмент, похожий на клещи, которыми хватают раскаленное железо; когда изо рта у ней посыпались искры и показалась адская пена — мороз подрал Петро по коже; а нечего делать: нужно было слушать ведьму, приказавшую ему подбросить цветок вверх, отойдя на небольшое расстояние, и цветок, к величайшему его удивлению, не прямо упал на землю, но, долго колебаясь в воздухе, — тихо спустился и так далеко, что едва только видна была звездочка, величиною в маковое зерно. «Здесь!» глухо прохрипела старуха, а Бисаврюк, подавая ему заступ, примолвил: «копай здесь, Петро! тут ты увидишь столько золота, сколько тебе еще и не снилось». Слово: золото придало Петро рвения и сил. Раз, другой, третий копнул заступом, как и зазвучало что-то твердое, и глаза его ясно начинали различать большой железный сундук. Уже он хотел достать его рукою, как сундук глубже и глубже стал погружаться в землю; и позади его послышалось шипение, походившее на хохот, вылетающее из беззубого, ведьмовского рта. Досада взяла Петруся; вот и вскинется он к ней с заступом; а та, вместо всякого ответа, сунь ему нож в руку, примолвив с адским смехом, что пока не достанет он человеческой крови, до тех пор клад не будет в его руках. И вот, не говоря ни слова, подвела к нему мальчика лет пяти, с накрытою головою, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову. Он обезумел от страха и гнева. Шутка ли отрезать голову человеку, да еще и безвинному младенцу! Но кто ж выразит его удивление, когда, сдернув с малютки покрывало, узнал он в нем Ивася: сложив накрест ручки, он, казалось, умолял его о пощаде. Тут уже он не мог удержать своего бешенства... С тем же самым ножом бросился он к ведьме и уже было занес руку, как вдруг громовой голос Бисаврюка «вспомни свою клятву!» поразил его, словно пулею. Ведьма топнула ногою: синеватое пламя показалось из земли и осветило всю ее внутренность, и всё, что было под землею, стало видимо, вот как на ладоне: червонцы и дорогие камни грудами навалены были под тем самым местом, где они стояли... Глаза у Петруся разгорелись... тут, вдобавку, представилось ему отчаяние Пидорки, принужденной итти за нечестивого католика... Ум его помутился; как сумасшедший бросился он за нож — и кровь невинного младенца брызнула ему в лицо... Адский хохот раздался вокруг него; безобразные чудовища стаями скакали перед ним, а гнусная ведьма, вцепившись руками за обезглавленный труп, с жадностью пила из него кровь... Всё пошло кругом в голове его; как угорелый бросился он бежать; но ему казалось, что деревья, кусты, скирды сена и всё, что попадалось на дороге, гналось за ним в погоню. Обеспамятев и выбившись из сил, вбежал он в свою лачужку

и как сноп повалился на землю.

Целый день и целую ночь спал Петрусь наш словно убитый. На другое только утро пробудился он от своего богатырского сна и мутными глазами окидывал пыльные углы своей хаты, как будто несполна протрезвившийся пьяница. Напрасно силился он припомнить случившееся с ним: память его была словно карман старого скряги, из которого шеляга не выманишь. Как вот заметил он в ногах у себя четыре туго набитые мешка. — Глянь в них — чистое золото! Тут только начало проясняться пред ним, как в тумане, его ночное странствие. Тут только вспомнил он, что искал какого-то чудного растения, что отрыл богатый клад; вспомнил, как ему было страшно одному ночью. Но каким образом достал он клад, какую цену пришлось ему это сокровище — сколько ни ломал головы своей, никак не мог понять. — Да и до того ли, когда перед глазами такая несметная куча денег? Вот схвативши мешки в обе руки, подрал он во весь дух к хате богатого козака. Старый Корж изумился, долго щупал себя за нос и за усы, наконец принялся и за сытые мешки, как бы желая увериться не спит ли он, не во сне ли чудится ему такое диво? Чтобы скорее уверить его, что всё это наяву, Петро высыпал пред ним один мешок: яркие, как огонь, червонцы зазвенели... Это чуть не свело старичину с последнего ума. Откуда ни возмись и приветливые слова и ласки: сякой, такой, Петрусь, не мазаный! да я ли тебя не жаловал? да не был ли ты у меня как сын родной? так, что Петруся до слез разобрало. — Добром или худом было нажито золото, о том предки наши мало заботились: не то было время. Всякой знавал за собой грешок и разве из тысячи только один мог выбратся такой, у которого обе руки были святы. Как бы то ни было, только старый Корж захлопнул дверь щеголеватому поляку под самый нос, с приговоркою едва ли не погрознее той, какую услышал от него Петрусь. Слышно было, что поляк долго еще хвастался, крутя усы и бряча саблею, что старый Корж хотел ему навязать девку, какой бы не согласился взять ни один порядочный человек, да встретившись один раз под темный вечерок с Петрусем, так присмирел после того, что сколько ни спрашивали у него потом, — он молчал, как рыба. Тут Пидорка с плачем рассказала Петрусю, как мимо проходившие цыганы украли Ивася... и что ж вы думаете? хоть бы ненароком переменялся он в лице. Проклятая бесовщина так обморочила его, что он едва мог запомнить даже лицо Ивася, чему Пидорка немало дивовалась и сколько ни билась, не могла разгадать, что всё это значит?

Откладывать было незачем. Вот и заварил Корж свадьбу, какой в тогдашние времена слышать не слыхано. Меду наварено столько, сколько

душа желала, в водке хоть выкупайся. Посадили молодых за стол, разрезали коровой, заиграли бандуры, цимбалы, сопилки, кобзы, и пошла потеха...

В старину свадьба водилась не в сравнение с нашей. Тетка моего деда с восторгом рассказывала, как красные девушки в красивом головном уборе из алых, синих и розовых стричек, [Ленты, составляющие наряд малороссийских девушек. (Прим. Н. В. Гоголя.)] сверх коих повязывался золотой галун, в тонких рубашках, вышитых по всем швам красным шолком и изнизанных мелкими серебряными цветочками, в сафьянных сапогах на высоких железных подковах, наперед плавно, словно павы, и после с шумом — что вихорь, скакали в горлице, как молодницы с корабликом на голове, которого верх был весь сделан из сутозолотой парчи и казался словно выкованным из золота, на затылке с вырезом, из которого выглядывал золотой очипок с двумя выдавшимися один наперед, другой назад рожками, самого мелкого черного смушка; в синих из лучшего полутабенку, с красными клапанами, кунтушах, важно подбоченившись выступали хором и мерно выбивали гопака. — Как парубки в высоких козацких шапках, в тонких суконных свитках, затянутых шитыми серебром поясами, с люльками в зубах, рассыпались перед ними мелким бесом и точили лясы на колесах. — Довольно, когда даже сам старый Корж не утерпел, глядя на молодых, чтоб не тряхнуть стариной. С бандурою в руках, потягивая люльку и вместе припевая с чаркою на голове, пустился при громком крике гуляк в присядку. Чего не выдумает молодежь навеселе? как начнут, бывало, наряжаться в хари: — господи, боже ты мой! Ведь на человека не похожи. — Не стать нынешних переодеваний, что бывают на свадьбах наших! только что корчат цыганок да москалей. Нет, вот, бывало, один оденется жидом, а другой чортом, да пустятся между собою в раздобары, а после в драку — что за умора? надорвешься со смеху! Иные пооденутся в турецкие и татарские платья: всё горит на них как жар... А как начнут дуреть да строить шутки — ну! тогда хоть святых выноси. С почтенною свидетельницею, сообщившею моему деду все сии подробности, случилось одно забавное происшествие: она была тогда одета в татарское широкое платье и с чаркою в руках угощала всё собрание; вот одному вздумалось окатить ее сзади водкою, другой, тоже видно непромах, высек в ту ж минуту огня да и поджег... синее пламя вспыхнуло, бедная тетка испугавшись давай сбрасывать с себя при всех платье... шум, хохот! — ералаш такой поднялся, как на первый день ярмонки. — Одним словом, старики говорили, что еще никогда не запомнили такой веселой свадьбы.

Вот и начали жить да поживать Петрусь с Пидоркою — как царь с царицею. Дом словно полная чаша; платье-то на них как ясные звезды; еда-то у них мед, да сало, да вареники. Правда, что добрые люди кивали головою, глядя на их житье, поговаривали даже, что недолго проживут они так, чужое добро не в корысть, особливо дьявольское. Об том уже и не сомневались, что он получил его чрез бесовские руки. Не ушло из виду и то, что в тот самый день, когда у Петра появились золотые мешки, Бисаврюк канул как в воду. Говорите же, что люди злоречивы: ведь в самом деле не прошло месяца, как Петро наш сделался совсем не тот, а что за причина была этому — никто не мог узнать. Только Пидорка начала примечать, что иногда по целым часам сидит он пред своими мешками и вздрагивает при малейшем шорохе, как будто боится, чтобы кто не пришел отнять или украсть их. А иногда вдруг среди речи остановится и час, другой, стоит словно убитый; всё силится что-то вспомнить, и сердится, и бесится, что не может вспомнить. Так, что наконец и веселость прежняя пропала. Бывало, ходит вокруг своей хаты пасмурный и угрюмый, как воробьиная ночь, с знакомыми хоть бы слово, и чуть где завидит человеческое лицо, так и удирает околицами да проселками. Чего не делала Пидорка, чтобы пособить горю: и советовалась с знахарями и услужливыми старушками, ворочавшими языком столь же исправно как веретеном, и сама старалась ласками и просьбами разогнать хандру его — ничто не помогало. Все средства были испытаны, и заговаривали зло, и выливали переполох [Выливают переполох от испугу; для сего топят и льют воск в холодную воду и чье подобие он примет, тот самый предмет испугал больного. По совершении сего действия он немедленно выздоравливает. (Прим. Н. В. Гоголя.)] и заваривали соняшницу [Заваривают соняшницу от дурности и боли в животе; для этого ставят больному на живот миску, наполненную водою, берут глиняную кружку или горшок и, бросив в него зажженный клочок пеньки, с приговариванием и зашептыванием оборачивают его вверх дном и ставят в миску. После чего дают пить этой воды больному. (Прим. Н. В. Гоголя.)] — Всё понапрасну! Так прошло и лето: одни отжались и откосились, другие, которые были поразгультнее, начали в поход снаряжаться. Стаи уток еще толпились на наших болотах, но кропивянок уже и в помине не было. В полях покраснело. Скирды хлеба то сям, то там, словно козацкие шапки, пестрели по полю, и мужик на дюжих волах давно уже поплелся за дровами в лес. Земля сделалась тверже и начала прохватываться местами морозом. Копыты молодецкого коня верст за пять стали слышны; а тут и зима не за горами: снег начал перепадать большими охлопьями; деревья закутало

пушистою шубою. Вот уже в ясный, морозный день красногрудый снегирь, словно щеголеватый польской шляхтич, прогуливался по снеговым кучам, вытаскивая зерно, и дети огромными киями гоняли по льду деревянные кубари, между тем как почтенные отцы их покойно вылеживались на печи, выходя по временам с зажженною люлькою в зубах, ругнуть добрым порядком православный морозец или проветриться и промолотить в сенях залежалый хлеб. Вот уже и на тепло понесло, и снега начали таять, и щука хвостом лед расколотила [В Малороссии существует поверье, что лед не сам разламывается, но щуки разбивают его хвостами. (Прим. Н. В. Гоголя.)] — а Петро наш всё чем далее, тем суровее. Одичал так, что на него смотреть сделалось страшно и всё по-прежнему сидит над мешками, да думает, да боится. — Бедной Пидорке жизнь не в жизнь стала; изныла, иссохла, словно щепка, на свет божий не глядит. Сначала было страх ее пробирал — да чего не сделает привычка? Свыклась, бедняжка, с невзгодою, как с родною сестрою. Одно только ей горько было, что Петро сначала хоть нищей братии уделял из своих мешков, теперь же ни копейки ни на церковь, ни жене своей, так что впоследствии ей даже ходить не в чем было. Бедность в хате такая, какой у последнего бобыля не бывает. Петро дрожит, вынимая копейку, всю ночь не спит напролет: залает ли бровко, заскрепит ли что, зашелестит ли какая птица на крыше — уже он схватывается и обшаривает закоулки всей хаты, после чего ни с места от своих мешков. Люди дивовались, дивовались, да и перестали дивиться. Уже советовали Пидорке бросить своего мужа... Но ничто не могло убедить ее; нет, думает себе, он для меня погубил, может быть, свою душу, а я его оставлю, оставлю покинутого всем светом — и целый день простаивала перед иконою, да молилась о спасении души Петра.

Вот в один вечер, именно накануне Ивана Купала, Петро наш вдруг заболел и не мог встать с постели, горячка и бред поминутно усиливались, так, что Пидорка принуждена была отправиться в дальнее село просить помощи. Только на половине дороги попадаетея ей старушка беззубая, вся в морщинах, словно кошелек без денег. Слово за словом, узнает Пидорка, что она мастерица лечить. Этого-то ей и нужно. Уговоривши старуху со слезами помочь ей в напасти, приводит она ее в хату. — Сначала Петро было не заметил новой гостьи, как же всмотрится пристально в лицо ей, как задрожит, как хватится с постели, как размахнется топором... Топор на два вершка вбежал в дубовую дверь, а старухи и след простыл. Выхватив его с неимоверною силою подступил он к Пидорке: «зачем ты привела ко мне ведьму? Ты хочешь меня сгубить», господи боже мой! уже было и руку занес... да глядь невзначай в сторону и руки опустились и язык отняло;

болезненная судорога прохватила его по всем членам, волосы поднялись дыбом, и мертвый холодный пот выступил на лице: посреди хаты стояло дитя с покрытою головою. Покрывало сваялось... Ивась!.. закричала Пидорка и хотела броситься к нему — неизъяснимый страх удержал ее; а привидение покрылось с ног до головы кровавым цветом и стало рость, рость, как из воды итти, пока не тронулось наконец головою в перекладину; тут голова его отделилась, всё туловище сделалось как огонь... Пидорка с испугу выскочила в сени. «Меня жжет! мне душно!..» кричал Петро, как будто охваченный пламенем: но дверь так крепко захлопнулась вслед за нею, что сколько она ни силилась, никак не могла отворить ее. В страхе и попытках побежала она звать на помощь кого-нибудь. Отчаянный голос Петра: «меня жжет! мне душно!» поминутно чудился и жалобно свистал ей в уши. Людей сбежалась целая орда. Ведь и в тогдашние времена зевак было довольно. Дверь отперли, и что ж вы думаете, хоть бы одна душа была в хате. На середине только лежала куча серого пеплу, который еще дымился местами. Кинулись к мешкам — одни битые черепки лежали в них на место червонцев. Долго стояли все, разинув рты и выпуча глаза, словно вороны, не смея пошевелить ни одним усом, — такой страх навело на них это дивное происшествие. — Наконец такой подняли шум, толкуя каждый по-своему, что собаки со всего окологда начали лаять. Явились и добрые старушки, пронюхавшие, что у Пидорки осталось еще отцовское добро, которым, по скупости своего мужа, она никогда почти не пользовалась и принялись дружно, со всем усердием утешать ее. Бедной Пидорке казалось всё это так дико, так чудно, как во сне. — Сопещание кончилось тем, что с общего голосу пепел раздули на ветер, а мешки спустили по веревке в яму, потому что никто из честных козакoв не захотел осквернить рук дьявольщиною. В награду за такое благоразумное распоряжение потребовали они себе ведра четыре водки и, шатаясь на все стороны, отправились восвояси. Попечения ж усердных старушек не кончились тем: одна из них трещала на ухо Пидорке, что ей нужно построить новую хату, другая предлагала щегольского жениха, третья открыла по секрету, что знает искусных швей для свадебных рушников, четвертая трезвонила, что нужно сделать люльку для будущего ребенка... Признаюсь, что такая куча советов взбесила бы хоть кого; но бедная Пидорка ничего не видала, ничего не слышала.

Оправившись немного, она дала себе обет итти на богомолье и чрез несколько времени точно ее уже не было на селе. Но никто не знал куды девалась она; почтенные старушки отправили ее было уже туда, куды и Петро потащился, как один раз приезжий козак, бывший в Киеве,

рассказывал, что видел в монастыре монахиню беспрестанно молящуюся, в которой по всем описаниям узнали земляки Пидорку; что она пришла пешком и внесла богатый оклад к иконе божией матери, какого еще и не видывали, весь из золота, исцвеченный такими яркими и блестящими камнями, что все зажмуривались, глядя на него.

Постойте, — этим еще не всё кончилось; в тот самый день, когда Петра взяла нелегкая, появился снова Бисаврюк, снова начал разгульничать да сыпать деньгами, только люди не дались уже в обман, все бегом от него. История Петруся слишком запечатлелась у всех, узнали, что этот Бисаврюк никто другой, как сам нечистый, принявший человеческой образ, чтобы отрывать клады, а как клад не дается нечистым рукам, так вот он и губит людей. Чтобы не попасться в соблазн лукавому, они бросили свои землянки и хаты и перебирались в село; но и тут не было покою от проклятого Бисаврюка. Тетка моего деда говорила, что нечистый именно более всего злился на нее за то, что оставила она прежний шинок свой по Опошнянской дороге, и потому всеми силами старался выместить всё на ней. Один раз все старейшины села собрались в шинок и чинно беседовали за дубовым столом, на котором, кроме разного рода фляжек, на диво возвышался огромный жареный баран. Беседа шла долго, приправляемая, как водится, шутками и диковинными рассказами. Вот и померещилось — еще бы ничего, если бы одному — а то именно всем, что баран поднял голову, блудящие глаза его ожили и засветились, и вмиг появившиеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующих; все тотчас узнали на бараньей голове рожу Бисаврюка, так что тетка деда моего думала уже, что вот-вот попросит водки... Честные председатели пирушки скорей за шапки, да опрометью восвояси.

В другой раз сам церковный староста, любивший по временам раздобарывать про старину глаз на глаз с дедовскою чаркою, не успел еще два раза достать дна и поставить ее перед собою, как видит, что чарка кланяется ему в пояс, он от нее; давай креститься!.. А тут с достойною половиною его тоже диво: только что она начала замешивать тесто в огромной диже, как вдруг дижа выпрыгнула и подбоченившись важно пустилась в присядку по всей хате... Да, смейтесь, смейтесь, сколько себе хотите, только тогда не до смеху было нашим дедам. Долго терпели, наконец потянулись все гурьбою к отцу Афанасию и взмолятся: помоги ты нам божьею властью, выгони нечистого. Отец Афанасий обошел крестным ходом всё село, окропил святою водою все переулки, и с той поры никаких проказ уже не было, хотя тетка моего деда долго еще жаловалась, что слышала часто как будто кто-то стучит в крышу и царапается по стене.

Несколько лет прошло. Село наше стоит теперь на том самом месте, где творилась чертовщина, и, кажись, всё спокойно; — а ведь еще недавно, еще отец и я даже запомним, как возле стоящего в захолустьи развалившегося шинка, который черти долго еще поправляли на свой счет, нельзя было ни пройти, ни проехать. Часто замечали, как густой дым валил клубом из обвалившейся трубы, и вместе с дымом подымалось какое то чудище, длинное, длинное, с красными, как две горячие головни, глазами. Доставши такой высоты, что посмотреть, так шапка валилась, с шумом рассыпалось и мелким, как горох из мешка, смехом обдавало всю окрестность.

***ОБЪЯСНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ МАЛОРОССИЙСКИХ
СЛОВ, УПОМЯНУТЫХ В СЕЙ ПОВЕСТИ.***

Каганец — род ночника.

Велик-день — Христов день.

Дрибушки — мелкие косы, обходящие несколько раз около головы.

Синдячки. — ленты.

Полутабенек — в старину употреблявшаяся в Малороссии материя в роде гроденапея, волнистая, лоснящая, но несравненно плотнее.

Горлица, гопак — танцы в Малороссии.

МАЙСКАЯ НОЧЬ. ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ

Враг ёго батька знае! Начнуть що робыть люды хрещены, то мурдуюця, мурдуюця, мов хорт за зайцем, а усе^[7] щось не до шыгу. Толькы ж куды чорт усунеця, то верть хвостыком, так де и возмеця все мов з неба.

ГАННА

Звонкая песня лилась рекою по улицам села ***. Было то время, когда утомленные от дневных трудов и забот парубки и девушки шумно собирались в кружок, [Далее начато: выливать свое] в блеске чистого вечера, выливать свое веселье в звуки, всегда неразлучные с уныньем. И вечер, вечно задумавшийся, мечтательно обнимал синее небо, преобращая [и, казалось, превращал] всё в неопределенность и даль. Уже и сумерки; а песни всё не утихали. С бандурою в руках пробирался ускользнувший от песельников молодой козак Левко, сын сельского головы [сын сельского головы Левко Макогон.] На козаке решетиловская шапка. Козак идет по улице, бренчит рукою по струнам и подтанцовывает. Вот он тихо остановился перед дверью одной хаты. Чья же это хата? [Что это за хата?] Чья это дверь? После минутного молчания тихо заиграл он и запел:

Сонце нызенько, вечер блызенько,
Выйди до мене, мое серденько!

«Нет, видно, крепко заснула моя ясноокая красавица», сказал козак и приблизился к окну [поближе к окну] «Галю, Галю! ты спишь? Ты не хочешь выйти ко мне? [Далее было: Не бойся, никого нет на [дворе] улице, вечер тепел] ты боишься, верно, чтобы нас не увидал кто, или не хочешь [ты боишься] показать белое личико на холод? Не бойся: никого нет; вечер тепел. А естли бы и показался кто [был кто] прикрою тебя своею свиткою, обмотаю своим поясом, закрою руками тебя, и никто нас не увидит. А бы и холодом повеяло [и ветер поднялся] я прижму тебя поближе к сердцу, отогрею поцелуями, надену шапку свою на твои беленькие ножки. Сердце мое! Рыбка моя! Ожерелье! Выгляни на минут, просунь сквозь окошечко

хоть белую ручку свою... нет, ты не спишь, гордая дивчина!» проговорил [сказал] он громче и [и как будто] таким голосом, каким выражается устыдившийся мгновенного унижения [а. выражает речь свою доведенный до унижения б. выражает себя устыдившийся своего мгновенного унижения]: «Тебе любо издеваться надо мною; прощай!» Тут он отворотился [обернулся] насунул на бакрень свою шапку и гордо отошел от окошка, тихо перебирая струны бандуры [Далее было: Дверь заскрипела] В это время деревянная ручка у двери зашевелилась [а. стала шевелиться б. завер<телась>] Дверь распахнулась со скрипом, и девушка на поре семнадцатой весны, обвитая [Далее начато: а. су<мерками> б. мечтательны<мя>] сумерками, [Далее начато: оглядыва<ясь>] робко оглядываясь и не выпуская из руки деревянной ручки, переступила через порог. В полуясном мраке [Сквозь полуясный мрак] горели приветно, будто две звездочки, светлые очи, блистало красное кораловое монисто, [Далее было: а. и лице рделось и пылало как мак б. но на лице, верно бы, никто не приметил] и от [для] орлиных очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щеках ее.

«Какой же нетерпеливый», говорила [а. шопотом говорила б. шопотом проговорила] она ему в полголоса: «уже и рассердился... Зачем непременно так хочется тебе [„Зачем ~ тебе“ вписано.] Толпа народу шатается то и дела по улицам [на <улицах?>] ... Я вся дрожу»...

«О, не дрожи, моя красная калиночка, прижмись ко мне покрепче», говорил парубок, обнимая ее и садясь вместе с нею на присьбе у дверей хаты, выпустив из рук бандуру, которая висела на ремне у него на шее [«выпустив ~ на шее» вписано.] «Ты знаешь, что мне и часу не видать тебя горько».

«Знаешь ли, что я думаю?» [Только мне кажется] сказала девушка, задумчиво потопив в него свои очи. «Мне всё [Далее было: чудит<ся>] что-то как будто на ухо твердит, что не видаться нам так часто [Вместо „не видаться ~ часто“: а. нельзя будет так часто видаться б. нельзя будет нам вперед так часто видаться] Не добрые у вас люди: девушки все [все девушки] глядят так завистливо, а парубки... Я примечаю даже, что мать моя с недавней поры [с недавнего врем<ени>] стала суровее строже] приглядывать за мною. Признаюсь, мне веселее у чужих было». Какое-то трогательное движение тоски выразилось на лице ее при последних словах.

«Только два месяца в стороне родной, и уже прискучила! Может, и я тебе надоел уже [уже надоел уже надоел]?..»

«О, ты мне не наскучил», молвила она усмехнувшись. «Я тебя люблю, чернобровый козак! За то люблю [люблю тебя] что у тебя карые очи и как

поглядишь [выведешь] ты ими на меня, у меня как будто на душе усмехается, и весело, и чудно ей, что [что так] приветливо моргаешь ты черным усом своим, что ты идешь по улице, поешь, играешь на бандуре, и люблю [люблю] слушать тебя».

«О, моя милая девушка!» вскрикнул парубок [козак] с огнем радости в глазах [«с огнем радости в глазах» вписано.] целуя и прижимая сильнее ее к груди своей.

«Постой, полно [Полно, постой] Левко! Скажи наперед, говорил ли ты с отцом своим?»

«Что?.. Да [Да, говорил, говор<ил>]», сказал он, будто проснувшись. «Да, что я хочу жениться на тебе, а ты выйти за меня замуж [„Да что я ~ замуж“ вписано.] Говорил, говорил», но как-то унывно зазвучало в устах его это слово: говорил. [а. как <1 нрзб.> б. но какое-то унывное ударение отразилось на этом слове]

«Что же?»

«Что станешь делать с ним! притворился, старый хрен, по своему обыкновению, глухим, ничего не слышит и еще бранит [Вместо „ничего ~ бранит“: да бранит] что таскаюсь бог знает где, повесничаю и шалю с хлопцами по улицам [„повесничаю ~ по улицам“ вписано.] Но не тужи, моя Галю [Галя ясная]! Вот слово козацкое, что я уломаю его [Что бы ни было, я его уломаю]».

«Я верю [Не верю] тебе, Левко. Тебя всякой послушает [Тебя, верно, всякой послушается, что ты не скажешь] Я по себе это знаю. Иной раз, кажется, не послушала бы тебя, а скажешь слово — невольно делаю то [делается] что тебе угодно. Посмотри, посмотри!» продолжала она, [Далее начато: указывая] положив голову на плечо ему и подняв глаза вверх, где необъятно синело теплое украинское небо, завешенное [немного завешенное] снизу кудрявыми ветвями стоявших перед ним вишен. «Посмотри, вон-вон [вон далеко] далеко мелькнула звездочка одна, другая, третья, четвертая, пятая... Не правда ли, ведь это ангелы божии поотворяли окошечки своих светлых домиков на небе [свои окошки на небе] и глядят на нас [и глядят на нас мерцая <?>]? Да, Левко? Ведь это они глядят на нашу землю? Как широко, как раздольно там вверху! Что бы, если [если бы] у людей были крылья, как у птиц, туда бы полететь высоко, высоко. Ух, страшно! Ни один дуб у нас не достанет до неба, а, говорят, однако же, есть где-то в какой-то далекой земле такое дерево, которое уходит вершиною в самое небо, и бог сходит по нем на землю ночью перед самым светлым праздником...»

«Нет, Галю, у бога есть длинная лестница от неба до самой земли, и

ставят ее перед воскресением святые архангелы, и как только бог ступит на первую ступеньку [ступень] и все нечистые духи стремглав полетят от земли и кучами попадают в пекло, и от того на воскресение христово [на светлое воскресение христово] ни одного черта не бывает на земле».

«Как [Но как] тихо колышется вода [а. стоит пруд б. дрожит вода] как будто дитя в люльке», продолжала Ганна, указывая [указывая р<укою?>] на пруд, угрюмо обставленный темным кленовым лесом, вербами [оплакиваемый жалобными <вербами>] потопившими в нем <7 нрзб.> жалобные свои ветви. [Далее начато: я заключаемый] Как бессильный старец держал в холодных объятиях своих далекое, темное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звезды, которые тускло реяли среди теплого океана ночного воздуха, предчувствуя появление блистательного [нового] царя ночи. Возле леса, на пригорке дремал с закрытыми ставнями старый деревянный дом; кудрявые яблони разрослись перед его окнами: лес, обнимая его своею тенью, бросал на него печальную мрачность. [а. лес захватывал его тенью б. лес обхватывал его своею тенью и чрез то усаливал его мрачность] Ореховая роща стлалась у подножия его и скатывалась к пруду. [«Ореховая ~ к пруду» вписано.]

«Я помню, как будто сквозь сон», сказала Ганна, не спуская глаз с пруда: «Давно, давно, когда я еще была маленькой [маленькая] и жила у матери. Что-то страшное рассказывали про дом этот. Левко, ты, верно, знаешь, расскажи...»

«Бог с ним, моя красавица! Мало ли чего не расскажут [навр<ут>] бабы и народ глупый. Ты себя только потревожишь, [Далее было: и не заснешь покойно] станешь бояться, и не заснетя тебе покойно».

«Расскажи, расскажи, милый, чернобровый мой парубок» говорила Ганна, прижимаясь лицом своим к щеке его и обнимая его. «Нет, ты, видно, не любишь меня, у тебя есть другая девушка. Расскажи, мой милый! Нет, я не буду бояться, я буду спокойно спать ночь. Теперь то я не засну уже, если не скажешь. Я буду мучиться да думать [Я всё буду думать и дог<адываться?>] Расскажи».

«Видно, правду [справедливо] говорят люди, что у девушек нечистый дух сидит, который подстрекает их знать то, чего не следует».

«Давно [Давно уже] мое серденько, жил [жил сот<ник>] в этом доме сотник. У сотника была дочка, ясная панночка, белая, как снег, как твое личико. Сотникова жена давно уже умерла. Задумал сотник жениться на другой. „Будешь ли ты нежить [любить] меня по старому, батеньку [батенько] как возьмешь другую жену?“ говорила панночка. Буду, моя дочка [доню]! Еще крепче прежнего стану прижимать к сердцу! Буду, моя

до<чка>, еще ярче стану дарить серьги и мониста!» Привез сотник жену в новый дом свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бела собою была молодая жена [«Румяна ~ жена» вписано.] Только так страшно взглянула на ее, на свою падчерицу, что та вскрикнула [Вместо «на свою падчерицу, что та вскрикнула»: что вскрикнула бедная падчерица] ее увидевши. И хоть бы слово во весь день сказала суровая мачиха. Настала ночь. Ушел сотник с молодою женою в свою спальню. Заперлась и белая панночка в своей светлице и стала плакать. Смотрит: крадется к ней черная кошка, шерсть на ней горит и стучат по полу железные когти. В испуге вскочила панночка в минуту на лавку, кошка за нею. Перескочила на лежанку, кошка и туда, кинулась на шею и стала давить ее за горло [Вместо «и туда ~ за горло»: за нею, вспрыгнула и стала давить ее за шею] Собравши все силы, оторвала она ее и бросила [кинула] на пол, и схватила висевшую на стене отцовскую саблю, ударила по ней со всего размаху, сабля развалилась, лапа с железными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в темном углу. Целый день не выходила [Не выходила целый день] из своей светлицы молодая жена. [Далее было: Сурово [погл<ядывал>] глядел на свою дочку сотник] На третий день вышла с завязанною рукою. Догадалась бедная панночка, взглянувши на нее [Как взглянула, догадалась бедная панночка] что мачиха ее ведьма, и [и она] что она ей отрубила руку. Приказал сотник своей дочке носить воду, мести [выме<тать>] хату [хату, и не показываться в] как простой мужичке, и не показываться в панские покои. Тяжко было бедняжке, да нечего делать: стала выполнять отцовскую волю. На четвертый день выгнал сотник свою дочку босую из дому [дочку совсем из дому] и куска хлеба не дал на дорогу. Тогда [Тут] только зарыдала панночка, закрывши руками белое личико свое. «Погубил ты, батьку, родную дочку свою! Погубила ведьма душу [греш<ную>] душу] твою! Прости тебя бог, а мне, несчастной, видно, не велит судьба жить [Вместо „не велит судьба жить“: не жить] на этом; свете [„погубил ~ свете“ зачеркнуто. Далее начато: Заела ты, злая]». «И вот, видишь ли ты», оборотился парубок к Ганне, указывая пальцем на дом [«оборотился ~ на дом» вписано.]: «гляди сюда: вон подальше от дома самый высокий <1нрзб.> берег. С этого самого берега кинулась панночка в воду, и с той поры не стало ее на свете...»

«А ведьма?» боязливо прервала Ганна, устремив на него с какою-то дикостию очи.

«Ведьма [Что ведьма?]? Старухи выдумали, что с той поры все утопленницы выходили в лунную ночь в панский сад греться на месяце, и сотникова дочь сделалась над ними главною. В одну ночь увидела она

мачиху свою возле пруда, с криком напала на ее и утащила в воду. Но ведьма и тут нашлась: оборотилась под водою в одну из утоплениц и через то ускользнула от тройчатки из зеленого тростника, которою [от розг, которыми] хотели сечь ее утопленицы. Верь бабам: рассказывают еще, что панночка собирает каждую ночь утоплениц и заглядывает по одиночке каждой в лицо, стараясь узнать, которая из них ведьма; но до сих пор еще не узнала [а. не может узнать б. этого еще не узнала] И если попадет из людей кого [попадетсЯ из людей кто] тотчас заставляет его угадывать, не то грозит утопить в воде. Вот, моя Галю, как рассказывают старые люди... Теперешний пан хочет на том месте строить винокурню и прислал нарочно для того винокура [нарочно уже и винокура] сюда. Но [Но ты дрожишь, Галю?] я слышу говор. Это наши ворочаются с песен. Прощай, Галю! Спи спокойно, да не думай об этих бабских выдумках!» Сказавши [Тут] он обнял ее крепче, поцеловал и ушел.

«Прощай, Левко!» говорила Ганна, задумчиво вперив очи на темный лес. Огромный огненный месяц величественно стал в это время вырезываться из земли. Еще половина была под землею, а уже весь мир исполнился какого-то торжественного света. [Далее начато: и небо] По пруду вертелись [а. мельк<нули> б. блеснули] где-где искры. Тень от деревьев ясно стала отделяться на темной зелени. «Прощай, Ганно!» раздалось позади ее слово, сопровождаемое поцелуем. «Ты воротился!» сказала она, оглянувшись, но увидела перед собою незнакомого парубка, отворотилась от него в сторону [«отворотилась от него в сторону» вписано.] «Прощай, Ганна!» и снова поцеловал ее кто-то в щеку. «Вот принесла нелегкая и другого!» проговорила [отвечала] она с сердцем. «Прощай, милая Ганна!» [Вместо «милая Ганна»: Ганна] — «Еще и третий!» — «Прощай, прощай, прощай, Ганна!» [Далее начато: «Да т<ут>] и поцелуи засыпали ее со всех сторон. „Да тут их целая ватага!“ кричала Ганна, вырываясь из кучи [от кучи] парубков, которые наперерыв спешили обнимать ее. „Как им не надоест, проклятым, беспрестанно целоваться! Скоро, ей богу, нельзя будет показаться на улице!“ Это были последние слова ее. Дверь со скрипом захлопнулась вслед за нею, и слышно [слышен] только было, как с визгом засунулся изнутри железный засов.

ГОЛОВА

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Вглядитесь в нее [Глядите]: с середины неба смотрит месяц, необъятный

небесный свод раздвинулся еще необъятнее [раздался во все стороны] Горит и дышет он. [Далее начато: Серебряный свет] Земля вся в серебряном свете, и чудный воздух [Далее было: и упоительно холоден] и душен, и полон неги, и движет целый океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно вдохновенно стали [стал <лес?>] леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. [Далее было: на [ровные] раздольные долины зелени] Как тих, как покоен этот пруд. [Далее начато: Как] Холод и мрак вод его как будто угрюмо заключен в темно-зеленые стены [Вместо „угрюмо ~ стены“: а. теряются в садах, обнимающих их темными объятьями своими б. теряются в садах, обнимающих со всех сторон его стенами своими [.Девственные корни черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердятся [как выговаривают] и шумят<?> упреками, когда [как] прекрасный ветренник — ночной ветер — продравшись мгновенно целует. [Далее было: и движет] Весь ландшафт спит. А вверху всё дышет, всё дивно, всё торжественно. А на душе и [всё] необъятно, и [всё] чудно, [Далее начато: а она] и толпы серебряных видений [Далее было: проходят] стройно и величественно проходят в ее глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдруг всё ожило, и леса, и пруды, и поле, и степи. Сыплется величественный гром украинского соловья. [Далее было: Звуки его раздаются, горят, блещут] И чудится, что и месяц заслушался посереде неба. Как очарованное, дремлет на возвышении село. Еще белее, еще лучше блестят при месяце [на месяце] толпы хат, еще ослепительнее вырезаются из мрака низкие стены. Песни умолкли. [Далее начато: За<молкли?>] Всё тихо... Благочестивые люди уже спят [Вместо „Благочестивые ~ спят“: Люди спят.] Где-где только блещут в огне узенькие окна. Перед порогом иных только хат [Перед иными только хатами] запоздалые семьи, усевшись около горшка, совершают свои ужины. Заливается лай собак.

„Да гопак не так танцуется. То-то я смотрю... Всё не выхо<дит>. Что ж это говорит кум? А, ну: гоп трала, гоп трала, гоп, гоп, гоп“. Так разговаривал сам с собою [Далее было: мужик] подгулявший мужик средних лет, танцуя по улице [а. идя б. качаясь по улице и приседая в. по<качиваясь?>] „Ей богу, не так танцуется гопак [не так танцует]! Что [Что бы] мне лгать? Ей богу, не так! А, ну: гоп трала! гоп трала! гоп, гоп, гоп!“

„Вот одурел человек! добро бы еще хлопец [малый хлопец] какой, [Далее было: нет, старый кабан] детям на смех, танцует ночью по улице!“ вскричала проходящая пожилая женщина, неся в руке солому. „Ступай в

хату свою! Пора спать давно!“

„Я пойду!“ сказал [вскричал] остановившись, мужик. „Я пойду! Я не посмотрю на какого-нибудь голову, что он думает, дидько б утысся его батькови [враг бы убив<його батька?> Далее было: Что он думает] что он голова, что он [он может <обливать?>] обливает людей холодной водою на морозе, так и нос поднял! Ну, голова, голова. Я сам себе голова. Вот, убей меня бог, бог меня убей, я сам себе голова, вот что! [Далее начато: про<должал?>] а не то что...“ продолжал он, подходя к первой попавшейся хате, и остановился вместо дверей перед окошком, скользя пальцами по окну и стараясь найти деревянную ручку. „Баба! отворяй! баба, живей, говорят тебе, отвори! Козаку спать пора!“

„Как ты, Каленик, [Далее ошибочно повторено: ты] в чужую хату попал?“ закричали, смеясь, позади его девушки, ворочавшиеся с веселых песней [поздно ворочавшиеся с песней] „Показать тебе хату твою?“

„Покажите, любезные молодухи!“

„Молодушки! слышите?“ подхватила одна: „какой учтивый Каленик! за это ему нужно показать хату, но нет, потанцуй наперед“.

„Потанцевать?.. Эх, вы, замысловатые девушки!“ протяжно произнес Каленик, смеясь и грозя пальцем и оступаясь» потому что ноги его не могли держаться на одном месте. «А дадите перецеловать себя? Всех перецелую, всех!» И косвенными шагами пустился бежать за ними. Девушки подняли крик, перемешались, но после, ободрившись, перебежали на другую сторону, увидя, что Каленик был не слишком скор на ноги. «Вот твоя хата!» сказали они ему, уходя и показывая на избу [хату] гораздо поболее прочих, принадлежавшую сельскому голове, и Каленик послушно побрел в эту сторону, принявшись снова ругать голову.

Но кто же этот голова? О! этот голова важное лицо. Никого старше его нет [Никого нет старше головы] на селе. Всё село, заведя его, берется за шапки, останавливается, и даже молоденькие девушки низким наклоном головы отдадут добрыдень. Кто бы из парубков не захотел быть головою? Во все тавлинки открыт свободный вход голове, а простой мужик, почтительно снявши шапку, стоит [стоит перед ним] в продолжение того, когда голова запускает свои грубые и толстые пальцы в его [в свою] табакерку. В мирской сходке или громаде, несмотря [голова, несмотря] на то, что власть его ограничена несколькими голосами, голова всегда берет верх и почти по своей воле высылает кого ему угодно ровнять и гладить дорогу или копать каналы. Голова угрюм, суров с виду и не любит много говорить. [Далее начато: Но он] Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ездила [ехала] в Крым, <он> был выбран

в провожатые; два дни находился в этой должности и раз даже удостоился сидеть [Вместо «удостоился сидеть»: сидел] на козлах [Далее начато: и с тех пор] с царицыным кучером. И с той самой поры еще голова наш выучился [И с той поры голова не мог наговориться [о том, как он вез царицу] про этот случ<ай>] раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившиеся вниз, русые усы [«гладить ~ усы» вписано.] и кидать соколиный взгляд исподлобья. И с той поры голова, об чем ни заговорили с ним, всегда умеет поворотить речь на то, как он вез царицу и сидел на козлах с царицыным кучером. Голова любит [Голова не любит щеголять] иногда притвориться глухим, особенно если услышит то, чего не хотелось бы ему слышать. Голова не любит щеголять, носит всегда свитку черного сукна [все помнят его всегда <в> черной <свитке?>] перепоясывает шерстяным цветным <поясом>, и никто не запомнил его в другом костюме, выключая только времени проезда царицы в Крым, когда был на нем синий козацкий жупан. Но это [Далее начато: вряд] время вряд ли кто мог припомнить из всего села, а жупан он держит всегда в сундуке под замком. [Вместо «а жупан ~ замком»: а голова держит жупан под <замком>]

Голова вдов; но у него живет в доме своячница, которая варит обедать и ужинать, моет лавки, белит хату, прядет ему на рубашки и заведывает всем домом. На селе [а. Злые <языки?> б. Стороною] поговаривают, будто она совсем ему не родственница, но вы уже видели [а. достаточно вспомнить? б. вспомните] что у головы много неприятелей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочем, может быть, к этому подало повод и то, что своячнице всегда очень не нравилось [не нравится] если голова заходит иногда в поле, усеянное жницами, или в гости <к> козаку, у которого была молодая [бывает хорошенькая] дочка. Голова крив, но зато одинокий глаз его злодей и далеко может увидеть хорошенькую поселянку. Не прежде он наведет его на [на ли<чико>] смазливое личико, покамест не обсмотрится осторожно по сторонам, не глядит ли откуда-нибудь своячница. — Но мы уже рассказали почти всё [а. Но мы уже и рассказали всё б. Но мы почти всё уже рассказали] что нужно, про голову, а пьяный Каленик не добрался еще и до половины дороги и долго еще угощал голову всеми [всеми сло<вами>] отборными словами, какие могли только вспасть на лениво и несвязно поворачивавшийся язык его.

—
«Нет, хлопцы, нет [нет, нет] не хочу! Что за разгульство такое! Как вам не надоест повесничать? И без того уже [И так уже] прослыли мы, бог знает, какими буянами. Ложитесь лучше спать». Так говорил Левко

разгульным товарищам своим, подговаривавшим его на новые проказы. «Прощайте, братцы! покойная вам ночь». И быстрыми шагами шел от них по улице. «Спит ли моя ясноокая Ганна?» думал он, подходя к знакомой нам уже [уже вам] хате, увенчанной вишневыми деревьями. Среди тишины послышался тихий говор. Левко остановился. Между деревьями [вишня<ми>] забелела рубашка. Мелькнула синяя запаска. «Что значит?» подумал он [Левко] и подкрался поближе и спрятался за вишню. При свете месяца блистало лицо стоявшей перед ним девушки [блистало перед ним лицо девушки] Это Ганна. Но кто же этот высокий человек, стоявший к нему спиною? Напрасно обсматривал он [Левко напрасно обсматривал] его сзади: тень покрывала его с головы до ног. Сзади только он был [С одной стороны был он] освещен месяцем. Но немного приблизившись к нему, он уже подвергался опасности быть открытым [Малейшее же приближение со стороны его угрожало открытием.] Тихо прислонившись к дереву, решил он остаться на месте. Девушка ясно выговорила его имя. «Левко? Левко еще молокосос!» говорил вполголоса [полушопотом] и хрипло высокой человек. «Если я встречу [встречусь <с ним?>] его когда-нибудь у тебя, я выдеру за чуб». — «Хотелось бы мне узнать, какая это шельма похваляется выдрать меня за чуб!» подумал Левко и протянул [наг<нул>] шею, стараясь не проронить ни одного слова. [Далее начато: Высокий человек] Но незнакомец стал говорить [Вместо «стал говорить»: говорил] так тихо, что нельзя было расслушать ни одного слова. «Как тебе не стыдно!» сказала Ганна по окончании его речи. «Ты лжешь, ты обманываешь меня, ты меня не любишь. Я никогда не поверю, чтобы ты меня любил». — «Знаю», продолжал незнакомец: «Левко много наговорил тебе пустяков и вскружил твою голову». (Тут показалось парубку, что голос незнакомца [Далее начато: неско<лько знаком?>] не совсем незнакомый, и как будто бы он его когда-то слышал). «Но я дам себя знать Левку», [Далее начато: Он еще видно] продолжал всё так же незнакомец. «Он думает, что я не вижу всех его шашней [пов<есничеств?>] Попробует он, собачий сын [„собачий сын“ вписано.] каковы у меня кулаки...» При сем слове Левко не мог [Далее начато: удержать сво<его гнева>] уже боле удержать своего гнева. Подошедши [Подкравшись] на три шага к нему, замахнул со всей силы руку, чтобы дать порядочного трюха, от которого незнакомец, [Далее было: может быть] несмотря на свою видимую крепость, может быть, не устоял бы на месте [пошатнулся бы с места] Но в это время свет пал на лицо его, и Левко остолбенел [остолбенел от изумления] увидевши, что перед ним стоял голова. Невольное покачивание головою и легкий свист одни только выразили его удивление. В стороне послышался шорох, Ганна поспешно

влетела в хату, захлопнув за собою дверь.

«Прощай, Ганна!» закричал парубок, обнявши голову и с ужасом отскочил [отступил] назад, встретивши жесткие усы. «Прощай, красавица [Ганна]!» вскричал другой, но на сей раз полетел стремглав от тяжелого толчка головы. «Прощай, прощай, Ганна!» закричало несколько парубков, повиснув к нему на шею. «Провалитесь, проклятые [чертовские] сорванцы!» кричал голова, отбиваясь и притопывая к ним ногами. «Что я вам за Ганна? Поприставали, проклятые, как мухи к меду! Убирайтесь к отцам на виселицу, чортовы дети! Дам я вам Ганны!»

«Голова! голова! это голова! [„это голова“ вписано.]» закричали хлопцы и разбежались во все стороны.

«Ай да батько!» говорил Левко, очнувшись от своего изумления и [«очнувшись от своего изумления и» вписано.] глядя в след уходившему с ругательствами голове. «Вот какие за тобой водятся проказы! Славно! [Далее начато: То-то] А я дивлюсь да передумываю, что бы это значило, что он всё притворяется глухим, когда станешь ему говорить о деле. Постой же, старый хрен, ты у меня будешь знать, как таскаться под окнами молодых девушек, будешь знать, как отбивать чужих невест. Гей, хлопцы, сюда! сюда!» кричал он, махая руками к парубкам, которые снова собрались в кучу. «Ступайте сюды! Я увещевал [усовещевал] вас идти спать, а теперь раздумал, и сам готов хоть целую ночь гулять с вами».

«Вот дело сказано!» сказал плечистый и дородный парубок, считавшийся первым гулякой и повесой на селе. «Мне всё кажется тошно, как будто недостает чего-то [Вместо „тошно ~ чего-то“: что потерял шапку или люльку] если не удастся погулять порядком и настроить штук. Всё как будто не достаёт чего-то, как будто потерял шапку или люльку, словом [одним словом] не козак да и только».

«Согласны ли вы побесить хорошенько сегодня голову?»

«Голову?»

«Да, голову. Что он в самом деле задумал? Он управляется [управляет] у нас, как будто гетьман какой. Мало того, что помыкает как своими холопьями, еще и подъезжает к девчатам нашим. Ведь, я думаю, во всем [в целом] селе нет смазливой девки, за которою бы не волочился голова».

«Это так, это так!» закричали в один голос все хлопцы.

«Что ж мы, ребята, за холопья у него? Разве [а. И так-таки б. Разве в. Ведь] мы <не> такого же рода как он; мы, слава богу, вольные козаки [Вместо „мы ~ козаки“: мы вольные козаки]! Покажем ему, хлопцы, что мы вольные козаки!»

«Покажем!» закричали парубки.

«А у меня [А мне] как нарочно», продолжал Левко [«продолжал Левко» вписано.]: «сложилась славная песня про голову. Пойдемте, я вас выучу», продолжал <он>, ударив рукою по струнам бандуры. «Да слушайте: попереодевайтесь, кто во что ни попало».

«Гуляй, козацкая голова!» сказал плечистый парубок, ударив ногою в ногу и хлопнув руками. «Что за роскошь! Что за воля! Как начнешь беситься, будто поминаешь давние годы. Любо, вольно на сердце, а душа как будто в раю. Гей, хлопцы! Гей! Гуляй!» И толпа шумно пронеслась по улицам. И благочестивые старушки, пробужденные криком, подымали окошки и крестились сонною рукою, говоря: «Ну, теперь гуляют парубки!»

ПАРУБКИ ГУЛЯЮТ

Блистательный месяц, прогуливаясь в необъятных пустынях своего [чудно<го>] неба, не налюбуясь красавицею землею [и озирая красавицу землею] раздумно остановился над хатою [одною хатою] которой неровные окна одни только светились среди уснувших улиц, как будто спрашивая: «какие это люди осмелились при моем серебряном свете разводить презренный и неприятный для глаз огонь свой?», [«как будто ~ свой» вписано.] Это жилище головы. Голова давно уже окончил свой ужин и, без сомнения, давно бы заснул уже; но у него [у него тепе<рь>] в хате гость, винокур, присланный помещиком, имевшим небольшой участок земли в селе между вольными козаками, вместе с мельником [«вместе с мельником» вписано.] строить винокурню. На почетном месте, под самым покутом, сидел гость, низенькой [небольшой] толстенькой человек, с маленькими, вечно смеющимися глазками, в которых, кажется, написано было то удовольствие, с каким курил он свою коротенькую трубку, поминутно сплевывая и придавливая пальцем вылезавший [подымавший<ся>] из трубки превращенный в золу табак. Облака дыма быстро разрастались над ним, облекали его в сизый туман, и казалось [и тогда чудилось] будто широкая труба с какой-нибудь винокурни, наскуча сидеть на своей крыше, задумала прогуляться и чинно уселась за столом [за стол] в хате головы. Под носом торчали коротенькие, густые и широкие усы [Вместо «густые ~ усы»: но густые усы] Но они так неясно мелькали сквозь серую табачную атмосферу, что взглянувшему, без сомнения, показались бы они мышью, которую <винокур> поймал и держал во рту своем, подрывая [Вместо «показались бы ~ подрывая»: почудилось бы, что

винокур держал в зубах своих мышь и тем подрывал] монополию анбарного кота. Голова сидел, как хозяин, в одной рубашке и шароварах [и полотняных шароварах] Орлиный глаз его, как вечернее солнце, начинал жмуриться и меркнуть. [начинал уже блистать не так ярко] На конце стола курил люльку один [сидел один] из сельских десятских, составлявших команду головы, сидевший из почтения к хозяину в свитке [Вместо «сидевший ~ в свитке»: один только из почтения к [голове] [свое<му?>] хозяину не снявший свитки]

«Но скоро ли вы думаете», сказал голова, [Далее было: а. обращаясь б. зевая] кладя крест на зевнувший рот свой и оборотившись к винокуру: «поставить вашу винокурню?»

«Когда бог поможет, сват, то к осени надеемся закурить [а. Если бог поможет, то к осени и закурим, за лето думаем б. Да нужно бы, сват, чтобы к осени, за лето управиться] А на Покрову, я готов поставить бог знает что, если пан голова не будет [не будут] писать ногами немецкие крендели по дороге». [Вместо «ногами ~ по дороге»: по дороге ногами немецкие крендели] По произнесении сих слов глазки [Тут узенькие глазки] винокура пропали; вместо их протянулись лучи до самых ушей, туловище стало колебаться от смеха [а. лицо начало дрожать от смеха б. вся голова] а веселые губы оставили на мгновение [Далее было: люльку] дымившуюся люльку.

«Теперь, сват, еще слава богу», отвечал голова: «винниц развелось немного. А вот в старое время, когда провожал я царицу по переяславской дороге; еще покойный Безбородько...»

«Ну, сват, вспомнил время!» прервал винокур. «Тогда от Кременчука [от Полтавы] до самых Ромен не было ни одной винницы. А теперь... Слышал ли ты, что проклятые немцы повывдумывали? Говорят, станут курить не так, как все христиане [Говорят, будто не так, как курят все христиане] добрые, дровами, а как-то паром». Говоря это [эти слова] винокур в размышлении глядел [глядел над] на стол и на расставленные на нем руки свои. «Каким паром... ей богу, не знаю».

«Что за дурни, прости господи, эти немцы!» сказал голова. «Я бы батогом их, собачьих детей! Слыханное ли дело, чтобы паром можно было кипятить что? Потому, это бы ложку борщу нельзя бы поднести, не изжаривши [не поджаривши] губ вместо молодого поросенка».

«И ты, сват», прервала [прервала в это время] сидевшая на лежанке, поджавши ноги, свояченица: «будешь всё это время жить у нас без жены?»

«А для чего она мне? Добро бы, что доброе было».

«Будто не хороша собою?» сказал голова, устремив на него глаз свой.

«Куды тебе хороша? Стара мов бис [як бис] Харя вся в морщинах, будто выпорожненный кошелек». [Далее было: а. При <этих словах?> б. Голова винокура зашаталась снова, оживленная раскачиваемой] И голова винокура раскачалась снова от громкого смеха.

В это время что-то стало шарить за дверью [«что-то ~ за дверью» вписано.] дверь растворилась, и мужик, не снимая шапки, ступил в хату и стал как будто в раздумьи, разинувши рот и озирая потолок [разинувши рот на потолок хаты] Это был знакомец наш Каленик. «Вот я и домой пришел!» проговорил <он>, садясь на лавку у дверей и не обращая внимания на присутствующих. «Вишь, как растянул вражий сын, сатана, дорогу! Идешь, идешь, и конца нет! Ноги подкашиваются» [так и подкашиваются] продолжал, почти повалившись [валясь] на лавку у дверей. «Достань-ка там, баба, тулуп подостлать мне. На печь к тебе не приду, ей богу, не приду: ноги болят. Достань его там, он лежит близ покута. Гляди только не опрокинь [Да гляди, не расшиби там] горшка с тертым [с размолотым] тютюном. Или нет, не тронь, не тронь! Ты, может быть, пьяна сегодня. Пусть уже я сам его достану». Каленик приподнялся [поднялся] немного, но неодолимая сила приковала его [удержала] к скамейке.

«За это [Вот] люблю!» сказал голова: «Пришел в чужую хату и распоряжается как дома. Выпроводить его по добру, по здорову!...»

«Оставь его отдохнуть [„отдохнуть“ вписано.] сват!» сказал винокур, удерживая голову за руку. «Это самый преполезный человек. Побольше бы такого народу, и винница наша славно пойдет». [Далее начато: а. Но винокур б. Винокур был су<еверен?>] Однако ж не добродушие вынудило эти слова. Винокур верил чересчур всем приметам, и тотчас прогнать [и выгнать] человека, севшего уже на лавку, значило [почитал было] по его мнению, накликать на себя [на голову] несчастье.

«Что-то, как старость придет!» ворчал Каленик, ложась на лавку. [Далее начато: Ей богу, ничто] «Добро бы, сказать еще, пьян, так нет же, не пьян, ей богу, не пьян. Я готов объявить это [сказать] хоть самому голове. Что мне голова?! Чтобы он издохнул, собачий сын! Я плюю на него! [Далее было: Что он обливает людей на морозе] Чтоб его, вражьего сына, возом переехало! Что он обливает людей на морозе».

«Эге! влезла свинья в хату, да и лапы на стол!» сказал, гневно подымаясь с места, голова. Но в это время увесистый [порядочный] камень, разбивший окошко вдребезги, влетел прямо ему под ноги. Голова быстро отворил двери на улицу. Вдохновенная ночь дышала дивною [чудесною] теплотою в блеске полного <?> месяца, и хоть бы что-нибудь показалось в небе или на земле. «Если бы я знал», сказал он, подняв камень и

рассматривая его пылающим своим глазом: «какой это висельник (чтоб его на том свете черти заставили лизать языком горячую сковороду) швырнул камнем [Далее начато: дал] я выучил бы его, как кидаться! Экие проказы!» продолжал <он>, рассматривая его в руке пылающим глазом. «Чтобы он подавился этим камнем!...»

«Стой, стой! боже тебя сохрани, сват!» подхватил [прерв<ал>] побледневший винокур. «Боже сохрани тебя и на том и на этом <свете> поблагословить кого-нибудь такую побранкою», «Вот нашелся заступщик! [Пусть он пропадет] Пусть он [он еще] пропадет...» «И не думай, сват! [Далее начато: Слы<шал?>] Ты не знаешь, верно, что случилось с покойной [„покойной“ вписано.] тещей моей?» «С тещей?»

«Да, с тещей. Вечером [Под вечерок] немного, может, раньше теперешнего, уселись на земле, протянувши ноги [„на земле, протянувши ноги“ вписано.] перед дверью хаты вечерять. Покойная теща, покойник тесть, да наймыт, да наймычка, да детей штук с пятеро. Теща насыпала галушек немного из большого казана в миску, чтобы не были горячи слишком [чтобы прохолодить их] После работ все проголодались и все повздевали [Вместо „После ~ повздевали“: Тесть, наймыт, наймычка и дети повздевали] на длинные деревянные спички галушки и стали есть. Как вдруг откуда ни возьмись человек; [Далее было: откуда он] какого рода, бог его знает, просится допустить его к трапезе<?> Как же не накормить голодного [отказать голодному] человека! Дали ему спичку. Только видят все, что гость упрятывает галушки, как корова сено, так что покаместь они съели по одной и опустили спички в юшку поймать другую, дно [Далее начато: уже ее] уже было [было гладко] как помост воза. Теща насыпала еще, думает: теперь гость наелся и будет меньше жрать. Ничего не бывало: еще лучше стал уплетать и [Далее начато: миска] выпорожнил миску еще скорее первой. „А, чтобы ты подавился этими галушками!“ подумала голодная теща. Как вдруг тот [тот упал] закашлялся и упал. Кинулись к нему, и дух вон. Удавился».

«Так ему, обжоре проклятому, и нужно!» сказал голова.

«Так бы, да вышло не так. С того времени покою не было теще. Чуть только ночь, мертвец и тащится. Сядет верхом на трубу, проклятый, и галушку держит в зубах. Днем всё спокойно, и слуху нет про него; а чуть ночь, погляди [глянь] на крышу, уже и оседлал, собачий сын, трубу...»

«И галушка [вареник] в зубах?»

«И галушка [вареник] в зубах».

«Чудно, сват! Я слышал [помню] что-то похожее на это. Еще [Еще тогда] за покойницу царицу...»

Но голова остановился, услышалось под окном шум и топание танцующих [Тут послышалось под окном шум, беспрестанно [. Сначала тихо звукнули [сильно звукнули] струны бандуры; к ним присоединился голос, струны загремели сильнее, несколько [и несколько] голосов стали подтягивать, и песня зашумела целым вихрем звуков:

Хлопцы, слышали ли вы:
Наши ль головы не крепки!
У кривого головы
Вдруг рассыпалися клепки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами^[8]
Выбей, бондарь, голову
Батогами, батогами.
Голова сам сед и крив,
Стар как бес, а что задорен,
Прихотлив и похотлив,
Лезет к девкам... Дурень! Дурень!^[9]
Лезть тебе ли к парубкам?
Тебя б спрятать в домовину.
По усам да по шеям,
За чуприну, за чуприну!^[10]

ПРОБУЖДЕНИЕ

«Неужели это я спал?» сказал [д<умал?>] про себя Левко, вставая с своего пригорка [«вставая с своего пригорка» вписано.] оглядываясь на все стороны. «Так живо [живо всё] как будто на яву... Чудно! Чудно!» повторил он, оглядываясь. Месяц [Месяц стоял] остановившийся посередине неба, показывал пол<ночь>. Везде тишина. От пруда веял холод. Над ним печально стоял старый ветхий дом с закрытыми ставнями. Мох и дикой бурьян на крыше показывали, что давно удалились из него люди. Тут он разогнул не <много> [он расправил] свою руку, которая судорожно была сжата во время сна его и, к изумлению [удивлению] почувствовал в ней записку. «Эх, если бы я знал грамоте» [был грамотный] подумал [а. сказ<ал> б. проговорил] он, оборачивая ее перед собою [«перед собою» вписано.] на все стороны. В это мгновение послышался позади его шум.

«Не бойтесь [Чего вы боитесь] прямо хватайте его! Чего перепугались? нас десять [десять человек] Я ставлю бог знает что, что это человек, а не чорт!» так кричал [Вместо «так кричал»: горяч<ился?>] голова своим спутникам, и Левко почувствовал себя схваченным [обхваченным.] несколькими руками, из которых иные дрожали [дрожавшие] от страха. «Скидавай-ка, приятель, свою страшную личину. Полно [Полно ду<рачить>] тебе дурачить людей!» проговорил голова, ухватив его за ворот, и оторопел, выпучив на него глаз свой. «Левко! Сын [Сын! Левко!]>» вскричал он, отступая от удивления. «Это ты, собачий сын! Вишь, бесовское рождение! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченный дьявол строит штуки!

А это всё ты, невареный кисель твоему батьке в горло, изволишь заводить по улицам разбой. Эге, ге, ге, Левко! А что это? Вот мы с тобою разделаемся. Вязать его!»

«Постой, наперед, батько, велено тебе отдать эту записку», сказал Левко.

«Не до записок теперь, голубчик! Вязать его!»

«Постой, пан голова!» сказал писарь, развернув записку. «Комисарова рука».

«Комисара?»

«Комисара?» повторили машинально десятские. «Комисара? Чудно! Еще непонятнее!» подумал про себя Левко.

«Читай, читай!» сказал голова: «что там пишет комисар?»

«Послушаем, что пишет комисар?» произнес [сказал] винокур, вырубивая огонь для своей люльки.

Писарь откашлялся и начал [стал] читать: «Приказ голове Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что ты, старый дурак, вместо того, чтобы собрать пропавшие <?> [старые] недоимки и вести на селе порядок, одурел [одурел на старо<сти>] и строишь пакости...»

«Вот, ей богу!..» прервал голова: «ничего и не слышу!»

Писарь вместо [вместо вся<кого>] ответа начал снова: «Приказ голове Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что <ты>, старый ду...»

«Стой, стой! Не нужно!» закричал голова: «я хоть и не слышал, однако ж знаю, что главного дела там еще нет. Читай далее!»

«А в следствие того приказываю [повелеваю] тебе сей же час оженить твоего сына Левка Макогоненка на козачке из вашего же села, Ганне Петриченковой, а также подчинить мосты [все мосты] по столбовой дороге и не давать обывательских лошадей без моего ведома судовым паничам, хоть бы они ехали прямо из казенной палаты. Если же по приезде моем найду оное приказание мое не приведенным к исполнению, то тебя одного

потребую к ответу. Комисар порутчик Козьма Деркач-Дришпановский».

«Слышишь, пан писарь?» сказал голова: «Слышите, господа. Я вам говорил, что за всё с меня взыщут, а потому прошу беспрекословно слушаться, не то — прошу не прогневаться... А тебя» [тебя, собачий сын] продолжал он, оборотясь к Левку: «в следствие приказания комисара я оженю, только наперед ты у меня [у меня [поп<робуешь>], собачий сын] попробуешь нагайку, знаешь ту, которая висит у меня на стене около покута. Она давно не была в деле... Где ты взял эту записку?»

Левко, несмотря на [на свое] изумление, происшедшее от такого неожиданного оборота своего дела, имел благоразумие приготовить в уме другой ответ и утаить настоящую истину [«настоящую истину» вписано.] каким образом досталась записка. «Я отлучался», говорил он: «вчера в вечеру еще в город [сегодня поутру в соседнее <село>] и встретил [и встретил комисара, сидевшего] на дороге комисара, вылезавшего из брычки. Узнавши, что я из нашего села, дал он мне записку [записку к <тебе>] и велел на словах сказать тебе, батько, что заедет обедать к нам на возвратном пути».

«Он это [это всё] говорил?»

«Говорил».

«Слышите ли, слышите ли!» говорил голова с важною осанкою, оборотившись к своим спутникам: «комисар, сам комисар, своею особою, приедет к нашему брату на обед. О!» Тут голова поднял вверх палец и голову привел в такое положение, как будто она к чему-нибудь прислушивалась. «Комисар приедет обедать. Как [Как д<умаешь?>] ты думаешь, пан писарь, и ты, сват, это не совсем незначущая [ма<лая>] честь. Не правда ли? А!» «Еще, сколько я могу запомнить», подхватил писарь: «ни один голова не угощал обедом комисара».

«Может быть, иной и голова голове не чета! Только как думаешь, пан писарь, я думаю, для именитого гостя нужно бы дать приказ принести с каждой хаты по цыпленку».

«Нужно бы, нужно, пан голова!»

«А когда же свадьбу, батько?» спросил Левко.

«Ты всё с свадьбой! Дал бы я тебе сватьбы... Ну, для именитого гостя. Завтра вас поп и обвенчает, чорт с вами! Комисар увидит, что значит исправный голова. Но, ребята, теперь спать! Ступайте по домам... Я [Далее начато: Тут] ... еще помню...» При этих словах [Тут голова] пустил он обыкновенный свой важный и значительный взгляд исподлобья.

«Ну, теперь пойдет голова рассказывать, как вез царицу», сказал Левко и быстрыми шагами и с радостью на душе [с радостью на сердце] спешил к

заветной хате. «Дай тебе бог небесное царство, добрая [моя добрая] и прекрасная панночка!» [Далее начато: Пусть] думал он про себя. «Пусть тебе на том свете вечно усмехается между ангелами святыми. Никому не расскажу про диво, случившееся в эту ночь. Одной тебе только, Галю, передам [поверю] его. Ты одна только поверишь мне и помолишься со мною за упокой души утопленицы». Тут он приблизился к хате. Окно было отперто, лучи месяца проходили через него <в> хату, ударяли на спавшую перед окном [а. подле него б. недалеко от <окна>] Ганну. Голова ее оперлась на локоть, щека тихо горела, губы шевелились, неясно произнося его имя [что-то как будто произно<ся?>] «Спи, моя красавица! Приснись тебе всё, что есть лучшего на свете. Но и то не будет лучше нашего пробуждения». Перекрестив ее, он закрыл окошко и тихо удалился. И через несколько минут все уснули на селе. И месяц [Один только месяц] так же величественно, блистательно и чудно плыл в необъятной [в необъятной дивным] пустыне роскошного украинского неба. Так же неизъяснимо <?> торжественно дышало в вышине. Так же прекрасна была земля в дивном серебряном блеске. Но уже никто не упивался красивою ночью. Всё погрузилось в сон. Изредка слышался только лай собак, и долго еще пьяный Каленик шатался по уснувшим улицам, отыскивая свою хату.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА. ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ

Так вы хотите, чтобы я вам еще рассказал про деда? Почему ж не потешить веселой прибауткой. Пожалуй. Вы люди бывалые, вас не испугаешь чудными дивами, [Далее начато: деявшимися] которых как-то в разумную старину не в сто мер было больше. Ведь точно нивесть какая радость падет на сердце, как услышишь про то, что далеко-далеко, и года ему и месяца нет, деялось на свете. А как еще впутается какой-нибудь и родич, дед или прадед, так вот враг меня возьми, если не чудится, что вот, вот, вот сам всё то делаешь... будто залез в прадедовскую душу или прадедовская [прадедовского] шалит в тебе... Нет, мне пуще всего наши [Далее начато: молодежи] девчата и молодежи. Покажись только на глаза им: «Хома Григорович, Хома Григорович, а нуте, нуте... яку небудь] какую-нибудь] страхови́нну кáзочку, а нуте, нуте»... тара та та татата и пойдут и пойдут. Не жаль, конечно, рассказать, да загляни<те> [посмотрите] что делается с ними в постеле. Ведь я знаю то, что каждая дрожит под одеялом так, как будто ее трясет лихорадка и, кажется, рада совсем бы влезть в тулуп свой. [Вместо «да загляните ~ свой»: а. да ведь знаешь то, что каждая как придет домой б. да ведь знаешь то, что каждая в постеле дрожит под одеялом и рада совсем бы влезть в тулуп свой] Царапни горшком крыса, сама как-нибудь задень ногою кочергу и, боже упаси! и душа в пятках. А на другой [на следующий] день ничего не бывало, навязывается сызнова: Расскажи страшную сказку, да и только... Знаете ли однако ж, что я вам расскажу теперь? [расскажу про деда?..] Я вам расскажу, как ведьмы играли с покойным дедом в дурня [в дурни] Пойдите же, чур, только не сбивать. Покойный дед, надобно вам сказать, [«надобно вам сказать» вписано.] был не из простых в те годы козаков. Знал и твердо он — то и словотитлу [и титло] поставить. В праздник, бывало, отхватает Апостола так, что теперь и иной попович [«В праздник ~ иной попович» вписано.] А ну, сами знаете, что если бы тогда собрать тогдашних грамотных [«тогдашних грамотных» вписано.] со всего Батурина [нашего края] то нечего и шапки подставлять — в одну горсть всех завернуть можно было [в одну горсть всё забрать <можно> было.] Стало быть [То] и не дивитесь и дивиться не нужно, если всякой встречный кланялся ему мало, мало [почти что] не в пояс. Вот задумалось раз самому вельможному гетьману послать за чем-то к царице грамотку. Тогдашний полковой писарь, вот нелегкая его возьми, и прозвище

не вспомню [позабыл] — Вискряк не Вискряк, Мотузочка не Мотузочка, Голопоцек не Голопуцек, знаю только, что как-то чудно начинается мудреное прозвище, позвал к себе деда и сказал ему, что так и так наряжает его пан гетьман гонцом [«гонцом» вписано.] с грамоткою к царице. Дед не любил долго собираться. Грамоту зашил в шапку, вывел коня, чмокнул жену и двух своих, как сам он называл, поросенков, из которых один был родный батько хоть бы и нашего брата, и поднял такую за собою пыль, как будто бы пятнадцать хлопцев задумали посереде улицы играть в каши. На другой день, еще петух не драл в четвертый раз горла, дед был уже в Конотопе. На ту пору была тогда ярмарка. Народу высыпало по улицам столько [такого] что глаза мерещило, только [Далее начато: всё еще растянулось] знаете, так как было еще рано, то всё [Далее начато: растянулось] еще дремало, растянувшись по земле. Возле коровы лежал гуляка парубок с покрасневшим как снегирь [свекла] носом, и с распаренною <?> рожей, возле ятки храпела, сидя, [«храпела, сидя» вписано.] перекупка с кремнями, синькою и бубликами, под телегою цыган, на бочке с дегтем чумак, на самой дороге раскинул ноги бородач москаль с поясами рукавицами... ну много и того всего, как водится по ярмаркам. Наш дед [Далее начато: разглядевши всё хорошенько] приостановился, чтобы всё разглядеть хорошенько. Между тем в ятках <начало> мало-помалу шевелиться, жидовки начали побрягивать фляшками. [Далее начато: и] Дым покатило [Далее начато: коль<цами>] то сям, то там кольцами] и горячими сластенами понесло по всему табору [и по всему табору понесло горячими сластенами. [Далее начато: а. Дед мой вздумал, что ему нужно запастись б. Дед] Деду вспало на ум, что у него нет ни огнива, ни табаку наготове, вот и пошел таскаться по ярмарке. Только глянь, навстречу гуляка запорожец, и по лицу видно. В красных как жар шароварах, в синем жупане, в ярком цветном поясе, при боку сабля и люлька с медною цепочкою по самые пяты, запорожец да и только! Эх народец: станет, вытянется, поведет рукою молодецкие усы, брякнет подковами и пустится... да ведь как пустится: ноги отвертывают, словно веретено в бабьих руках, как вихорь дернет рука [жилистая рука разом дернет] по всем струнам бандуры и тут же подопрется ею в боки, валяет в присядку, свиснет песню... душа гуляет. Нет, <прошло> времячко [«времячко» вписано.] не быть запорожцам в наши годы! [Далее было: Слово за слово и завелась меж ними дружба, гульня и попойка [с утра до вечера], <2 нрзб.> так что дед уже и позабыл [а. про то, что нужно ехать б. было] совсем про [свой] путь свой. Только наконец прискучило [деду] бить горшки и кидать в народ деньги, к тому ж и ярмарка не век [продолжается]

стоит. Вот и [поехали] отправились уже вместе] Ну встретились, долго ли до знакомства, пошли калякать, калякать так, что дед совсем было уже забыл про путь свой. Попойка завелась [такая завелась] как перед великим постом [<1 нрзб.> до великого поста] на свадьбе. Только прискучило наконец колотить горшки и кидать в народ деньги, да и ярмарка-то не век же стоит. Вот условились, чтобы уже, как говорят [«как говорят» вписано.] и путь держать [и ехать] вместе. Было давно [уже давно] под вечер, когда выехали они в поле [выехали они за город. Далее начато: По небу краснело после.] Солнце, как старый погонщик [пасичник] залезло на печь; по небу где-где прохватывались красные и оранжевые ленты. По полю пестрели нивы, как [Далее было: плахта] праздничная плахта чернобровой молодежи. Нашего запорожца раздобар такой взял, что дед и еще другой приплевшийся к ним гуляка подумали [подумали уже] что одна нечистая сила [что разве сама только нечистая сила] могла прикрутить молодецкий язык. Откуда что ни набиралось. Истории, присказки такие диковинные, что дед раз десять хватался за бока и чуть не надсадил живота со смеху [а. чуть не порвал живота со смеху, б. чуть не надорвал живота со смеху.] Но в поле становилось чем дальше, сумрачнее, а вместе с тем становилась несвязнее и молодецкая молвь, так что наконец рассказчик наш совсем притих и вздрагивал при малом шорохе [наконец запорожец наш уже совсем притих и вздрагивал при каждом шорохе] «Ге, ге, земляк! да ты не на шутку [Далее начато: прикусил] принялся считать сов. Уж [Уж бы] думаешь, как бы домой, да на печь!» — «Да хорошо вам веселиться», отвечал он, поворотившись на коне и уставив<шись> в деда [«и уставившись в деда» вписано.] «Перед вами таиться нечего. Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому». [Далее было: «Как же вы хотите, чтобы я веселился?» — «Есть чего»] — «Экая невидальщина. Кто не знался на веку своем с нечистым. Тут-то и нужно гулять, как говорится, на прах». — «Эх, братцы [„Эх, братцы“ вписано.] гулял бы и я, да в ночь эту срок молодцу... Эй, братцы [Слушайте, братцы.] сказал он, хлопнув по рукам. Эй, не выдайте. Эй, не поспите одной ночи, век не запомню вашей дружбы». Почему ж не пособить человеку в такой горе. Дед без дальних околичностей объявил, что он готов свою душу отправить в пекло, если допустит чорта понюхать собачьим его рылом христианской души.

Козаки [Путн<ики>] наши ехали бы, может быть, и далее, если бы не обволокло всего неба ночью, словно черным рядом и в поле не стало так же темно, как под овчинным тулупом. Издали только мерещился огонек и кони, чуя близкое стойло, торопились, [подымали Далее начато: и бодрей] насторожа уши и вковавши очи в мрак. Огонек близился, и перед козаками

[а. и на глазах наших мол<одцов> б. и перед нашими козаками] показался шинок, повалившийся на одну сторону [на бок] словно баба на пути с веселых христин домой [словно баба, воротившаяся с веселых христин домой.] В те поры шинки не то были, что теперь. Доброму человеку не только развернуться [Доброму человеку поворотиться было некуда, не только негде было развернуться] приударить горлицы или тропака, прилечь даже было некуда, когда в голову заберет<ся> хмель и ноги начнут [писать] покой-он — по. Двор был уставлен весь чумацкими возами. Под поветками, в яслях, в сенях, иной свернувшись как ёж, другой развернувшись [а. другой растянувшись б. другой раскинувшись] храпели, как коты [подняли такую музыку носами] Только шинкарь один нарезывал перед каганцем рубцами на палочке [Только шинкарь один нарезывал на палочке] сколько выпито [число выпорожненных] кварт и осьмух. Дед мой, спросивши треть ведра на троих, отправился спать под [Далее начато: и опять <?>] сарай. Все трое легли рядом. Только дед не успел даже повернуться, как видит, что его земляки спят уже [земляки уже спят] мертвецким сном. Разбудивши приставшего к ним третьего козака, дед напомнил ему про данное ими товарищу обещание. Тот привстал, протер глаза и снова заснул. Нечего делать, пришлось одному караулить. Чтобы чем-нибудь занять себя, осмотрел он возы все, наведалься до коней, закурил люльку, пришел назад и сел опять около своих [и сел около своих. Далее начато: Только глаза то и д<ело> начали] Всё было тихо так, что, кажись, ни одна муха не пролетела. Вот и чудится [Вот деду нашему чудится] ему, что из-за соседнего воза что-то серое [черное] выказывает роги. Тут глаза его начали смыкаться [начали так слепляться] так, что принужден он был ежеминутно протирать кулаком и промывать оставшейся водкой. [Далее начато: а. Чуть только б. Едва] Промывши глаза он увидел, что ничего нет. Но наконец снова показывается [Наконец опять показывается] мало погодя из-под воза чудище. Дед вытаращил сколько мог глаза, [Далее начато: но руки его окостенели] но дьявольская дремота обвивала перед ним всё туманом [но дьявольская дремота всё тумани<ла>]; голова скатилась и крепкий сон схватил его так, что он повалился словно убитый. Долго спал дед, и как припекло порядочно уже солнце его [ему] обриту макушу, тогда только схватился на ноги. Потянувшись раза два и почесав спину, заметил он, что уже возов стояло не так много как с вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до света. К своим [До своих] — козак спит, а запорожца нет. Выспрашивать — никто слыхом не слыхал [«слыхом не слыхал» вписано.] и знать не знал. Одна только верхняя свитка лежала <на месте?> [«Одна только ~ лежала <на месте?>» вписано.] Пошел

посмотреть на коней запорожцевого или своего — духу не слышно. [Далее начато: Долго думал и дед, думали все] Об том нечего было уже и думать, что бы это значило. Положим, что нечистый взял запорожца, но за что ж коней? Дед заключил, что чорт пешком, и так как до пекла не слишком близко, то утянул его коня. [Далее начато: Ну, нечего делать] Коня не жаль, больно ему было крепко, что не сдержал козацкого слова. [Далее было: Ну, нечего делать, и ехать было давно уже пора] Да ехать-то как без коня. Ну, думает себе: пойду пешком, [Далее было: На дороге куплю где-нибудь] по дороге встречу где-нибудь цыган, едущих из ярмарки. Только хватился за шапку — нет и шапки. Аж всплеснул руками покойный дед, как вспомнил, что вчера еще обменялись они на время с запорожцем шапками. Кому больше утащить, как не нечистому [«Кому больше ~ нечистому» вписано.] Вот тебе и гетьманский гонец! Вот тебе и привез грамоту к царице! Тут дед принялся угощать чорта такими прозвищами и подбранками, что, я думаю, ему не один раз чихалось тогда в пекле. Но бранью не пособишь, а затылка сколько ни чесал дед, никак не мог придумать ничего. Что станешь делать? Кинулся достать чужого ума, собрал всех бывших тогда в шинке добрых людей, чумаков и просто заезжих, и рассказал, что так и так такое приключилось горе. Чумаки долго думали, крутили головами, [Далее начато: но не] брались за чуб, гладили усы, наконец [только] сказали, что не слышали такого дива на крещеном свете, чтобы гетьманскую грамоту [а. цари<цыну грамоту> б. грамоту к царице в. царскую <грамоту>] утащил чорт. Другие же прибавили, что когда чорт [что уж когда чорт] да москаль украдут что-нибудь — то [тогда] поминай уже, как и звали.

Один только шинкарь сидел молча в углу. [Далее было: и хоть бы слово на все рассказни] Дед [Далее было: тотчас и подумал] и подступил к нему. Уж когда молчит человек, то, верно, зашиб много [много зашиб] умом. Только шинкарь не так-то был щедр <на> слова; и если бы дед не полез в карман [и пока дед не полез рукою в карман] за пятью злотыми, то, может [Вписано: стоял бы] и до вечера простоял бы перед ним. «Я научу тебя как найти грамоту», сказал он [Вписано: шинкарь] отводя деда [его] в сторону... У деда и на сердце отлегло. «Я вижу уже по глазам, что ты козак — не баба. Смотри ж! [Далее начато: а. до вечера б. не далеко от шинка] близко от шинка будет поворот направо, в лес. Только станет [нач<нет>] в поле примеркать, чтобы ты был уже наготове. В лесу живут цыгане и выходят они из нор своих и куют железо в такую только ночь, в какую одни ведьмы ездят на своих кочергах. [в самую глубокую ночь только, выходят они из нор своих и куют железо] Чем они промышляют на самом деле, знать тебе нечего. Много будет стуку по лесу, только ты не иди в те

стороны, откуда заслышишь стук [стук будет слышен] а будет перед тобою малая дорожка мимо обожженного дерева, дорожкой этой иди, иди, иди. Станет терновник тебя царапать [Терновник будет царапать тебя] густой орешник [Вместо „густой орешник“: орешник] станет мешать тебе, ты всё иди. И как придешь к небольшой речке, тогда только можешь остановиться. Там и увидишь [увидишь ты] кого тебе нужно. [Далее начато: а. Толь<ко> б. Не позабудь только набрать] Но гляди, не позабудь накласть себе [взять с собою] в карманы того, что позвонче бреньчит». Сказавши это, шинкарь ушел в свою кануру, словно его в шею погнало, и не хотел больше [и больше не хотел] говорить ни слова. [Далее начато: Дед] Покойный дед был человек, нельзя сказать, чтобы из трусливого десятка. [Один], бывало, иной раз выходил на медведя, а подчас и пяти человек умять ему было так же, как нашему брату отпеть воскресный кондак, но всё однако ж почувствовал непонятную дрожь по всем членам, как вступил в такую глухую ночь в лес. Хоть бы звездочка на небе. Темно и глухо, как в винном подвале. Только слышно было, что далеко, далеко вверху над головою холодный ветер гулял по верхушкам деревьев и они [деревья] что подгулявшие [что опьяневшие] козацкие головы, покачивались, шопоча [нашептывая] листьями пьяную молвь. [Далее начато: Вот заваяло т<аким>] Как вот заваяло [заваяло по лесу] таким холодом, что вспомнил про овчинный тулуп свой, и вдруг словно сто молотов застучало там по всему лесу [застучало по лесу, по всем углам] таким стуком, что у деда по жилам пронесся мороз и зазвенело в голове [у деда зазвенело в ушах]; так, как бы вам сказать, зарницу осветило на минуту весь лес. Дед увидел тотчас дорожку, словно змейку пробиравшуюся<ся> промеж мелким кустарником. Вот и обожженное дерево и кусты терновника. Так, всё так, как было ему говорено. Нет, не обманул шинкарь. Не слишком весело было однако ж ему продираться через колючие кусты. Еще отроду [Еще таких отродясь] не видывал он [дед] чтобы проклятые шипы и сучья так больно царапались. Почти на каждом шагу забирало его вскрикнуть [а. На каждом шагу заставляло его вскрикивать б. Почти на каждом шагу готов он был вскрикнуть] И думаю, сам нечистый, поднявши хвост побежал бы как собака [сам нечистый дал бы тягу] если бы увидел тогда дедову рожу [когда увидал только тогда дедову рожу] Мало-помалу выбрался он на просторное [на широкое] место, и сколько мог он заметить деревья редели и становились чем далее такие широкие, каких дед не видывал и по ту сторону Польши. Чудно ему показалось, когда вместо листьев стали на деревьях [на них] жидовские яломки и словно вороны чернели посреди ночи. Глядь промеж [Вот промеж] деревьями мелькнула и речка, черная, словно вороненая сталь.

Долго стоял дед у берега [Призадумался дед, стоя у берега] поглядывая на все стороны, как вот заметил на другом берегу огонь, который, казалось, каждую минуту готовился [а. думал б. хотел] погаснуть и вспыхивал снова, показывая личину свою в речке, дрожавшей, как польская [польский] шляхта в московских лапах [а. в татарских лапах б. в москалевых лапах] Прошедши далее по берегу, увидел он и мосток [мостик] но такой узкой и дырявый, что одна чортовская таратайка могла по нем проехать.

Дед ступил смело и скорее, чем [чем бы наш] иной успел бы достать рожок и понюхать табаку, был уже на другом берегу [на другой <стороне>] Тут только разглядел дед, что возле огня сидели люди и такие красивые рожи, что в другое время и бог знает чего не дал бы, лишь бы улепетнуть от такого знакомства [что дед в другое время и бог знает что [бы] дал бы, чтобы только улепетнуть от такого знакомства] Но [Ну] теперь нечего делать, нужно было завязаться. Вот дед и отвесил поклон, мало не в пояс. «Помогай бог вам, добрые люди!» Хоть бы один кивнул головой; сидят да молчат, да сыплют что-то в огонь. Видя одно место незанятым [Видя, что одно место не занято около огня] дед без всяких околичностей уселся [сел] и сам. Смазливые рожи ничего [Они ничего]; ничего и дед. Долго сидели молча, так что деду уже и наскучило. Давай шарить в кармане [Полез в карман] вынял люльку, наклал табаку, посмотрел вокруг — ни один не глядит на него. «Уже, добродейство, будьте ласковы, как бы так, чтобы, примерно сказать, того (дед жил в свете не мало, знал уже как подпускать турусу и при случае, пожалуй [то] и перед царем не ударил бы лицом в грязь!) чтобы, как говорят, и себя не забыть, да и вас не обидеть. Люлька-то у меня, примерно, есть, да того, чем бы зажечь ее [запалить ее] чорт ма [[Нет, не имеется] (Прим. Н. В. Гоголя.)]». И на эту речь [И на это хоть] ни один не отозвался, только одна рожа сунула [сунула рожа] горячую головню деду чуть-чуть не в лоб [прямо в лоб] так что если бы не пришла блажь ему посторониться [если бы не вздумал дед немного посторониться] то статья может, что и распрощался бы с одним глазом навеки [распрощался бы навеки с глазом. Далее начато: Дед] Видя наконец, что время даром проходит, решился, [Далее начато: ну] будет слушать или нет нечистое племя — рассказать дело. Рожи и уши наставили и лапы вытянули. Дед догадался, забрал в горсть все бывшие с ним деньги и кинул им [их<?>] словно собакам, в середину. Как только кинул он деньги, всё перед ним перемешалось [«все ~ перемешалось» вписано.] земля под ним задрожала, и как уже он и сам рассказать не умел, только попал [только попал он] чуть ли не в самое пекло. Батюшки мои, ахнул дед, разглядев [а. уви<дав> б. разглядев] хорошенько. Что за чудища! Рожи на роже, как

говорится, не видно. Ведьм такая гибель, как случается на Рождество [Ведьм такая гибель, как [гибель] бывает иногда на Рождество] иногда выпадать снегу: разряжены, размазаны, словно панночки [а. все разряжены, как у нас попо<вны> б. все разряжены, размазаны, как панночки] на ярмарке. Деда, несмотря на страх весь, смех напал, когда [как] увидел, как черти с собачьими мордами на немецких ножках увивались около них, словно парни возле [около] красных девок... [Далее было: Пыль подняли, боже упаси, какую!] И все, сколько не было [Далее было: дружно плясали] их там, словно хмельные, отплясывали какого-то чертовского тропака. Пыль подняли, боже упаси, какую! Дрожь проняла бы крещеного человека при виде [всякого, когда бы увидал,] как высоко скакало бесовское племя, а музык<анты> колотили себя в щеки кулаками, словно в бубны, и свистали носами, как вол<торны> [«а музыканты ~ как вол<торны>» вписано.] Только завидели деда и турнули к нему ордою. Свиные, собачьи, козлиные, дрофиные, лошадиные рыла все повытягивались [рыла вытян<улись>] и вот так и лезут целоваться... Плюнул дед, такая мерзость напала! Наконец схватили и посадили деда за стол длиною, может, с дороги от Конотопа до самого шинка. Ну, это еще не совсем [не так] худо, подумал дед, завидевши на столе свинину [колба<сы>] колбасы, крошенную с капустой цыбулю и много всяких сластей. Видно, дьявольская сволочь не любит сухарей грызть черствых из ларя. Дед таки, нужно вам знать, не упускал при случае хорошенько подъесть [а. Дед ~ любил поесть б. Дед ~ при случае не упускал хорошенько поесть]

Не распускаясь на слова и рассказы, придвинул он к себе миску с нарезанным салом и окорок ветчины, взял [ухватил] вилку, на которой, может быть, черти жарили грешников, захватил ею самый увесистый кусок, подставил кусок хлеба, и — глядь, и отправил его в чужой рот [хлеба и, кажись, прямо отправил его туда, куда нужно, только] Вот-вот возле самых ушей и слышно даже, что чья-то морда жуёт и <хлопает?> зубами на всё пекло [«<хлопает?> ~ пекло» вписано.] Дед ничего. Схватил другой кусок и вот, кажись, и по зубам помазал, только опять не в свой рот [в чужой рот. Далее начато: Досадно, а] В третий раз снова [опять] мимо, а от колбас, как нарочно, такой запах пошел [а. а от колбас несет такой запах б. а от колбас, как нарочно, такой запах идет] по всему столу, какого дед, как сам после того божился, не нюхал никогда на белом свете. Досада схватила, взбеленился дед так, что позабыл и страх весь и в чьих лапах находится. Прискочил к ведьмам: «Что вы, Иродово племя, задумали смеяться, что ли, надо мною. Если вы не отдадите сейчас же козацкой шапки моей, то будь я собачий сын, если не посвертываю всем вам шеи и не поворочу [и

попо<рчу?>] проклятых <?> рож ваших на затылок!» Не успел он кончить, как все чудища [хари] выскалили зубы и подняли такой адской смех, что <у> деда захолонуло на душе, вот так, точно [если] подольешь воды в молодые дрожжи, или разожжешь как огонь железо и после кинешь его в воду... такое адское шипение поднялось по всему пеклу. «Ладно», провизжала одна ведьма, которую [ведьма, глядя на которую можно] дед почел за главную, потому что харя была уже чуть ли не мерзостнее <?> всех. «Шапку отдадим тебе, только не прежде, покаместь не сыграешь с нами три раза в дурня!» Что прикажешь делать? [Срам] сесть козаку с бабами в дурня! Дед отпираться, отпираться. А наконец сел. Принесли карты, только такие замасленные, какими только у нас поповны гадают про женихов своих [какими даже не гадают поповны про женихов. Далее начато: Только] «Слушай же», залаяла ведьма в другой раз. Если хотя раз выиграешь — твоя шапка, когда ж все три раза останешься дурнем, тогда не погневайся, не только не видать тебе ее, да может стать и свету больше. «Сдавай, сдавай, старая ведьма, после уж увидим». Вот карты и [и карты] розданы. Взял дед в свои руки, — смотреть не хочется, — такая дрянь, хоть бы на смех один козырь; из масти самая старш<ая> десятка, пар даже нет; а ведьма всё подваливает пятериками. Что прикажешь делать: остался дурнем [дурнем остался.] Только что дед успел остаться дурнем и [Далее начато: пошло] со всех сторон заржали, залаяли, захрюкали морды: «дурень! дурень!» «Чтоб вы перелопались [Дьявол вас возьми!] дьявольское племя!» закричал дед, затыкая пальцами себе уши. Ну, думает, ведьма подтасовала, теперь я сам буду сдавать. Сдал, засветил козыря, поглядел в карты: масть хоть куда, козыри есть; и дело шло, кажись, как нельзя лучше [а. козыри есть; и сначала дело шло, как нужно б. козыри есть; и дело шло сначала, кажись, как нужно Далее начато: только ведьма] Карт в колоде оставалось уже немного. Только ведьма пятерик с королями [с тузами] у деда на руках одни козыри. Не думая, не гадая долго, хватя королей по усам всех козырями. «Ге, ге, да это не по-козацки, а чем ты кроешь, земляче?» — «Как чем? козырями». — «Может по-вашему [Может у вас, у Батурине] это и козыри, только по-нашему нет!» Глядь — в самом деле простая масть. Тфу дьявольщина! пришлось в другой раз быть дурнем. И пошло чертанье драть горло: «дурень! дурень!» таким криком, что стол дрожал и карты прыгали по столу. Дед начал горячиться, сдал в последний [вот сдал в последний Далее было: Полная рука козырей] Опять идет ладно. Ведьма опять пятерик. Дед покрыл и набрал [Далее начато: всю руку] из колоды полную [всю] руку козырей. «Козырь!» вскрикнул, ударив в горячности <?> картою [ударив кулаком] по столу так, что ее [карту]

свернуло коробом. Ведьма, не говоря ни слова, покрыла восьмеркою масти. «А чем, хрычевка [ты, старая ведьма] черти б позабирали всю твою родню, бьешь!» Ведьма подняла карту: под нею простая шестерка масти. «Что за дьявол?», повторил дед, несколько раз плюнувши. К счастью еще, что и у ведьмы на ту пору была [Далее начато: дрянь и] плохая масть. У деда случились пары, стал набирать [он стал] все карты из колоды [на<брал?>] только мочи нет — дрянь такая лезет, что дед и руки опустил. В колоде ни одной карты. Пошел простою шестеркою. Ведьма приняла! [Далее было: Вот тебе на!] Что бы это значило? Э! э! смекнул дед. Карты потихоньку под стол и перекрестил их. Глядь на руках у него туз, король и валет козырей, и он спустил вместо шестерки кралю. Ну хорошо ж: [Ну еще хорошо] «Король козырей! Туз козырей! валет!..» Гром пошел такой по пеклу... ведьму напали корчи и, откуда ни возьмись, бух шапка деду прямёхонько в лицо... [а. и бух откуда ни возьмись шапка б. и откуда ни возьмись бух [деду] шапка деду в рожу] «Нет, это еще не всё! [Нет этого мало]» закричал, прихрабрившись и надев ее на себя [«и надев ее на себя» вписано.] дед. «Если не станет передо мною сейчас [здесь же] молодецкой конь мой, то вот, убей меня гром на этом месте, если я не перекрещу святым крестом всех!..» [Далее начато: Только что он...] — «Вот тебе конь твой!» и загревели перед ним конские кости. Заплакал бедняга, глядя на них [а. Заплакал дед при виде их б. Заплакал он при виде и] что дитя неразумное, жаль стало товарища. «Дайте ж мне [а. Отдайте ж б. Дадите ж мне] хоть другого коня скорее выбраться из вашего чертовского гнезда!» Чорт хлопнул арапником, конь как огонь взвился перед ним, <и> дед [дед и [что птица вынесся наверх.

Страх однако ж напал на его посередине дороги, когда конь, не слушаясь его ни крику ни поводьев, скакал через провалы и болота. В каких уже местах он был, так дрожь брала при одних рассказах. Кручи, рывины, кособоры, пропасти, буераки, волки, ястрепа, цапли, — кажись, всё [всё кажись] перед ним мелькало, путалось [Далее начато: мелькал] и дразнило его языками. Деревья протягивали ветви и хватали со всех сторон [«со всех сторон» вписано.] его за шапку, так что дед принужден был снять ее и держать в руках, ухватясь другою за гриву, а проклятые ветви, видно <1 нрзб.>, между тем [«видно <1 нрзб.>, между тем» вписано.] щолкали его по носу и драли [хватали] за чуб, но досаднее [больше] всего показалось деду, что смотреть дрянь какой кустик и тот, смотри, вытягивался ухватить [чтобы ухватить] его за чуб. Небо всё еще чернело, что козацкие брови [брови козацкие] Где-где мерещились звезды. Повеял ветерок [И вот полнившийся ветерок показывал] Ну, слава богу, недалеко до рассвету.

Только дед примечает [замечает]: конь его еще прихрамывает и глядь вместо ушей торчат роги — смекнул дед: никто другой, как сам хромой чорт под ним. Ну, думает, теперь не быть добру. Только не успел [Только что он сказал это] он и шагнуть — перед ним провал такой, что голова закружилась. Сатанинское животное прямо через него. Дед держать, не тут-то было: и через пни, кочки полетел в провал и так хватился о землю, что, кажись, и дух вышибло. По крайней мере, что деялось с ним в то время ничего не помнил, и как очнулся немного и осмотрелся, то уже почти совсем рассвело. Перед ним мелькали знакомые места, и он лежал на крыше своей же хаты. Перекрестился дед, когда слез долой. Экая чертовщина! Слава богу, есть по крайней мере шапка. Что за пропасть, какие с человеком чудеса деются? [«Что за пропасть ~ деются» вписано. Далее начато: Хвати<лся>] Глядь на руки — все в крови. Посмотрел в стоявшую сторчмя бочку, наполненную водою, — и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не напугать детей, входит он потихоньку в хату. Смотрит: дети пятятся задом к нему и в испуге указывают ему пальцами, говоря: «Дывись, дывись, маты, як дурна, скаче! [маты сдурила, мов дурна]». И в самом деле, баба сидит, заснувши перед гребнем, держит в руках веретено и сонная подпрыгивает на лавке. Дед, взявши за руку [Далее начато: сбудил] полегоньку разбудил ее. «Здравствуй, жена! [Далее было: Что это забрало] Здорова ли ты?» Та долго смотрела, выпучивши глаза, и наконец уже узнала деда и рассказала, как ей снилось, как печь ездила по всей хате, [Далее начато: кочерга села за кучера и разгоняла] выгоняя лопатою вон горшки, лоханки, ушаты... чорт знает что такое. «Ну», говорит дед: «тебе во сне, мне наяву, нужно только, думаю, будет освятить нам хату. Мне же теперь мешкать нечего». Сказавши это и отдохнувши немного, дед достал коня и уже не останавливался ни днем, ни ночью покамест не доехал до места и не отдал грамоту самой царице... Там навиделся дед таких див, что стало надолго после того рассказывать. Как повели [он вошел] в палаты [такие] высокие, что если бы хат десять поставить одну на другую, и то вряд ли будет [и то разве мало чем будет] Как вошел [Вошел как] он в одну комнату — нет, в другую — нет, в третью — нет, в четвертую даже заглянул — нет [в четвертую уже — нет] а в пятой уже глядь сидит сама в золотой короне, в серой новехонькой свитке, в красных сапогах и золотые галушки ест. Как повелела царица дать ему целую шапку синиц [Синих ассигнаций. (Прим. Н. В. Гоголя.)] [ему дать целую шапку ассигнаций. Далее начато: в пошел он] Всего и вспомнить нельзя. [Далее начато: Два месяца после того спустя] Об возне своей <с> чертями дед и думать позабыл. Только раз как-то случилось был он

навеселе. Гостей было вдоволь, варенухи и съестного <?> и того больше. Слово за словом дед и заикнулся про грамоту, как было она пропала и начал уже было рассказывать... Только глядь невзначай вверх на полку — горшки все надували щеки, выпучили глаза и такие стали ему строить хари, что деда мороз подрал по коже и уже не допросились его кончить [окончить.] На другой же день дед всё рассказал попу на исповеди и освятил все уголки и закоулки хаты. [Вместо «На другой ~ хаты»: а. Да на другой день, как рассказал б. На другой же день всё попу на исповеди в. И не прежде начал уже говорить об этом дед, покаместь не рассказал всего попу на исповеди и не освятил хату] После чего уже не боялся говорить [рассказывать] об этом встречному и поперечному. Хотя [а. Только б. Однако ж] видно, уже в наказание за то, что он не сделал этого прежде [а. что не тотчас после этого бесовского случая, лет б. что как только начнешь из библии] бабе ровно через год [через каждый год] именно в то самое время, прилучилось такое диво, что танцуется ногам, да и только. [Далее начато: ноги сами собою и во<т>] За что ни примется, ноги затевают свое и вот так и дергает пуститься в присядку.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ. (ЧЕРНОВАЯ РЕДАКЦИЯ)

Последний день перед Рождеством прошел. [Затем начато: Ночь] Зимняя ясная ночь наступила. Глянули звезды. [«Глянули звезды» вписано.] Месяц величаво поднимался на небо посветить добрым людям и всему хрещеному миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа. Морозило сильнее, чем с утра, но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался может быть за версту. Еще ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат. Месяц один заглядывал в низенькие окна хат, как бы вызывая принаряживавшихся девушек скорее выбежать [Вместо «как бы вызывая ~ выбежать»: как бы вызывая девушек скорее выбежать [тол<пою>]] на скрипучий снег. Тут чрез трубу [Тут из] одной хаты клубами повалился дым и пустил тучу по ясному небу, вылетели искры и тихо вместе с дымом поднялась из трубы ведьма верхом на метле. [Далее было: а. и через минуту уже была так высоко, что едва приметить можно было черневшую длинну<ю> б. и через минуту уже была так высоко, что одно только пятнышко чернело вверх]

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом черными смушками, с дьявольски сплетенною плетью, которою он имеет [имел] обычай подгонять [а. забав<ляться> б. крестить спину] своего ямщика, то он бы, верно, заметил, потому что от сорочинского заседателя ни одна на свете ведьма не ускользнет. Он знает наперечет, сколько у каждой бабы свинья мечет поросят и сколько лежит в сундуке полотна, [Далее начато: и сколько] и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. Но заседатель сорочинский не проезжал, да и какое бы было ему дело до чужих мирян, у него своя волость. А ведьма между тем уже поднялась высоко на небо и только черное пятнышко мелькаловерху. Но где ни мелькало пятно, там звезды как не бывало, все потихоньку поснимала ведьма и набрала их полный рукав. Три или четыре звездочки блестили на небе, как вдруг с другой стороны показалось другое пятнышко. Близорукий, хоть бы надел на нос свой вместо очков колеса с комисаровой брички, и тогда бы не распознал, что это было такое. Спереди совсем как будто немец: [Далее было: а. длинная б. узинья мордочка] узинья, беспрестанно вертевшаяся и

нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком; ноги так тонки, что если бы такие имел наш диканьской голова [Вместо «ноги ~ голова»: а. ноги тоненькие как у журавля б. ноги так тонки, что если бы дать их дюжему диканьскому голове] то он бы переломал их в первом козачке. Но [Впрочем] сзади он был совершенный поветовый стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный [короткий] как теперишние мундирные фалды; только по тому разве, что под мордой висела козлиная борода, на голове торчали небольшие роги и весь он был не белее трубочиста, можно было догадаться, что это не немец, не губернский [поветовый] стряпчий, а просто чорт, которому последняя ночь осталась шататься [таскаться] по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу. Чорт между тем [Далее было: завидевши] крался потихоньку к месяцу и уже протянул руку, чтобы ухватить его, но скоро отдернул ее назад, как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова подскочил и отдернул руку. Однако ж [Но] несмотря на все неудачи, хитрый чорт не оставил своих проказ, подбежал вдруг, схватил обеими руками месяц, [Далее было: и, кривляясь от боли, одной рукою] кривляясь и дуя на <не>го губами, перекидывал он его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки. Наконец поспешно спрятал его в карман и, как будто ни в чем не бывал, побежал далее. В Диканьке [На земле] никто не видел, как чорт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четверенках из шинка, видел, что [как] месяц, ни с сего, ни с того, танцевал на небе, и уверял с божбою в том всё село, но миряне качали головами и даже подымали его на смех. Но какая же была причина решиться чорту на такое неблагопристойное дело? А вот какая. Он знал, что богатый козак Чуб [«Чуб» вписано позднее в нарочно оставленный для имени пробел.] приглашен дьяком на кутю, [Далее начато: и должен] где будет голова, волостной писарь и еще кое-кто; где, кроме кути, будет варенуха, перегонная на шафран водка и еще кое-что. А между тем его дочка, красавица на всем селе, останется дома, а к дочке наверное придет кузнец [влюбленный кузнец] силач и детина хоть куда, который чорту был противнее проповедей отца Осипа. В досужее от дела время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всем околodge. Сам еще тогда здравствовавший сотник вызывал его нарочно тогда в Полтаву выкрасить досчатый забор около его дома. Все миски, из которых дыканские козаки хлебали борщ, были размалеваны кузнецом. Кузнец был

богобоязливый человек и писал часто образа святых, и теперь еще можно найти в дыканской церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалеванная им на церковной стене [на стене церковной (в рукописи первое «стене» осталось ошибочно незачеркнутым, отчего получилось: «стене церковной стене»)]. в правом притворе, в которой изобразил он св. Петра в день страшного суда, с ключами в руках, [Далее начато: освобождавший] изгонявшего из ада злого духа: [Далее начато: заключенные же в аде греш<ники>] испуганный чорт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде били и гоняли его кнутами, пеленами и всем, чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал ее на большой деревянной доске, чорт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на все его усилия, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора. И с этой поры чорт поклялся мстить кузнецу. В последнюю ночь и тут даже хотел он чем-нибудь [как-ни<будь>] выместить на кузнеце, и для этого решился украсть месяц, [Далее начато: Он] в той надежде, что старый [и] ленив и не легок на подъем, к дьяку же от избы не так близко: дорога шла по за селом мимо мельниц, мимо кладбища, обгинала овраг. Еще при месячной ночи варенуха и водка, настоящая на шафран, могла заманить нашего [Далее оставлен пробел для имени.]; но в такую темноту ни за какие деньги не вызвал бы его никто из хаты. А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нем ни за что не отважится, несмотря на свою силу, итти к дочери. Таким-то образом, как только чорт спрятал [приспратал] в карман свой месяц, вдруг по всему миру сделалось [темно сделалось] так темно, что не всякой бы нашел дорогу к шинку, не только к дьяку. «Ух!» вскрикнула ведьма, увидевши себя вдруг в темноте, [Далее начато: а. тут б. а почувствовала, что] и тут чорт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился нашептывать на ухо то [то же] самое, что обыкновенно шепчут всему женскому роду. [Вместо «шепчут ~ роду»: а. девушкам б. всем девушкам] Боже, чудно право устроено на нашем свете! Всё, что ни есть в нем, всё силится перенимать и подражать одно другому. Прежде, бывало, в Миргороде один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах, а всё мелкое чиновничество ходило просто в нагольных. Теперь же и заседатель и поветовый стряпчий отсмалили себе новые шубы из решетиловских смушек с китайчатою покрышкою [покрытых китайкою] Канцелярист и дьяк третьего года взяли синей китайки [синего сукна] на 6 [8] рублей аршин. Пономарь сделал себе [Далее начато и ошибочно не

зачеркнуто: нанковые [на лето нанковые шаровары и камзол из полосатого гаруса. Словом, всё лезет в люди. [Далее начато: Но пусть бы уже человек] Но про это уже нечего и говорить. Людям свойственно это делать. Но [Но это] удивительнее всего, что и чорт пускается туда же. [Далее начато: Еще] Пусть бы еще имел смазливую рожу, а то ведь посмотреть совестно: рожа [3] мерзость мерзостью, и он пускается строить любовные куры. Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего уже нельзя было видеть, что происходило между ними.

«Так ты, кум, еще не был у дьяка в новой хате?» говорил козак Чуб, выходя из дверей своей избы [Вместо «из ~ избы»: из своей хаты своему] сухощавому, высокому, в коротеньком тулупе мужику с обросшею бородою, доказывавшему, что уже более двух недель [Вместо «более двух недель»: около месяца] не касался ее обломок косы, которым обыкновенно мужики бреют свою бороду за неимением [вместо] бритвы. «Там теперь будет добрая попойка», продолжал Чуб, осклабив при этом свое лицо. «Ну пойдем же скорее, чтобы как-нибудь не опоздать» [опоздать нам] При сем [этом] Чуб поправил свой пояс, перехватывавший плотно его тулуп, наглобучил сильнее свою шапку, стиснул в руке кнут — страх и грозу докучливых собак; но, взглянув вверх, остановился... «Что за дьявол? Смотри, смотри, Панас!..»

«Что?» говорил кум и поднял свою голову также кверху.

«Как что? месяца нет».

«Что за пропасть, в самом деле, нет месяца».

«То-то, что нет», выговорил Чуб с некоторою досадою на неизменное хладнокровие кума. «Тебе, небось, и нужды нет?»

«А что мне делать?»

«Нужно же», продолжал Чуб [«продолжал Чуб» вписано.] «какому-то дьяволу, чтоб ему не довелось рюмки водки выпить, вмешаться... Право, как будто на смех...] Вместо „Право ~ на смех“: Как будто на смех] Нарочно, сидевши в хате, глядел в окно: ночь — чудо! Светло, снег блестит при месяце. Всё было видно, как днем. Не успел вытти за дверь, и вот, хоть глаз выколи, чтоб ему переломались об черствый гречаник все зубы...» Чуб долго еще ворчал и бранился [Далее было: чтобы прикрыть свою нерешительно<сть>] и между тем, в то же время [а. во всё это время б. в это же время] раздумывал, на что бы решиться. Ему до смерти хотелось покалякать о всяком вздоре у дьяка, где, без всякого сомнения, сидел уже и голова, и церковный староста, и дегтярь Мыкита, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги [Далее начато: и считавший<ся>] и

выкидывавший такие штуки, что все миряне брались за животы от смеху. Уже Чуб видел [видел Чуб] мысленно стоявшую на столе варенуху. Всё это было заманчиво, правда, но темнота ночи напомнила ему о той лени, которая так мила козакам нашим. Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на лежанке [печке] курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки [веселые колядки] и песни [Далее начато: под окошком] веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами. Он бы, без всякого сомнения, решился на последнее, если бы был один. Но теперь обоим не так скучно и страшно итти темною ночью. Окончивши свои побранки, обратился он снова к куму.

«Так нет, кум, месяца?»

«Нет».

«Чудно, право! А дай понюхать табаку. У тебя, кум, славный табак, где ты берешь его?»

«Кой чорт, славный [хороший]!» отвечал кум, закрывая березовую тавлинку, исколотую узорами: «плохой!»

«Я помню», продолжал всё так же [«всё так же» вписано.] Чуб: «мне покойный шинкарь Зузуля раз привез табаку из Нежина. Эх, табак был! Добрый был табак! Так что же, кум? как нам быть? Ведь темно на дворе».

«Так, пожалуй, останемся дома», произнес кум, взявшись за ручку двери.

Если бы кум не сказал этого, то Чуб непременно решился бы остаться; но теперь его как будто что-то дергало итти наперекор. «Нет, кум, пойдем!» [«Нет, кум, пойдем!» вписано.] Ему самому было неприятно теперь тащиться, но утешало то, что он сам нарочно захотел этого и сделал таки не так, как ему советовали.

Кум, не выразив на лице своем ни малейшего движения досады, как человек, которому решительно всё равно, сидеть ли дома или тащиться из дому, оправился, почесал себе палочкой от батога плечи, и два кума отправились в дорогу.

—

Теперь посмотрим, что делает, оставшись дома, красавица дочка. Оксане [Далее начато: было] не минуло еще семнадцати лет, как во всем почти свете и за Диканькою и под Диканькою, только и речей было, что про нее. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было еще никогда, и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала всё, что про нее говорили, и была капризна и своенравна, как красавица. Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в [Далее начато: длинном] атласном с длинным хвостом платье, то до сих пор переколотила бы и выгнала десятка

три [два] горнишних. Парубки гонялись за нею толпами, но, потеряв терпение, оставляли мало-помалу своенравную красавицу и обращались к другим, более благосклонным. Один кузнец был упрям и тверд, [Далее было: как опущенное в воду железо] несмотря на то, что и с ним [и к нему] было поступаемо ничуть не лучше как с другими. По выходе отца своего, она долго еще принаряживалась и жеманилась перед небольшим, в оловянных рамках, зеркалом и не могла налюбоваться собою. «Что людям вздумалось расславлять [говорить] будто я хороша собою», говорила она, как бы полурассеянно, для <того> только, чтобы об чем-нибудь поболтать с собою. «Лгут люди, я совсем нехороша». Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими черными <очами> и невыразимо приятной усмешкой, проходившей [Далее начато: а. разом всю <душу> б. молнией] быстрее молнии в душу, вдруг доказало противное. «Разве черные брови и очи мои», продолжала красавица, не отходя от зеркала: «так хороши, что уже равных им нет и на свете... Что тут хорошего в этом вздернутом [поднявшемся] кверху носе?.. и в щеках?.. и в губах? будто хороши мои черные косы! [змеи косы] Их можно перепугаться вечером: они, как длинные змеи, перевилились и обвились кругом моей головы. [Вместо „обвились ~ головы“: обвивают кругом мою голову] Да, я вижу теперь, что я совсем не хороша!» и, отдвигая несколько подалее от себя зеркало, [Вместо «отдвигая ~ зеркало»: отойдя несколько подалее от зеркала] вскрикнула: «Нет, хороша я! Ах, как я хороша! Какую я радость принесу тому, кого буду женою. Как будет любоваться мною мой муж. Он не вспомнит себя от радости. Он зацелует меня на смерть». «Чудная девка!» сказал сам себе [«сам себе» вписано.] вошедший тихо кузнец. «И хвастовства у нее мало. С час стоит, глядясь в зеркало, и любит себя собою, и еще хвалит себя вслух!»

«Да, парубки, вам ли чета я. Вы поглядите на меня», продолжала хорошенькая кокетка: «как я плавно выступаю. У меня сорочка шита красным шелком. А какие ленты на голове. Вам век не увидеть богаче золотого галуна, какой... [Фраза не дописана.] Всё это отец мне купил для того, чтобы меня полюбил самый лучший на свете молодец». И, усмехнувшись, [Далее начато: хотела поворотиться] поворотилась она в другую сторону. Тут кузнец вышел из себя и в душевном волнении обхватил [Вместо «и ~ обхватил»: и не утерпел, чтоб не обхватить] рукою ее полный стан. Чувствовала дрожащая рука, как подымались под нею полные девические перси. Дрожь и чудный холод пробежал по жилам парубка.

Оксана вскрикнула и сурово остановилась перед ним.

Кузнец и руки опустил.

Трудно рассказать, что говорило смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нем была видна, и сквозь суровость какая-то издевка над смутившимся кузнецом, и [Далее начато: кр<аска>] едва заметная краска досады разливалась тонко по лицу; и всё так это смешалось и так было неизобразимо-хорошо, что расцеловать ее миллион раз — вот всё, что можно было сделать наилучшего.

«Зачем ты пришел сюда?» так начала говорить красавица. «Разве хочется [тебе хочется] чтобы я выгнала тебя за двери лопатою? Вы все мастера подъезжать к нам [Далее начато: ду<рам>] вмиг пронюхаете, когда батьков нет дома. О! я знаю вас. Небось сундук мой верно не готов?»

«Будет готов, мое сердце, непременно после праздников будет готов. Если б ты знала, сколько трудился я около него. Две ночи не выходил из кузницы. Зато уже ни у одной поповны не будет такого сундука. Железо на оковку положил такое, какого не клал на сотникову [заседателеву] кибитку, когда [Далее было: работал] ходил на работу в Полтаву. А как будет расписан — хоть весь околодок выходи своими белинькими ножками, не найдешь такого. По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы. [Далее начато: Гореть будет] Весь будет гореть! Не сердись же [только] на меня. Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!»

«Кто ж тебе запрещает? Говори и гляди». Тут села она на лавку и снова взглянула в зеркало и стала поправлять на голове свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелком, [Далее начато: и усмехнулась] и тонкое чувство самодовольствия выразилось на устах, на свежих ланитах и отсветилось в очах.

«Позволь и мне сесть возле тебя», [Вместо «Позволь ~ тебя»: Позволь хоть поцеловать себя] сказал [В рукописи оставлен пробел для имени.]

«Садись», проговорила Оксана, сохраняя в устах [в лице] и в довольных очах то же самое чувство.

«Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя», произнес ободренный к<узнец> и прижал ее к себе, в намерении схватить поцелуй, но Оксана отклонила свои уже находившиеся на не приметном расстоянии от губ кузнеца щеки и оттолкнула его. [Далее начато: «Посади только свинью за стол, она и лапы взмостит»] «Чего тебе еще хочется. Ему, когда мед, так и ложка нужна. Поди прочь, у тебя руки жестче железа. Да и весь ты пахнешь кузницею. Я думаю, меня всю обмарал своею сажей». Тут она поднесла зеркало и снова начала перед ним охорашиваться.

«Не любит она меня!» думал про себя, повесив голову, кузнец. «Ей всё игрушки, а я стою перед нею, как дурак, и очей не свожу с нее. И всё бы

стоял перед нею, и век бы не сводил с нее очей. Чудная девка. Чего бы я не дал, чтобы узнать, что у нее на сердце, кого она любит. Ей и нужды нет ни до кого. Она любит сама собою, мучит меня, бедного, а я за грустью не вижу света. А я ее так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

«Правда ли, что твоя мать ведьма?» произнесла Оксана и засмеялась, и кузнец чувствовал, что внутри его всё засмеялось. Смех этот как будто разом отозвался в сердце и в тихо [радостно] встрепенувших жилах и за всем тем досада запала в его душу, что [Далее начато: нельзя было] он не во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лицо.

«Что мне до матери? [Вместо „Что ~ матери“: а. Что мне мать или отец б. Что до] Ты у меня мать, и отец, и всё, что ни есть лучшего на свете. Если б меня призвал царь и сказал: „Кузнец, проси у меня всего, всё что ни есть лучшего в моем царстве, всё отдам тебе. [Далее начато: 'Не хочу я', сказал бы я царю] Прикажу тебе сделать золотую кузницу и станешь ты ковать серебряными молотами“. — „Не хочу“, сказал бы я царю: „ни каменьев дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства. Дай мне лучше мою Оксану“».

«Видишь, какой ты! Ты не простой кузнец. А естли мой отец вздумает жениться на твоей матери?», проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. «Однако ж девчата не приходят... Что б это значило? Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно».

«Бог с ними, моя красавица».

«Как бы не так. С ними вместе, верно, придут парубки. Тут-то пойдут балы. Воображаю, каких наговорят смешных историй!»

«Так тебе весело с ними?»

«По крайней мере веселее, чем с тобою. [Вместо „По крайней мере ~ с тобою“: а. Как же не ве<село> б. Веселее чем с тобою, если бы остаться день вместе] А, кто-то стукнул. Верно, девчата с парубками».

«Чего мне больше ждаться?» говорил сам с собой кузнец. «Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова. Но естли ж так, не достанется по крайней мере другому [другому парубку] посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего, я отучу...»

Стук в дверь и резко зазвучавший на морозе голос: «отвори!» прервал его размышления.

«Постой, я сам отворю», сказал кузнец <и вышел> [«и вышел» пропущено.] в сени, в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.

—
Мороз увеличился, и вверху так сделалось холодно, что чорт перепрыгивал с одной ноги на другую и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мерзнувшие руки. Нежного роду собачье подобье! как говорил покойный Макар Назарович, Лохвицкий подкоморий. [Далее было: Как не смерзнуть] Не мудрено, однако ж, и не смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он грешников с таким же спокойствием, с каким честные миряне жарят [под<жаривают?>] поросенка.

Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одета, и потому, поднявши руки кверху [в вверх] отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не двинувшись ни одним членом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу. Чорт [Далее было: вслед за нею] таким же порядком спустился вслед за нею, но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то не мудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы, и оба очутились в просторной печке между горшками.

Путешественница отодвинула потихонько заслонку поглядеть, не назвал ли ее сын Вакула [кузнец] в хату гостей, но, увидевши, что никого не было, вылезла из печки, скинула теплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездила на метле.

Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. [Далее было: в своей молодости может быть она была] Трудно и быть хорошею в такие годы. Однако ж она так умела причаровывать к себе самых степенных козаков в селе (которым, не мешает между прочим заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживал и голова, и церковный староста, и дехтярь, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги, и козак Корней Кобен<як> [а. Корнилий б. Корней Чуб] и козак Остап Свербыгуз, [Далее начато: И она так искусно умела обходиться с ними, что каждый из них считал] когда собственная половина его заблагорассуждала куда-нибудь отлучаться. И, к чести ее сказать, она умела искусно обходиться со всяким. Ни одному из них не приходило и на ум, что у него есть соперник. Шел ли набожный мужик, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь, или, если дурная погода, в шинок, — как не зайти к Солохе, [Вместо «как ~ к Солохе»: он непременно заходил к Солохе, хотя и делал большой крюк] не поест жирных с творогом вареников и не поболтать в теплой избе с

разговорчивой и угодливой хозяйкой. И дворянин нарочно для этого давал большой крюк, прежде нежели [прежде чем] достигал шинка [церкви или шинка] и называл это заходить по дороге.

Охотник мешаться в чужие дела тотчас бы заметил, что Солоха была приветливее всего с козаком Чубом. Чуб был вдов. Восемь скирд хлеба всегда стояли перед его хатою. Пара дюжих волов высовывали [Заменено на «высовывая», но исправление не доведено до конца.] свои головы из плетеной стены сарая на улицу, желая доброго дня прохожим и мычали, пережевывая в ленивых мордах своих свежую солому, когда зав<идывали> [встречали] шедшую куму корову или дядю толстого быка. Бородатый козел взбирался на самую крышу и дребезжал оттуда резким голосом, как городничий, дразня выступавших по двору индеек [а. индеек б. метав<шихся> индеек в. высту<павших> индеек] и оборачиваясь задом, если завидывал своих неприятелей, мальчишек, издевавших<ся> над его бородою. [Вместо «мальчишек ~ бородою»: или издевавших над его бородою мальчишек] В сундуках у Чуба водилось много полотна, жупанов и старинных кунтушей с золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. В огороде, кроме маку, капусты, подсолнечник, засевалось еще каждый год две нивы табаку. Всё то имело необыкновенную приятность в ее глазах. Она воображала, какой всё это примет <порядок>, [«порядок» в рукописи пропущено.] когда поступит в ее хозяйство, и удвоивала благосклонность к старому Чубу. А чтобы, каким-нибудь образом, сын ее Вакула не подъехал к его дочери и не успел прибрать к себе всю движимость и недвижимость, в которую наверное не позволил бы мешаться своей матери, она [то она] прибегнула к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек — ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом [с своим сыном] Такие тонкости ее и сметливый ум были виною, что кое-где начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали [а. выпили б. хватили] где-нибудь на веселой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма, что парубок Товченко видел у ней точно сзади хвост, что она еще в позапрошлый четверг черною собакою перебежала дорогу, что к попадье прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку [Далее было: а. села, и севши на скамейку начала уже набивать трубку, желая осквернить хату каким скверным зельем, но попадья [прогн<ала>] перекрестилась, и ее уже не было б. Именитые козаки маха<ли>] и убежала назад. Случилось, что тогда, когда старушки толковали об этом, пришел как-то [Далее было: к ним] коровий пастух Тymoш Коростявый. Он не преминул рассказать, как [что] летом перед самою Петровкою, когда он лег спать в клеву, [Далее начато: видел] подмостил и солому под голову я

трубку закурил, [Вместо «лег ~ закурил»: спал в хлеву] видел собственными глазами, как <ведьма>] «ведьма» в рукописи пропущено.] с распущенною косою, в одной рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевелинуться — так был околдован; подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он [Далее начато: целый] плевал после того целый день. Но всё это что-то сомнительно, потому что один только сорочинский заседатель может увидеть ведьму. Именитые козаки махали руками, когда слышали такие рассказы. «Брешут, сучи бабы!» бывал обыкновенный ответ их. [Вместо «Именитые козаки ~ их»: И потому все эти толки были пренебрегаемы именитыми козаками. Вся фраза в обоих вариантах вписана позже.]

Вылезши из печки и оправившись, Солоха, как добрая хозяйка, начала убирать [прибирать] и ставить всё к своему месту [Далее было: в хате] но мешков не тронула: это Вакула принес, пусть же сам и вынесет [«но мешков ~ вынесет» вписано позже.] Чорт, между тем, когда еще влетал в трубу и въехал Солохе на шею, как-то нечаянно оборотившись, увидел Чуба, об руку с кумом, [Далее было: отшедших] уж далеко от избы. Вмиг вылетел он из печки, перебежал им дорогу и начал разрывать со всех сторон кучи замерзшего снега. Поднялась мятель. В воздухе забелело. Снег метался взад и вперед сеткою и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам. А чорт улетел снова в трубу [Далее было: к Солохе] в твердой уверенности, что Чуб [козаки] возвратится вместе с кумом назад, застанет кузнеца и наверное отпотчивает его так, что он не будет в силах взять в руки кисть и малевать обидные карикатуры. [Вместо «застанет ~ карикатуры»: а. и отпотчивает поряд<ком> б. застанет кузнеца и наверное отпотчивает его так, что он долго будет не в состоянии взять в руки кисть, чтобы малевать карикатуры]

В самом деле, едва только поднялась мятель, и ветер стал резать глаза, как Чуб [Вместо «как Чуб»: Чуб] уже изъявил раскаяние побранками и угощал ими щедро себя, чорта и кума, наглобучивая глубже на голову капелюхи [Вместо «изъявил ~ капелюхи»; а. изъявил раскаяние побранками, которыми он б. изъявил раскаяние побранками и надглобучивая] Впрочем, эта досада была притворная. Чуб очень рад был поднявшейся мятели. До дьяка еще оставалось в восемь раз больше того расстояния, которое они прошли. Путешественники повернулись назад. Ветер дул в затылок, но сквозь метущий снег ничего не было видно.

«Стой, кум, мы, кажется, не туда идем», сказал, немного отошедши Чуб: «я не вижу ни одной хаты. Эх, какая мятель! Свороти-ка ты, кум,

немного в сторону, — не найдешь ли дороги, а я тем временем поищу здесь [Вместо „Эх, какая мятель ~ поищу здесь“: а отойди-ка ты немного в сторону, не найдешь ли дороги, а я тем временем по<ищу>] Дернет же нечистая сила потаскаться по такой вьюге. Не забудь [Не забудь же] закричать, когда найдешь дорогу. [Далее начато: Эк сатана] Эк, какую кучу снега напустил в очи сатана».

Дороги, однако ж, не было видно. Кум, отошедши в сторону, бродил в длинных сапогах взад и вперед и наконец, набрел прямо на шинок. Эта находка так его обрадовала, что <он> позабыл всё и, стряхнувши с себя снег, вошел в сени, нимало не беспокоясь об оставшемся на улице куме. Чубу показалось между тем, что он нашел дорогу; остановившись, принялся он кричать во всё горло, но, видя, что кум не является, решил итти сам. Немного пройдя, увидел он свою хату. Сугробы снегу лежали около нее и на крыше. Хлопая [Хлопая руками] намерзнувшими на холоде руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть дверь. «Чего тебе тут нужно?» закричал сурово вышедший кузнец. Чуб отступил, узнавши голос кузнеца [«узнавши голос кузнеца» вписано.] несколько назад. «Э, нет, это не моя хата», говорил он про себя: «в мою хату не забредет кузнец [„в мою ~ кузнец“ вписано.] Опять же, если присмотреться хорошо, то и не Кузнецова. Чья б это была хата? Вот на! не распознал! Это хата хромого Левченка, который недавно женился на молодой жене. У него одного только хата похожа на мою. То-то мне показалось и сначала немного чудно, что так скоро пришел к своей хате. Однако ж Левченко сидит теперь у дьяка, это я знаю. Зачем же кузнец... Эге ге ге! он ходит к его молодой жене. Вот как! хорошо!.. теперь я всё понял».

«Кто ты такой и зачем таскаешься под дверями?» произнес кузнец суровее прежнего и подойдя ближе.

«Нет, не скажу ему, кто я [своего имени]», подумал Чуб: «чего доброго, еще приколотит, проклятый выродок». И, переменив голос, отвечал: «Это я, человек добрый! пришел поколядовать вам на забаву немного под окнами».

«Убирайся к чорту с своими колядками!» сердито закричал Вакула. «Что ж ты стоишь [не ид<ешь>]? слышь! убирайся сейчас [сей же час] вон!»

Чуб сам уже имел это благоразумное намерение, но ему немножко досадно показалось, что принужден слушаться приказаний кузнеца. Казалось, какой-то злой дух толкал его под руку и вынуждал сказать что-нибудь наперекор. [Далее начато: Я пожалуй]

«Что ж ты в самом деле так раскричался [разграбился]!» произнес

Чуб тем же голосом: «Я хочу колядовать, да и полно!»

«Эге! да ты как вижу от слов не уймешься». При сих словах [При этом] Чуб получил такой толчок от тяжелой руки кузнеца, что [Далее начато: принужден был] поневоле попятился назад.

«Да вот это ты, как я вижу, начинаешь уже драться [биться]» произнес отступая немного Чуб.

«Пошел, пошел!» кричал кузнец и наградил Чуба другим толчком.

«Что ж ты!» произнес Чуб таким голосом, в котором изображалась и боль, и досада, и робость [Вместо «таким ~ робость»: полуобожженным и полуроздосадованным и полуструсквшим тоном] «Ты, вот это я вижу, не в шутку дерешься, и еще больно дерешься».

«Пошел, пошел!» закричал кузнец и захлопнул дверь. [Далее начато: Что ж]

«Смотри, как разграбился!» говорил Чуб, оставшись один на улице. «Попробуй, подойди! Вишь какой! Вот большая цыца! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нет, голубчик, я пойду, и пойду прямо до комисара. Ты у меня будешь знать [Далее начато: Что] Я не посмотрю, что ты кузнец и маляр. Однако ж, посмотреть на спину и плечи, я думаю, синие пятна есть. Должно быть, больно поколотил вражий сын. Жаль, что холодно и не хочется скинуть кожуха. Пстой ты, бесовский кузнец, чтоб чорт поколотил и тебя, и твою кузницу, ты у меня напляшешься. Вишь проклятый шибеник! Однако ж шельмовского кузнеца теперь нет дома. Солоха [Далее начато: те<перь>] думаю, сидит одна. Гм. Оно вить недалеко отсюда. Пойти бы. Время теперь такое, что нас никто не застукает. Может, и того будет можно. Больно поколотил, проклятый кузнец!»

Тут Чуб [Вместо «Тут Чуб»: И Чуб отправился в другую сторону] почесав свою спину, отправился в другую сторону. Приятность [Приятность свида<ния>], ожидавшая его впереди, при свидании с Солохою, умаливала немного боль и делала нечувствительным и самый мороз, который трескался по всем улицам, не заглушаемый व्यюжным свистом. По временам на лице его, которого бороду и усы мятель намылила снегом проворнее всякого циркульника, тирански держащего свою жертву за нос [Вместо «свою ~ нос»: за нос свою жертву] показывалась полусладкая мина. Однако ж, если бы снег не крестил взад и вперед воздух, то верно бы можно было увидеть, как Чуб останавливался, почесывал спину, произносил: «больно поколотил проклятый кузнец!» и снова отправлялся в путь.

—

В то время [Во время путешествий] когда проворный фронт с хвостом

и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи, при боку, ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел чрез трубу Солохиной хаты, плавно поднялся по небу. Всё осветилось. Мятели как не бывало. Снег серебряным полем загорелся при месяце и весь обсыпался хрустальными звездами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и девчат показались с мешками. Песни зазвенели и под редкою хатою не толпились колядующие.

Чудно блещет месяц. Трудно рассказать, как хорошо [весе<ло>] потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек [Вместо «между ~ девушек»: а. между кучею девушек б. между кучею смеющихся] и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. Под теплым кожухом тепло; от мороза еще живее горят щеки, а на шалости сам лукавый подталкивает сзади.

Кучи девушек с мешками [с хохотом] вломились в хату Чуба, окружили Оксану, и крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца. Все наперерыв спешили рассказать красавице что-нибудь новое, выгружали [показывали] мешки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать за свои колядки [Далее начато: а. Куз<нец> б. С какою-то завистью глядел кузнец] Красавица, казалось, была в совершенном удовольствии и радости, болтала то с той, то другой и хохотала без умолку. С какой-то досадой и завистью глядел кузнец на такую веселость и на этот раз проклинал колядки, хотя сам бывал от них без ума. «Э, Одарка!» сказала веселая красавица, оборотившись к одной из девушек: «у тебя новые черевики. Ах, какие хорошие! и с золотом!» Тут она невесело наклонила на бок свою голову. «Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который всё тебе покупает, а мне некому достать такие славные черевики» [Вместо «Тут ~ черевики»: а. Как ты счастлива, что у тебя такие хорошие черевики б. Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который тебе покупает такие славные черевики]

«Не тужи, моя ненаглядная Оксана!» подхватил кузнец: «я тебе достану [куплю] такие черевики, каких редкая панночка носит».

«Ты?» сказала скоро [Далее начато: Окс<ана>] и надменно поглядев на него Оксана: «Посмотрю я, где ты достанешь такие черевики, которые я бы могла надеть на свою ногу [Вместо „Посмотрю ~ ногу“: Поглядела бы я, где бы ты достал такие черевики, которые [бы] я надела бы на свою ногу] Разве достанешь те самые, которые царица носит».

«Видишь, каких захотела!» закричала со смехом девичья толпа.

«Да», продолжала смеясь красавица: «будьте все вы свидетельницы. Если кузнец Вакула принесет мне те самые черевички, которые носит царица, то вот мое слово, что выйду тот же час за него замуж». [Далее начато: Сказав это]

Девушки увели с собою капризную красавицу.

«Смейся, смейся!» говорил кузнец, выходя вслед за ними. «Я сам смеюсь над собою! Думаю, и не могу надумать, куда девался ум мой. Она меня не любит, — ну, бог с нею. Будто только на всем свете одна Оксана. Славу богу, есть девушек много хороших и в нашем селе. [Далее было: Нет! полно] Да что Оксана? С нее никогда не будет доброй хозяйки, она только мастерица рядиться. Нет! Полно! Пора перестать ребячиться».

Но [Но тут] в самое то время, когда кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух проносил перед ним смеющийся образ Оксаны, говорившей насмешливо: «Достань, кузнец, черевички царицыны, выйду за тебя замуж». Кровь его волновалась и думы увивались около одной только Оксаны.

Толпы колядующих, парубки особо, девчата особо [«парубки особо, девчата особо» вписано.] спешили из одной улицы в другую. Парубки вдруг, зашедши со всех сторон, окружили толпу девушек. Шум, крик. Один бросал комья снегу [Вместо «Один ~ снегу»: а. Один падал на землю, другой крал б. Один столкнувшись] <другой> вырывал мешок с колбасами и всякою всячиной. Иногда девушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю [Далее начато: Или] Но кузнец шел и ничего не видел и не участвовал в тех веселостях, которые когда-то он более всех любил.

Чорт между тем не на шутку разнежился у Солохи [Симонихи]: целовал ее [целовал у Симонихи] руку с такими ужимками, как заседатель у поповны [у старшей поповны] брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится отвечать его страсти и, как водится, наградить, то он готов на всё: кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло. Солоха была не так жестока, да притом же чорт, как уже и видно всем, действовал с нею заодно. [Далее было: Вообще можно сказать, что Солоха была всегда благосклонна] Она таки любила видеть волочившуюся за собою толпу и редко бывала без компании. Оденется ли в праздник в яркую плахту с китайчатою запаскою, в синюю юбку, на которой нашиты были сзади золотые усы, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже, верно, закашливался и прищуривал невольно в ту сторону свои глаза [Вместо «уже ~ глаза»: а. уже верно наводил яз читаемой им книги б. уже верно

закашливался и наводил свои] Голова гладил усы, заматывал [обвивал] за ухо оселедец и говорил стоявшему возле себя соседу: «эх, добрая баба! Чорт баба!» и к вечеру уже, верно, собирались у какой-нибудь куме. [Далее начато: а. Но у себя Солоха б. Сегодняшний день] Этот вечер Солоха думала провести одна, потому что все именитые обитатели села званы [должны] были на кутю к дьяку. Но всё пошло иначе: чорт только что представил свое требование, как вдруг послышался стук и голос дюжего головы. Солоха побежала отворить дверь, а проворный чорт влез в лежавший мешок. Голова, стряхнув с своих капелюх снег и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что он не пошел к дьяку, потому что поднялась мятель, а увидевши свет в ее хате, завернул к ней, в намерении провести время с нею. Не успел голова это сказать, как в дверь послышался стук и голос дьяка. «Спрячь меня куда-нибудь», шептал [говорил] голова: «мне не хочется теперь встретиться с дьяком». Солоха долго думала, куда спрятать такого плотного гостя, наконец выбрала самый большой мешок с углем, уголь высыпала в кадку, и дюжий голова влез с усами, с головою и с капелюхами в мешок.

Дьяк вошел, [Далее начато: потирая и] покряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто [Вместо «у него ~ никто»: к нему не пришел никто] и что он сердечно рад этому случаю погулять немного у нее, и не побоялся мятели. Тут он подошел к ней ближе, кашлянул, усмехнулся и дотронулся своими длинными пальцами [перстами] ее обнаженной, полной руки и произнес с таким видом, в котором [Далее начато: заме<тно? >] выказывалось и лукавство, и самодовольствие: «А что это у вас, великолепная Солоха?» и, сказавши это, отскочил он несколько назад [Вместо «отскочил он ~ назад»: отскочил ~ далее]

«Как что? Рука, Осип Никифорович», отвечала Солоха.

«Гм! рука! хе, хе!» произнес сердечно довольный своим началом дьяк и прошелся по комнате.

«А что это у вас, дражайшая Солоха?» произнес он с таким же видом, [Вместо «произнес ~ видом»: произнес с таким же видом дьяк] приступив к ней и схватив ее слегка рукою [Вместо «приступив ~ рукою»: приступив к ней и положив свою руку] за шею и таким же порядком отскочив назад.

«Будто не видите, Осип Никифорович!», отвечала Солоха: «шея, а на шее монисто».

«Гм, на шее монисто! Хе, хе!» и дьяк снова прошелся покашливая по комнате.

«А что это у вас, несравненная Солоха...» Неизвестно, к чему теперь притронулся <бы> своими длинными пальцами сладострастный дьяк, как

вдруг послышался в дверь стук и голос козака Чуба.

«Ах, боже мой, стороннее лицо!» закричал в испуге дьяк. «Что теперь, если застанут особу моего звания... Дойдет до отца Кондрата...» Но опасения дьяка были другого рода: он опасался более, чтоб не дошло это до сведения его половины. «Ради бога, добродетельная Солоха», говорил он, дрожа всем телом: «ваша доброта, как говорит писание Луки, глава три [„ваша ~ три“ вписано.] ... Спрячьте меня куда-нибудь!»

Солоха [Далее начато: другой] высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объемистый телом дьяк влез [Далее начато: в] на самое дно мешка, так что сверх его можно было насыпать еще с полмешка угля.

«Здравствуй, Солоха!» сказал, входя в хату, Чуб. «Ты, может, не ожидала меня, а? Правда, не ожидала? [Далее начато: помеш<ал>] Может быть, я помешал?» продолжал Чуб, [Далее начато: принимая на себя] показав на лице своем веселую и значительную мину, которая заранее давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь затейливую шутку. «Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь... Может быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а!» и, восхищенный таким своим замечанием, Чуб засмеялся [Вместо «спрятала ~ засмеялся»: спрятала уже тут! «а?» и Чуб засмеялся [внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностью Солохи. «Ну, дай [а. Ну, Солоха, дай теперь б. Ну дай же] выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло от проклятого [так<го>] морозу. Послал же бог такую ночь перед Рождеством. Как схватилась, слышишь, Солоха, как схватилась... Эк окостенели руки: не расстегну кожуха, как схватилась вьюга...»

«Отвори!» раздался под дверьми голос, сопровождаемый толчком в дверь.

«Стучит кто-то», сказал остановившийся Чуб.

«Отвори!» закричали сильнее прежнего.

«Это кузнец!» закричал остолбенев Чуб. «Слышишь, Солоха, [Далее начато: де<вай>] куда хочешь девай меня; я ни за что на свете [ни за какие деньги] не захочу показаться этому выродку проклятому, чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обеими глазами по пузырю в копну величиною» [величиною в копну]. Солоха, испугавшись сама, металась, как угорелая, и, позабывшись, дала знак Чубу [Вместо «металась ~ Чубу» начато: а. и будучи б. встревожившись в. металась, как угорелая, я позабывшись указала рукою Чубу] лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дьяк. Бедный дьяк не смел даже изъявить кашлем и кряхтеньем

боли, когда сел ему почти на голову тяжелый мужик и поместил свои намерзнувшие на морозе сапоги по обеим сторонам его висков.

Кузнец вошел, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Заметно было, что он весьма не в духе. В то самое время, когда Солоха затворяла за ним дверь, кто-то постучался снова. Это был козак Свирбыгуз. Этого уже нельзя было спрятать в мешок, потому что и мешка такого нельзя было найти нигде [для него нигде] Он был погрузнев телом [ростом] самого головы и повыше ростом Чубова кума. И потому Солоха повела его в огород, чтобы выслушать от него всё то, что он хотел ей объявить. [Далее начато: Песни колядующих раздава<лись>] Кузнец рассеянно обглядывал углы своей хаты, вслушиваясь в далеко разносившиеся по селу песни колядующих, наконец остановил глаза на мешках. «Зачем тут лежат эти мешки. Их давно бы пора убрать отсюда, через эту глупую любовь я одурел навеки. Завтра праздник, а в хате до сих пор еще лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу». Тут кузнец присел к огромным мешкам, перевязал их крепче и готовился взвалить себе на плечи. Но заметно было, что его мысли гуляли бог знает где; иначе [потому что иначе] он бы услышал, как зашипел Чуб, когда волоса [его волоса] на голове его прикрутила завязавшая мешок веревка, и дюжий голова начал было икать довольно явственно.

«Неужели не выбьется из ума [Вместо „Неужели ~ из ума“: Неужели не вылезет из головы] моего эта негодна Оксана?» говорил кузнец. «Не хочу думать о ней, а всё думается и, как нарочно, о ней одной [Вместо „думается ~ одной“: думается о ней и о ней одной] только. Отчего это так, что дума против воли лезет в голову. Кой чорт! Мешки стали как будто тяжелее прежнего. Тут, верно, положено еще что-нибудь, кроме угля! Дурень я! Я и позабыл, что теперь мне всё кажется тяжелее. Прежде, бывало, я мог согнуть и разогнуть в одной руке медный пятак и лошадиную подкову, а теперь [Далее начато: я скоро буду от ветру валиться] мешков с углем не подыму. Скоро буду валиться от ветру. Нет!» вскрикнул он, помолчав и ободрившись: «что я за баба. Не дам никому смеяться над собою. Хоть десять таких мешков — все подыму». И бодро взвалил себе на плечи мешки, которых не поднесли бы два дюжих человека. «Взять и этот», продолжал он [Вместо «продолжал он»: сказал кузнец] подымая с полу небольшой мешок, на дне которого лежал, свернувшись, чорт. «Тут, кажется, я положил инструмент свой». [Далее начато: и напевая песню] Сказав это, вышел он, насвистывая песню, из хаты.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни [колядки] хохот и крики. [Далее начато: Толпы девушек пришли из соседних деревень] Толпы толкавшегося на улице народа были увеличены еще пришедшими из соседних деревень. Парубки шалели и бесились вволю. Иногда, между колядками, слышалась какая-нибудь веселая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков. Иногда вдруг кто-нибудь из толпы вместо колядки отпускал [ревел] щедровку и ревел во всё горло:

Щедрык, ведрык,
Дайте вареник,
Грудочку кашки,
Кильце ковбаски. [\[11\]](#)

Хохот награждал затейника. Маленькие окна подымались, и сухощавая рука старухи (которые одни только вместе с степенными отцами [«вместе ~ отцами»] вписано.] оставались в избах) высовывалась [высунувшись] из окошка с колбасою в руках или с куском пирога. [Далее было: и кидали их в подставляемый мешок] Парубки и девчата наперерыв подставляли свои мешки и ловили добычу. Казалось, всю ночь напролет готовы были повеселиться. И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась, и еще белее казался свет месяца от блеску снега. Кузнец остановился с своими мешками. Ему почудился в толпе девушек голос [хохот] и тоненький смех Оксаны. Все жилки в нем вздрогнули. Бросивши на землю мешки, так что находившийся на дне дьяк заохал от ушибу и голова икнул во всё горло, побрел он [он побрел] с маленьким мешком на плечах вместе с толпою парубков, шедших следом за толпою девушек, между которою ему послышался голос Оксаны.

Так! Это она! стоит как <царица> [«царица» в рукописи пропущено.] говорит и блестит черными очами! Ей рассказывает что-то видный парубок, верно, забавное, потому что она смеется. Но она всегда смеется. Как будто невольно и сам не понимая как, протерся кузнец сквозь толпу и стал около нее.

«А, Вакула, ты тут. Здравствуй!» сказала красавица с той же самой <усмешкой> [«усмешкой» в рукописи пропущено.] которая чуть не сводила с ума Вакулу. «Ну, много наколядовал», продолжала она: «Э, да какой малинькой мешок! А черевики, которые носит царица достал? Достань черевики, выду за тебя замуж...» и, засмеявшись, ушла вместе с толпою девушек.

Как вкопанный, стоял кузнец на одном месте. «Нет, не могу; нет сил больше...» сказал он наконец. «Но, боже ты мой, что за смех! Отчего она так прекрасна. Ее взгляд и речи так и жгут... Нет, не в мочь уже [Вместо „не в мочь уже“; не в силах] пересилить себя. Пора положить конец всему. Пропадай душа. Пойду утоплюсь и поминай как звали». Тут решительным шагом пошел он вперед, догнал толпу девчат, поровнялся с Оксаною и сказал твердым голосом: «Прощай, Оксана. Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь, а меня не увидишь уже больше на этом свете». Красавица казалась удивленною, хотела что-то сказать, но кузнец махнул рукой и убежал.

«Куда, Вакула?» кричали парубки, видя бегущего кузнеца. «Прощайте, братцы!» кричал в ответ кузнец. «Даст бог, увидимся на том свете, а на этом уже не [Далее начато: усл<ышите>] гулять нам вместе, прощайте! не поминайте лихом! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе. Свечей к чудотворцу и божией матери, грешен, не обмалевал за мирскими делами. Всё добро, какое найдется [Вместо „Всё ~ найдется“: Всё, что ни найдется] в моей скрыне, на церковь. Прощайте!» Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на плечах. «Он повредился!» говорили парубки. «Пропадшая душа!» [Далее начато: говорили] пробормотала проходящая старуха: «Пойти рассказать, как кузнец утонул».

Вакула [Кузнец] между тем, пробежавши несколько улиц, остановился перевести дух. «Куда я в самом деле бегу?» подумал он: «как будто уже всё пропало. Попробую еще средство: пойду к запорожцу Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и всё сделает, что захочет. Пойду, ведь душе всё же придется пропасть». При этом чорт, который долго лежал без всякого движения, запрыгал в мешке от радости. Но кузнец подумал, что он, зацепив как-нибудь мешок рукою, произвел сам это движение, ударил по мешку дюжим кулаком, и, стряхнувши на плечах, отправился к Пузатому Пацюку.

Этот Пузатый Пацюк был, точно, когда-то запорожцем, но выгнали его, или он сам убежал из Запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет пятнадцать, а может быть и [лет десять или] двадцать, как он жил в Диканьке. Сначала он жил, как настоящий запорожец: ничего не работал; спал три четверти дня; ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом по ведру; впрочем, было где и поместиться, потому что Пацюк, несмотря на то, что был небольшого роста, в ширину был довольно увесист [Вместо «впрочем ~ увесист»: а. впрочем, это [не уди<вительно>] нимало не

удивительно, потому что Пацюк был мало чем толще сорокаведерной бочки б. впрочем ~ был только немного толще сорокаведерной бочки] Притом же шаровары, которые носил он, были так широки, что какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно незаметно [неприметно] и, казалось, винокуренная кадь двигалась по улице. Может быть, это самое подало повод назвать его [Вместо «подало ~ его»: было причиною, что его прозвали] Пузатым [См. относящуюся сюда вставку в «Приписке № 1».] В последнее время его редко видали где-нибудь [на улице] Причиною этому была, может быть, лень, а может быть и то, что пролезать сквозь двери делалось для него с каждым годом труднее. Тогда миряне должны были отправляться к нему сами, если имели нужду.

Кузнец не без робости отворил дверь и увидел Пацюка, сидящего [сидевшего] на полу, по-турецки, перед небольшою кадушкою, на которой стояла миска с галушками [с варениками] Эта миска стояла, как нарочно [как раз] наравне с его ртом. Не подвигаясь [Не двинувши] ни одним пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу [юшку] схватывая [Далее начато: зубами] по временам зубами галушки. «Ну, этот», подумал про себя Вакула: «еще ленивее Чуба: тот, по крайней мере, ест ложкою, а этот и руки не хочет поднять». Пацюк, видно, крепко был занят галушками, потому что, казалось, совсем не заметил прихода кузнеца, который, ступивши [едва ступивши] на порог, отвесил ему пренизкий поклон.

«Я к [у] твоей милости пришел, Пацюк!» сказал Вакула, отвечивая снова поклон.

Толстый Пацюк поднял немного голову, взглянул и снова начал хлебать галушки.

«Ты, говорят, не во гнев будь сказано...» сказал, собираясь с духом, кузнец: «я веду об этом речь не для <того>, чтобы тебе нанести какую обиду, — приходишься с родни [немного с родни] чорту».

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумал, что выразился всё еще напрямик и мало смягчил крепкие слова, и ожидая, что Пацюк, схвативши кадушку вместе с мискою, пошлет ему прямо в голову, отсторонился немного и закрылся рукавом, чтобы горячая жижа с галушек не обрызгала ему лица.

Но Пацюк взглянул и снова начал хлебать галушки.

Ободренный кузнец решился продолжать: «К тебе пришел, Пацюк. Дай боже тебе всего, добра всякого в довольстве, хлеба в [Далее было: порядочной] пропорции» [Вместо «всего ~ в пропорций»: всякого довольствия] (Кузнец иногда умел ввернуть модное слово: в том он

понаторел в бытность еще в Полтаве [Вместо «в ~ Полтаве»: когда был в Полтаве] когда размалевывал сотнику досчатый забор.) «Пропадать приходится мне, грешному! Ничто [Никто] не поможет мне на свете. Что будет, то будет. Пришел просить помощи у самого чорта. Что ж, Пацюк?» произнес кузнец, видя всё то же молчание [молчание Пацюка]: «Как мне быть?»

«Когда нужно [нужда] чорта, то и ступай к чорту!» отвечал Пацюк, не подымая на него глаз и продолжая хлебать галушки.

«Для того-то я и пришел к тебе», отвечал кузнец, отвешивая поклон: «кроме тебя, думаю, никто на свете не знает к нему дороги».

Пацюк ни слова и выхлебывал остальные галушки.

«Сделай милость, человек добрый, не откажи!» наступал кузнец. «Свинины ли, колбас, муки гречневой, [Далее начато: полотен<ца>] ну, полотенца, пшена или иного прочего, в случае потребности... Как обыкновенно меж добрыми людьми водится... Не поскупимся. Расскажи, хоть [Далее начато: прим<ерно>] как, примерно сказать, попасть на дорогу к нему?»

«Тому не нужно далеко ходить, у кого чорт за плечами», произнес равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.

Вакула уставил в него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. «Что он говорит?» безмолвно спрашивала его мина, а полуотверстый рот готовился проглотить, как галушку, первое слово. Но Пацюк молчал. Тут заметил Вакула, что ни галушек, ни кадушки не стояло перед ним; [Далее начато: в деревянной миске вареники] но вместо того на полу стояли две деревянные миски: [Далее начато: в] одна была наполнена варениками, другая сметаною. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотрим», говорил он сам себе: «как будет есть Пацюк вареники. Наклоняться он, верно, не захочет, чтобы хлебать, как галушки, да и нельзя: нужно вареник сперва обмокнуть в сметану». Только что это успел подумать он, Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлепнулся [шлепнул] в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал Пацюк труд жевать и проглатывать. «Вишь, какое диво!» подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот и вымазал губы сметаною. Оттолкнувши вареник и вытерши губы, кузнец стал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила, замечая [присовокуп<ив>] при том, что

один только Пацюк может помочь ему.

«Поклонюсь ему еще, пусть растолкует хорошенько... Однако что за чорт! Ведь сегодня голодная кутя, а он ест вареники, вареники скоромные. Что я, в самом деле, за дурак: стою тут и греха набираюсь! Назад!..» и набожный кузнец опрометью выбежал из хаты. [Далее начато: Тут]

Однако ж чорт, сидевший в мешке и заране уже радовавшийся, [Далее начато: что кузн<ец>] не мог вытерпеть, чтобы [Далее начато: из] ушла из рук его такая добыча. Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел по обыкновению своему верхом ему на шею.

Кузнец испугался и уже хотел перекреститься, но [как] чорт, нагнувши свою собачью морду [Вместо «нагнувши ~ свою собачью морду»: а. нагнувшись на ухо начал б. склонивши в. нагнувши свою собачью морду шептал] «не бойся, это я, твой друг», шептал ему на правое ухо: «всё сделаю [Далее начато: на правое] для товарища и друга. Денег дам, сколько хочешь», пискнул ему в левое ухо. «Оксана будет сегодня же [завт<ра>] наша», шепнул он, заворотивши морду снова на правое ухо. Кузнец минуту стоял неподвижно как бы размышляя. «Изволь», сказал он наконец: «за такую цену готов быть навеки твоим. Только если будешь мешкать, то не прогневайся...» Чорт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. «Теперь-то попался [Далее начато: ты ко мне] кузнец!» думал он про себя: «теперь-то вымещу я на тебе, голубчик, все твои малеванья <и> небылицы, возводимые на чертей. Что теперь скажут мои товарищи, когда узнают, что самый набожнейший из всего села человек в моих руках». Тут чорт засмеялся от радости, вспомнив, как будет дразнить в аде всё хвостатое племя, как будет беситься хромым чорт, считавшийся между ними первым хитрецом и остряком [«хитрецом л остряком» не вычеркнуто, возможно, случайно.] на выдумки.

«Ну, Вакула!» продолжал он, всё так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, что<б> он не убежал [Далее начато: когда] «Ты знаешь, что без контракту ничего не делают».

«Я готов», сказал кузнец. «У вас, я слышал, расписываются кровью, постой же, я достану в кармане гвоздь». Тут он заложил назад руку и хватить чорта за хвост.

«Вишь, какой шутник [затейник]», закричал, смеясь, чорт: «ну, полно, довольно уже шалеть».

«Постой, голубчик!» закричал кузнец. «А вот это невкусно тебе покажется?» При сем слове [Далее начато: кузн<ец>] сотворил он правою рукою над собою крест и чорт притих и сделался так смирен, как ягненок. «Постой же», продолжал [говорил] он, стаскивая его [Далее начато: с шеи]

своей] за хвост на землю: «будешь ты у меня знать подучать на грехи добрых людей и честных христиан». Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знаменья.

«Помилуй, Вакула!» жалобно простонал чорт: «скажи, всё, что тебе нужно, всё сделаю, отпусти только душу на покаянье: не клади на меня страшного креста...»

«А! вот каким голосом запел, собачье отродье! Теперь я знаю, что мне делать. Вези меня сей же час на себе, слышишь, да несись, как птица...»

«Куда?» произнес горестный чорт.

«В Петембург, прямо к царице». И кузнец обомлел от страха, почувствовав [увидя] себя поднимающимся на воздух.

—
Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца. Уже внутри ее что-то говорило, что она слишком жестоко поступила с ним. «Что, если он в самом деле решится на что-нибудь страшное. Чего доброго, может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и с досады станет называть ее первою красавицею на селе. Но нет, он меня любит. Я так хороша! Он меня ни за что не променяет. Он шалит, прикидывается. Не пройдет минут десять, как он, верно, придет поглядеть на меня. Я, в самом деле, сурова, нужно ему дать, как будто нехотя, поцеловать себя. То-то он обрадуется!» И ветренная красавица уже шутила с своими подругами.

«Постойте», закричала одна из них: «кузнец позабыл [оставил здесь] мешки свои: смотрите, какие страшные мешки. Он не по-нашему наколядовал. Я думаю, сюда по целой четверти барана кидали, а колбасам и хлебам, верно, счету нет. Роскошь! целые праздники можно объедаться».

«Это Кузнецовы мешки?» подхватила Оксана: «утащим же скорее их хоть ко мне в хату и разглядим хорошенько, что он тут накла! [Вместо „он ~ накла“: тут накла кузнец]» Все со смехом одобрили такое предложение.

«Но мы не поднимем их», закричала вся толпа вдруг, силясь сдвинуть мешки.

«Постойте», сказала Оксана: «побежим скорее за санками и отвезем на санках».

И вся толпа побежала за санками [Вместо «И вся толпа ~ санками»: И все девушки быстро разбежались] а через несколько минут возвратилась. Но уже одного мешка не было. «Нечего делать, возьмем один», говорила Оксана: «довольно с нас будет и сего [и этого. Далее начато: Чуб слышал]». Оставшийся мешок был тот самый, в котором сидел Чуб [Вместо «сидел Чуб»: Чуб сидел] верхом на дьяке. Обeim пленникам сильно прискучило сидеть в мешке, несмотря на то, что дьяк проткнул для себя пальцем в

мешке порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, может быть, он нашел бы средство и вылезть; но вылезть из мешка при всех, показать себя на смех... это удерживало его, и он решился ждать, слегка только покряхтывая [Далее начато: когда] под невежливыми сапогами Чуба. Чуб сам не менее желал свободы, чувствуя, что под ним лежит что-то такое, на котором [«что ~ на котором» зачеркнуто, но не заменено.] сидеть было страх неловко. Но как скоро услышал [Вместо «Но ~ услышал»: Но услышав] решение своей дочери, успокоился и не хотел уже вылезть, рассуждая, что к хате [к дому] своей нужно пройти, по крайней мере, шагов с сотню, а может быть и другую [Далее начато: пусть же лучше довезут девчата]; вылезши же, нужно оправиться, застегнуть кожух, да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше девчата довезут на санках.

Но случилось совсем не так, как ожидал Чуб. В то время, когда девчата убежали за санками, худощавый кум выходил из шинка расстроенный и не в духе. Шинкарка никаким образом не решалась более верить ему в долг. Он решился было дожидаться в шинке, авось либо не придет какой-нибудь набожный дворянин и не попотчивает его. Но, как нарочно, все дворяне оставались дома [Вместо «оставались дома»: вмели столько благочестия, что решились остаться дома] и, как честные христиане, ели кутю посреди своих домашних. Размышляя о развращении нравов, о железном [жест<оком>] сердце жидовки, продающей вино, кум набрел на мешки и остановился перед ними в изумлении. [Далее начато: Посмотревши вокруг и видя, что никого нет] «Вишь, какие мешки кто-то бросил посередине дороги!» сказал он, осматриваясь по сторонам. «Должно быть, тут и свинина есть. Полезло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины. Экие страшные мешки! Положим, что они [они были] набиты [Вместо „что ~ набиты“ начато: хоть бы тут] гречаниками, коржами, и то добре. Хотя бы были тут одни паляницы, и то в шмак. Жидовка дает за каждую паляницу осьмуху водки. Утащить скорее, чтобы кто не увидел».

Тут взвалил он себе на плечи мешок с Чубом и дьяком, но почувствовал, что слишком тяжел [Вместо «почувствовал ~ тяжел»: а. увидел, что б. почувствовал, что тяжел] «Нет, одному будет тяжело несть» [Вместо «Нет ~ несть»: Э, да я не поднесу] проговорил он [Далее было: и увидел прямо шедшего к нему ткача] «А вот, как нарочно, идет ткач Шапуваленко. Здравствуй, Остап!»

«Здравствуй», сказал, остановившись, ткач.

«Куда идешь?»

«А так, иду, куда ноги идут».

«Помоги, человек добрый, мешки снести. Кто-то колядовал, да и кинул

посередине дороги. Добром поделимся пополам».

«Мешки! а с чем мешки, с книжками или паляницами?»

«Всего есть».

Тут выдернули они наскоро из плетня палки, положили мешок на двух палках и понесли на плечах.

«Куда ж мы понесем его? в шинок?» спросил дорожноу ткач.

«Да оно бы и я так думал, чтобы в шинок [Далее начато: сказал] да ведь проклятая жидовка не поверит, подумает еще, что где-нибудь украли. Я только что был в шинке сам. Мы понесем его в мою хату. Нам никто не мешает: жинки нет дома». [Далее начато: Гляди чтобы]

«Да точно ли ее нет дома?» спросил осторожный ткач.

«Слава богу! Мы [я] не совсем таки без ума», отвечал кум. «Чорт разве один только принес бы домой мешок, когда жена дома. Она протаскается с бабами до света».

«Кто там?» закричала кумова жена [Далее начато: отворяя дверь хаты] услыша шум в сенях, произведенный приходом двух [наших] приятелей с мешком, и отворяя дверь хаты.

Кум ошолбенел.

«Вот тебе на!» произнес ткач, спустя руки.

Кумова жена была такого роду сокровище, каких, верно, немного на свете. Так же, как и муж, она никогда почти не сидела дома и весь почти день пресмыкалась у кумушек, у зажиточных старух, хвалила и ела с большим аппетитом и дралась только по утрам с своим мужем, потому что в это только время и видала его иногда. Хата их [ее] была в десять раз старее шаровар волостного писаря. Крыша в некоторых местах была без соломы. Плетня видны были только одни остатки, потому что всякой, выходивший из дому, никогда не брал палки для собак, в надежде, что будет проходить мимо кумова огорода и выдернет любую из его плетня. Печь не топилась дня по три. Всё, что ни запрашивала нежная супруга у добрых людей, прятала как можно подальше от своего мужа [Далее начато: а иногда даже делала нападение на кума] и часто самоуправно отнимала у него добычу, если только не успевал ее пропить в шинке. Кум, с своей стороны, тоже не поддавался и оттого почти всегда уходил из дому с фонарем под глазом, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старухам о негодности и бесчинстве своего мужа.

Теперь можно себе представить, как были озадачены ткач и кум таким неожиданным явлением. Опустивши мешок, они заступили его собою и закрыли полами, но уже было поздно. Кумова жена, хотя и дурно видала старыми глазами, однако ж мешок заметила. «Вот это хорошо!» сказала она

с таким видом, на котором пробивалась радость ястреба: «Это хорошо, что наколядовали столько. Вот так всегда делают добрые люди, только нет, я думаю, где-нибудь подцепили. Покажите мне сей час, слышите, покажите сей же час мешок [мне мешок] ваш!»

«Лысый чорт тебе покажет, а не мы», сказал, приосанясь, кум.

«Тебе какое дело?» сказал ткач. «Мы наколядовали, а не ты».

«Нет, ты мне покажешь, негодный пьяница!» вскричала жена, ударив высокого кума кулаком под подбородок и продираясь к мешкам. Но ткач и кум [Вместо «Но ~ кум»: Ткач и кум однако ж] мужественно отстояли мешок и заставили ее попятиться назад. Но не успели они оправиться, как супруга [она] выбежала в сени уже с кочергой и лопатою в руках. Проворнохватила мужа лопатою, ткача кочергою и уже стояла возле мешка.

«Что мы допустили ее?» сказал ткач, очнувшись.

«Э, что допустили! а отчего ты допустил!» сказал хладнокровно кум.

«У вас кочерга, видно, железная!» сказал ткач, почесывая спину. «Моя жинка купила прошлый год [недавно] на ярмарке кочергу, дала пивкопы: та ничего... не больно...» [Далее начато: В продолжении]

Между тем торжествующая супруга [жинка] поставив на пол каганец, развязала мешок и заглянула в него. Но, верно, старые глаза ее, которые так хорошо увидели мешок, на этот раз ее обманули, [Далее начато: потому что] на лице ее блеснула радость. «Э, да тут лежит целый кабан», вскрикнула она.

«Кабан! слышишь, целый кабан!» толкал ткач кума, разинувши рот. «А всё ты виноват!»

«Что ж делать!» произнес, пожимая плечами, кум. [Далее начато: Отнимем] «Как что? Чего мы стоим? Отнимем мешок! Ну, приступай!»

«Пошла прочь! Пошла! Это наш кабан!» кричал, выступая, ткач [В рукописи ошибочно: дьяк [.

«Ступай, ступай, чортова баба, это не твое добро!» говорил, приближаясь, кум.

Супруга принялась снова за кочергу и лопату, но Чуб в это время вылез из мешка и стал посреди сеней, потягиваясь, как человек, только что пробудившийся от долгого сна.

Кумова жена вскрикнула и всплеснула руками. Все разинули рты.

«Что ж она, дура, говорит: кабан! Это не кабан!» сказал кум, выпучив глаза.

«Вишь, какого человека что-то вкинуло в мешок!» сказал ткач, пятась от испугу. «Да ведь он не пролезет в окошко». «Да это кум!» вскрикнул, взглядевшись, кум.

«А ты думал кто?» сказал Чуб, усмехаясь [Вместо «Чуб, усмехаясь»: усмехаясь, Чуб] «Что, славную я выкинул над вами штуку? А вы, небось, меня хотели съесть вместо кабана? Пойдите же, я вас пораду: в мешке лежит еще что-то, если не кабан, то наверно поросенок. Я чувствовал, как подо мною что-то ворочалось».

Ткач и кум кинулись к мешку, хозяйка дома уцепилась [уцепилась и себе] с противной стороны, и драка возобновилась бы снова, если бы сам дьяк, увидевши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался из мешка.

Кумова жена, остолбенев, выпустила из рук ногу, за которую начала было тянуть из мешка дьяка.

Кум свистнул [посвистел] от изумления носом.

«Вот и другой еще!» вскрикнул [произнес] со страхом ткач: «Чорт знает, как стало на свете... голова идет кругом... [Далее начато: вместо кнышей] людей кидают в мешки вместо колбас и паляниц!»

«Это дьяк!» произнес [вскрикнул] изумившийся более всех Чуб. «Вот тебе на! ай да Солоха! Посадить в мешок... То-то я гляжу, у нее полная хата мешков... Теперь я всё знаю: у нее в каждом мешке сидело по два человека. А я думал, что она мне только одному... Вот тебе и Солоха!»

«Чудная история», произнес кум, насвистывая носом.

—

Девушки немного удивились, не найдя одного мешка.

«Нечего делать, будет с нас и этого [одного]», лепетала [говорила] Оксана. Все принялись за мешок и взвалили его на санки, Голова решил молчать, рассуждая: если он закричит, чтобы его выпустили и развязали мешок, — глупые девчата резбегутся [Вместо «рассуждая ~ разбегутся»: а. и имел на то причину, думает: закричу, глупые девч<ата> б. рассуждая, если он закричит, развяжите] додумают, что в мешке сидит дьявол, и он останется на улице [сидеть в мешке] может быть до завтра.

Девушки, между тем, дружно взявшись за руки, полетели, как вихорь, с санками по пушистому снегу. Множество, шая, садилось [а. село б. взбиралось] на санки; другие взбирались даже на самого голову. Голова решил сносить всё. Наконец приехали, отворили настежь двери в сенях и хате и с хохотом втащили мешок. «Посмотрим, что-то лежит тут», закричали все, бросившись развязывать. Тут икотка, которая не переставала мучить голову во всё время сидения в мешке, так усилилась, что он [голова] начал икать и кашлять во всё горло.

«Ах! Тут сидит кто-то!» закричали все и в испуге [у<жасе>] бросились опреть в двери.

«Что за чорт, куда вы мечетесь, как угорелые?» сказал, входя в дверь, Чуб.

«Ах, батько!» произнесла Оксана: «в мешке сидит кто-то».

«В мешке? где вы взяли этот мешок?»

«Кузнец бросил [оставил] его посередине дороги», отвечали все вдруг [Вместо «отвечали все вдруг»: отвечала одна. Далее начато: Чего ж]

«Ну, так не говорил ли я», подумал про себя Чуб.

«Чего ж вы перепугались, посмотрим [ну, посмотрим] А ну-ка, чоловіче! прошу не погневиться, что не называем по имени и отчеству, вылезай из мешка!»

Голова вылез.

«Ах!» вскрикнули девушки.

«И голова влез туда ж», говорил про себя Чуб, отступая в изумлении и меряя его с головы до ног. «Вишь как!.. Э!..» Более он ничего не мог сказать.

Голова сам был не меньше смущен и не знал, что начать. «Должно быть, на дворе холодно?», сказал он, обращаясь к Чубу.

«Морозец есть», отвечал Чуб. «А позволь спросить себя: [Далее начато: „как ты залез в этот мешок?“], хотел сказать [Чуб] он, но сам не зная] чем ты смазываешь свои сапоги, смальцем или дегтем?» Он хотел не то сказать, он хотел спросить: как ты [Вместо «Он ~ как ты»: а. именно: отчего б. он хотел спросить, каким] голова, залез в этот мешок. Но сам не понимал, как выговорил совершенно другое.

«Дегтем лучше!» сказал голова. «Ну, прощай, Чуб!» И, наглобучив капелюхи, вышел из хаты.

«Чего я спросил его сдуру, чем он мажет сапоги!» произнес Чуб, поглядывая на двери, в которые вышел голова. «Ай да Солоха! Эдакого человека засадить в мешок... Вишь, чортова баба... А я дурак [Далее начато: а подайте] ... да где же мешок?»

«Я кинула его в угол, там больше ничего нет», сказала Оксана.

«Знаю я [Я знаю] эти штуки. Подайте его сюда: там еще один сидит! Страхните его хорошенько! Что? нет! Вишь, проклятая баба!.. А поглядеть на нее, как будто святая, как будто и скромного никогда не брала в рот...»

Но оставим Чуба изливать на досуге свою досаду и обратимся к кузнецу, потому что уже не рано.

Сначала страшно показалось Вакуле, особливо когда поднялся он от земли на такую вышину, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел, как муха, под самым месяцем, так что, если бы не наклонился немного, то

может быть зацепил бы его шапкою. Немного спустя, он ободрился и уже начинал подшучивать над чортом. Его забавляло до крайности, как чорт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а чорт, думая, что его собираются крестить, летел еще быстрее. Всё было светло в вышине. Воздух, в легком серебряном тумане, был прозрачен [Вместо «Воздух ~ прозрачен»: Легкий серебряный туман был прозрачен.] даже можно было заметить, как в стороне скакала [Вместо «в стороне скакала»: далеко в стороне ехала [ведьма верхом на упыре. [Дальнейшую переработку этого места см. в «Приписке № 2»]

Наконец заблестел и Петербург. Чорт вихрем перелетел через шлахбаум и очутился в улице. [Далее было: а. Тут рассудил он по городу неприлично б. Тут рассудил он будут бегать за ним мальчишки по всем улицам] Тут чорт решил, чтобы на всякой случай не бегали за ним мальчишки по улицам, превратиться в коня. Бедный кузнец испугался, когда въехал в середину города [Вместо «в середину города» одну из многолюдных улиц] Да и кому бы не чудно показалось [Вместо «Да ~ показалось»: Да и кому не чудно покажется] впервой очнуться в улице, заставленной четырехэтажными стенами, когда малейший стук копыт коня отзывается громом и отдается несколько раз. Когда дома растут и будто подымаются из земли на каждом шагу. Когда чудный город весь гремит и блещет, мосты дрожат, кареты летают взад и вперед, [Далее было: фонари и плошки — всё горит, всё в огне] фореиторы и извозчики кричат. Пешеходы теснятся под домами, унизанными площадками и огромные тени их мелькают [ходят] по стенам, досягая головою труб [крыш]

С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные огненные очи и глядят. Господ, в крытых сукном шубах, он увидел так много [Вместо «Господ ~ так много»: Столько панов он друг увидел в крытых сукном шубах] что не знал, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько панства [чиновничества] тут», подумал кузнец. «Я думаю, каждый, кто ни пройдет по улице в шубе, то и заседатель, то и заседатель, а те, что катаются в таких чудных бричках с стеклами [Вместо „с стеклами“: а. похожих больше на дома б. похожих больше на избы, то] те, когда не городничие, то, верно, комисары, а может еще и больше». Его слова прерваны были вопросом чорта: «Прямо ли к царице ехать?» — «Нет, страшно», подумал кузнец. Тут, где-то, я не знаю, пристали запорожцы, которые проезжали осенью чрез Ярески. Они ехали из Сечи с бумагами к царице; всё бы таки посоветоваться с ними. «Эй, сатана, полезай ко мне в карман да води к запорожцам!» И чорт в одну

минуту похудел [похудел так] и сделался таким маленьким, что без труда влез к нему в карман, а Вакула не успел оглянуться [очнуться] как очутился перед большим домом, вошел сам не зная как на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от блеску [Вместо «Эй, сатана ~ блеску»: «Эй, сатана, вези меня к запорожцам!»] Конь поскакал из улицы в улицу и остановился перед одним домом. «Что, разве тут они живут, вишь какие хоромы! Куда ж итти» — [«Так прямо в двери и ступай» отвечал чорт]. «Ступай в окно, я и сам не пойму, в которые двери». — «Постой, куда!» сказал кузнец, видя, что конь его не постоит на месте и ухватил его за хвост. «Ступай в карман, нечистое животное». Чорт вдруг стал не больше анбарной крысы и влез в карман. «Теперь куда?» — «По лестнице прямо», пропищал чорт. Кузнец вошел, отворил дверь и увидел запорожцев, сидевших на шелковых диванах, поджавши под себя [ноги] [сапоги] намазанные дегтем сапоги и куривших [люльки] самый крепкий табак, называемый обыкновенно корешками.]

«Здравствуйте, панове! помогай бог вам! Вот где увиделись!» сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли.

«Что там за человек?» спросил сидевший перед самым кузнецом другого, сидевшего [бывшего] гораздо подальше.

«А вы не poznали?» вскричал кузнец. «Это я, Вакула, кузнец. Когда проезжали осенью через Диканьку, то прогостили, дай боже вам всякого здоровья и долголетия, у меня без малого два дни. И новую шину тогда поставил на переднее колесо у вашей кибитки».

«А!» сказал тот же запорожец: «это тот самый кузнец, который малует важно. Здорово, земляк, садись!»

«Спасибо вам, добрые люди, я и постою: нашему ли брату садиться [Вместо „нашему ли ~ садиться“: куда ж нашему брату сесть] на такое украшение».

«Садись», сказал повелительно запорожец: [Далее начато: а. Што ж, земляк! б. Зачем] «да и Расскажи, зачем тебя бог принес сюда».

«А так, захотелось поглядеть, все толкуют Петембург, Петембург — дай погляжу что-то за Петембург».

«Што ж, земляк», сказал, приосанясь, запорожец, и желая показать, что он умеет говорить и по-русски. «Тебе [Тебе, думаю] вразумительно сказать, чудно показалось. Што, балшой город?»

Кузнец и себе [сам] не хотел осрамиться, к тому же он, думаю [как все, думаю] уже заметили [Вместо «к тому же ~ заметили»: он, как уже вид<ели>] ниже, знал и сам грамотный язык. «Габерния знатная» отвечал он: «нечего сказать, дома балшущие, [Далее было: Едешь по улице страх

забирает, [чтобы] штобы не обломились на тебя] картины висят сквозь знатные. Многие дома исписаны буквами из сусального золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорция!» [Далее начато: Такое за<мечание>]

Запорожцы, услышавши кузнеца, так свободно изъясняющегося, вывели о нем заключение, очень для него выгодное.

«Продолжительное ли время», подхватил другой запорожец с довольным видом: «ты пробудешь, земляк, в городе? Тут, брат, не так, как у нас на хуторах, правда, не так? Когда хочешь, мы тебя поведем на новый год. Будет машкерад балшой, а теперь нам не время толковать с тобою. Едем сейчас до царицы. Может уже там в сенях и квартальный стоит за нами».

«До царицы! А будьте ласковы, земляки, возьмите и меня с собою!»

«Тебя?» произнес [подх<ватил>] запорожец с таким видом, с каким говорит отец трехлетнему своему сыну, просящему [а. про<сящему> б. напраши<вающимся>] чтобы его посадили на настоящую, на большую лошадь. «Что ты будешь там делать? Нет, не можно». При этом на лице его выразилась значительная усмешка. «Мы, брат [братец] будем с царицею толковать о деле».

«Возьмите!» настаивал кузнец. «Проси!» шепнул он тихо черту, ударив кулаком по карману. Не успел он этого сказать, как другой запорожец проговорил: «Возьмем его, в самом деле, братцы».

«Пожалуй возьмем!» произнесли другие.

«Надевай же платье такое, как и мы».

Кузнец схватился [только что успел] натянуть на себя зеленый жупан, как вдруг [Далее начато: воше<дший>] дверь отворилась и вошедший с позументами человек сказал, что пора ехать [Вместо «Кузнец ~ пора ехать»: Будешь хоть на час запорожцем. А славно быть запорожцем? Правда, славно? Кузнец не заставил дожидать себя, надел наверх своих широкие запорожские шаровары, наверх тулупа надел красный жупан и был готов, как вдруг отворились двери, и вошедшие чиновники доложили, что пора ехать.]

Чудно снова показалось кузнецу, когда понесся он в огромной карете, качаясь на ресорах, когда с обеих сторон [Далее было: улицы] мимо его бежали назад четырехэтажные дома, и мостовая, гремя, казалось, сама катилась [Вместо «гремя ~ катилась»: казалось, гремя катилась сама] под ноги лошадям.

«Боже ты мой, какой свет!» думал про себя кузнец: «у нас днем не бывает так светло».

Кареты остановились перед дворцом. Запорожцы вышли, вступили в великолепные сени мимо часовых и начали подыматься на блистательно освещенную лестницу.

«Что за лестница!» шептал про себя кузнец: «жаль ногами топтать. Экие украшения. Вот, говорят, лгут сказки! Кой чорт лгут! Боже ты мой, что за перила! Какая работа! Тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!» [Далее начато: Запоро<жцы>]

Уже взобравшись на лестницу, запорожцы прошли первую залу. Робко следовал за ними кузнец, опасаясь на каждом шагу подскользнуться на паркете. Прошли три залы, кузнец всё еще [еще всё] не переставал удивляться. Вступивши в четвертую, он невольно подошел к висевшей на стене картине. Это была пречистая дева с младенцем на руках. «Что за картина! Что за чудная живопись!» рассуждал он. [Далее было: Чем больше гляжу, то в больший обман прихожу] «Вот, кажется, говорит! Кажется, живая! А дитя святое! и ручки прижало, и усмехается, бедное! А краски! Боже ты мой! Какие краски! Тут вохры, я думаю, и на копейку <не пошло> [„не пошло“ в рукописи пропущено.] всё ярь да бакан. А голубая так и горит! Важная [Чудная] работа! Должно быть, грунт наведен был самым дорогим блейвасом. Сколь однако ж ни удивительно сие [это] малевание, но эта медная ручка», продолжал он, подходя к двери и щупая замок: «еще большего достойна удивления. Эх, какая чистая выделка! Это всё, я думаю, немецкие кузнецы за самые дорогие цены делали...» Может быть, долго еще бы [Вместо «Может быть долго еще бы»: Неизвестно долго ли бы] рассуждал кузнец, если бы лакей с галунами не толкнул его под, руку и не напомнил, чтобы он не отставал от других. Запорожцы прошли еще две залы и остановились. Тут велено им было дожидаться. Минуту спустя вошел генерал величественного роста, [Далее было: твердым шагом] в лице его не заметно было [не было заметно] того раболепства и робости, которые выражались на лицах прочих придворных. Но взглянув на его открытый, мужественный и сияющий [Далее начато: важ<ностью>] благородною важностью вид, всяк чувствовал поневоле какое-то смущение. Особливо, когда он устремлял свои большие [Далее начато: глаза] исполненные приятности глаза. Привычка повелевать видна была у него во всем. Запорожцы все отвесили поклон до самой земли. «Все ли вы здесь?» спросил генерал. [Позднейшую переработку отрывка «Минуту спустя ~ генерал» см. в «Приписке № 3»]

«Та вси батьку!» отвечали запорожцы, кланяясь снова.

«Не позабудете говорить так, как вас учил?»

«Нет [Ни] батько, не позабудем».

«Это царь?» спросил кузнец одного из запорожцев.

«Куда тебе царь, это еще только Потемкин», отвечал тот.

В другой комнате слышались голоса, и кузнец не знал, куда свои глаза деть [уставить] от множества вошедших дам и придворных в шитых золотом кафтанах. Он только видел один блеск и больше ничего. Запорожцы вдруг все попадали на землю и закричали в один голос: «Помилуй, мамо [Мамо, мамо]! Помилуй, мамо!» Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на земле.

«Встаньте!» прозвучал над ними повелительный и вместе приятный [необыкновенно приятный] голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.

«Не встанем, мамо! не встанем! [не встанем, мамо!] умрем на месте, а не встанем!» кричали запорожцы.

Потемкин кусал себе губы [губы, краснел]; наконец подошел сам и повелительно шепнул на ухо одному из запорожцев. Запорожцы поднялись.

Тут осмелился поднять голову и кузнец и увидел стоявшую перед ним государыню с тем благосклонным величественным [Далее начато: видом] и вместе улыбающимся видом, которым она умела так обворожить всех своих подданных. [См. позднейшую переработку этого и следующего абзаца в «Приписке № 4»]

«Хорошо ли вас содержат» [Далее было: не имеете ли нужды в чем?] сказала она с участием [Вместо «она с участием»: государыня с обыкновенною своею кротостью]

«Та добре, мамо. Головы не велишь снимать с плеч, почему же не жить как-нибудь».

Потемкин снова поморщился, видя, что запорожцы <говорят> [«говорят» в рукописи пропущено.] совершенно не то, чему учил их.

«Если в чем нуждаетесь или недовольны чем», произнесла [говорила] Екатерина: «вы смело говорите мне...» [См. позднейшую переработку этого места в «Приписке № 5»]

«Теперь пора», подумал кузнец и, с робостью вперивши <очи> [«очи» в рукописи пропущено.] на государыню, вдруг повалился на землю [Вместо «вдруг ~ на землю»: а. и разом повалился на землю б. и в робости [устремивши] вперивши глаза на стоявшую перед ним в ожидании Екатерину]

«Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать. Из чего, не во гнев будь сказано вашей царской милости, сделаны черевички [Вместо „сделаны черевички“: черевички] что на ногах ваших? Я думаю, ни один швец, ни в одном государстве на свете, не сумеет так

сделать. Боже ты мой, что, если бы моя жинка надела такие черевички».

Государыня усмехнулась и остановила с любопытством на нем свой взор. Придворные засмеялись. Потемкин и хмурился и улыбался вместе. Запорожцы [Сами запорожцы] начали толкать под руку кузнеца, думая, не с ума ли он сошел.

«Встань!» сказала ласково государыня. «Если тебе [твоей жене] хочется иметь такие башмаки, то это не трудно сделать. Принесите ему сей же час башмаки, самые дорогие, с золотом. Но я однако ж до сих пор думала», продолжала государыня, обращаясь к старейшим запорожцам: «что у вас на Сече не женятся никогда». [«Но я ~ никогда» см. позднейшую переработку этого места в «Приписке № 6»]

«Як же, мамо! ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить», отвечал тот самый запорожец, который разговаривал с кузнецом, и кузнец удивился немного [изумился не мало] слыша, что запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием.

«Хитрый народ!» подумал он сам в себе: «верно, недаром [с каким-нибудь умыслом] он это делает».

«Мы не чернецы», продолжал запорожец: «люди грешные. Падки так, как и все честные люди, до скромного в скромные дни. [Далее начато: Много у нас] Есть у нас немало таких, которые имеют жен, только не живут с ними на Сече, а держут на стороне. Есть такие, что имеют жен в Польше. Есть такие, что имеют жен в Украине. Есть такие, что имеют жен и в Турецине. Вот как, мамо, у нас водится».

Тут поднесли кузнецу башмаки.

«Боже ты мой, что за украшение!» вскрикнул кузнец с радостью, ухватив башмаки. «Ваше царское величество, не велите снимать мечом головы. Что ж, когда [если] башмаки такие на ногах, и в них, чаятельно, ходите и на лед ковзаться, какие [что] ж должны быть самые ножки, думаю, по малой мере, из чистого сахару».

Государыня не могла не улыбнуться, слыша такой чистосердечный комплимент из уст молодого запо<рожца> [Вместо «молодого запорожца»: кузнеца] который в новом [запо<рожском>] своем красном жупане [Далее начато: а. с б. отличался от других] чистым белым воротником своей рубашки разительно отделялся от других запорожцев и мог похвастаться между ними красавцем. [См. переработку этого абзаца в «Приписке № 7»]

Ободренный таким благосклонным вниманием, кузнец уже хотел было расспросить царицу обо всем: правда ли, что цари едят только один мед да сало, и тому подобное; но, почувствовав, что запорожцы толкают его под

бока, решился замолчать, и, когда государыня, обратившись к старикам [к старым запорожцам] начала расспрашивать их, каким образом живут [живут они] у них на Сече, чем занимаются, кузнец, отошедши назад [в середину] нагнулся к карману, сказал тихо: «Выноси меня отсюда скорей!» и вдруг очутился за шлахбаумом.

—
«Утонул, ей богу, утонул! вот, чтобы я не сошла с этого места, если не утонул!» лепетала толстая ткачиха [Вместо «толстая ткачиха»: одна старуха] стоя в куче диканьских баб, посреди улицы.

«Что ж, разве я лгунья какая! Разве я у кого-нибудь корову украла! Разве я сглазила кого, что ко мне не имеют веры?» кричала баба в козацкой свитке, с фиолетовым носом, размахивая руками: «Чтоб [Вот чтоб] мне воды не захотелось пить, если старая Перипердыха не видела собственными глазами, как повесился кузнец».

«Скажи лучше, чтоб тебе водки не захотелось пить, старая пьяница!» отвечала ткачиха. «Нужно быть такой как ты сумашедшей, чтобы повеситься. Он утонул [повесился] Это я так знаю, как то, что ты была сейчас у шинкарки».

«Кузнец утонул, вот тебе на!» сказал голова, шедши [выхо<дивший>] от Чуба, остановился [и остановился, стараясь] протеснился в толпу и разинул рот, чтобы не проронить ни одного слова [«Кузнец ~ слова» приписка на полях.]

«Срамница! вишь, чем стала попрекать!» гневно возразила баба с фиолетовым носом. «Молчала бы, негодница. Разве я не знаю, что к тебе дьяк ходит каждый вечер?»

Ткачиха вспыхнула.

«Что дьяк? к кому дьяк? что ты врешь?» [Далее начато: «Вот тебе и кузнец!» проговорил]

«Дьяк!», пропела [вскрикнула] теснясь к спорившим, дьячиха, в тулупе, крытом синею китайкою, из заячьего меха: «я дам знать дьяка! Кто это говорит — дьяк!»

«А, вот к кому ходит дьяк», сказала баба с фиолетовым носом, указывая на ткачиху.

«Так это ты, сука», сказала дьячиха, подступая к ткачихе: «сманиваешь его к себе. Так это <ты> [„ты“ в рукописи пропущено.] ведьма, напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе!»

«Отвяжись от меня, сатана!» говорила пятясь [крестясь и отс<тупая?>] ткачиха.

«Вишь, проклятая ведьма, чтоб ты не дождала детей своих видеть!

Негодная! Тьфу...» Тут дьячиха плюнула прямо в глаза ткачихе.

Ткачиха хотела и себе плюнуть в лицо дьячихи, но, вместо того, прямо плюнула в рот голове, который, чтобы лучше слышать, протеснился к самим спорившим.

«А! Скверная баба!» закричал голова, вытирая губы [Далее начато: и принявшись] и поднявши кнут. Это движение заставило всех [баб] с ругательством разойтись во все стороны. «Экая мерзость!» повторял, продолжая вытирать губы, голова. «Так кузнец утонул. Боже ты мой, а какой важный живописец был! Какие ножи крепкие, серпы, плуги умел выковывать. Что за сила была! Да», продолжал он, задумавшись: «таких людей мало у нас на селе. То-то я, еще сидя в проклятом мешке, замечал, что он, бедняга, был крепко не в духе. Вот тебе и кузнец! был, а теперь и нет! А я собирался [думал] было подковать свою рябую кобылу...» И, будучи наполнен такими христианскими мыслями, голова тихо побрел к своей хате.

Оксана смутилась, когда до нее дошли такие вести. Она мало верила глазам Перипердчихи и толкам баб: она знала, что кузнец довольно набожен и не решится погубить свою душу [«она знала ~ душу» вписано.] Но что, если кузнец, в самом деле, ушел с намереньем никогда не возвращаться в село. А вряд ли и в другом месте найдется где такой молодец, как кузнец! Он же так любил ее, он долее всех выносил ее капризы... Красавица всю ночь поворачивалась [Далее начато: с одного] под своим одеялом с правого бока на левый, с левого на правый и не могла заснуть] а. заснуть всю б. заснуть через всю ночь] То, разметавшись [разметавши свои покровы, лежала] в обворожительной наготе, которую ночной мрак скрывал даже от нее самой, она почти вслух досадовала и шопотом бранила себя, то, приутихнув, решалась ни об чем не думать [Вместо: «решалась ~ думать» начато: а. думала заснуть б. хотела] и всё думала, и вся горела, и к утру влюбилась по уши в кузнеца.

Чуб не изъявил ни радости, ни печали об участи жениха. [Далее было: он всё еще не мог опомниться] Его мысли заняты были одним: он никак не мог позабыть такого вероломства Солохи [Вместо «он ~ Солохи»: вероломство Солохи не выходило из его головы] и, сонный, не переставал бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до света была полна народа. Пожилые женщины, в белых намитках, в белых суконных свитках, набожно крестились [молились] у самого входа церковного. Дворянки, в зеленых и желтых кофтах, а иные даже в синих с золотыми назади усами кунтушах, стояли впереди их. Дивчата, у которых на головах намотана была целая

лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов, старались пробраться еще ближе к иконостасу. Но впереди всех стояли дворяне и простые мужики [Далее начато: в коб<еняках>] с усами, с чубами, с толстыми шеями, с только что выбритыми подбородками [«мужики ~ подбородками» позднейшая приписка на полях.] большею частью все в кобеняхах, из-за которых выказывалась белая, серая, а иногда даже и синяя свитка. На всех лицах, куда ни взгляни, виден был праздник [Далее начато: однако ж многие старые люди] Голова заранее облизывался [Далее начато: как] воображая, как он разговееется колбасою; девчата помышляли об том, как они будут ковзаться с хлопцами на льду; старухи усерднее, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, как козак Свербигуз клал поклоны. Одна только Оксана стояла как будто не своя: молилась и не молилась. На сердце у нее [На лице ее] столпилось столько разных чувств, одно другого досаднее, одно другого печальнее, что [Далее начато: а. всё б. в лице ее видно было] лицо ее выражало сильное [а. одно только б. жаркое] смущение, слезы дрожали в глазах. Девчата не могли понять этого [этому причины. Далее начато: а тем более] и ни одна из них не подозревала, чтобы виною был [этому был] кузнец. Однако ж не одна Оксана занята была кузнецом. Все миряне заметили, что праздник как будто не праздник, что как будто всё чего-то [что-то] недостает. Как на беду, дьяк, после путешествий в мешке, охрип [а. охрип и [если бы] совершенно б. простудился и охрип] и дребезжал едва слышным голосом; правда, приезжий певчий славно брал басом, но куда бы лучше было, если бы и кузнец был [еще присоединился] который [он] бывало, всегда, как только пели «Господи помилуй» или «Иже херувимы», всходил на крылос и выводил [гремел] оттуда [Далее было: сильным голосом] тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве. К тому же ой один исправлял должность церковного титаря. Уже отошла заутреня; после заутрени отошла обедня... Куда ж это, в самом деле, запропастился кузнец?

—
Еще быстрее неся чорт с кузнецом назад [Далее начато: нежели] Вакула мигом, сам не зная как, очутился около своей хаты. В это время пропел [закричал] петух.

«Куда?» закричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать чорта: «Постой, приятель, еще не всё. Я еще не поблагодарил [позабыл поблагодарить] тебя».

Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему четыре удара, и бедный чорт припустил бежать [Вместо «припустил бежать»: а. завизжавши улетел быстрее ружейной пули б. так ударился бежать] как мужик, которого только

что выпарил заседатель. [Далее начато: «Вот так, теперь не покажешься в другой раз», сказав это, Вакула] После сего Вакула вошел в сени зарылся в сено и проспал до обеда. «Вот тебе на [Ах, боже]!» сказал Вакула [«сказал Вакула» зачеркнуто, но не заменено.] проснувшись и вышел [вышедши] посмотреть, высоко ли солнце. «Я проспал заутреню и обедню!»

Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, бог нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал ему сон, который не дал даже побывать в такой торжественный праздник в церкви [Вместо «наслал ~ в церкви»: а. наслал ему такой сон, что он проспал б. наслал ему сон, который не дал даже побывать ему на празд<ник>] Но, однако ж, успокоив себя немного тем, что в следующую неделю непременно исповедается во всем попу и с сегодняшнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов весь год, пошел в хату. Никого не было [а. Никого не было б. Солохи не было и] Солоха [Далее начато: вер<но>] не возвратилась [не возвратилась еще] Бережно вынял он из пазухи башмаки [Далее начато: а. и всплеснул руками от удивления, так они были хороши б. и снова] и изумился снова дорогой работе и чудному происшествию минувшей ночи. Умылся, оделся как можно получше, надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынял из сундука новую шапку решетиловских смушек с синим верхом, которой не надевал еще ни разу с [от] того времени, как купил ее еще в бытность в Полтаве, вынял также новый всех цветов пояс, положил всё это в платок и отправился прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда вошел к нему кузнец [«когда ~ кузнец» вписано.] и не знал, чему дивиться: тому ли, что кузнец воскрес, тому ли, что кузнец смел к нему притти, или тому, что он нарядился таким щеголем и запорожцем. Но изумление у него отняло язык, когда Вакула [куз<нец>] развязал платок и положил перед ним новехенькую шапку и пояс, какого не видано было на селе, а сам повалился ему в ноги и проговорил умоляющим голосом: «Помилуй, батько, не гневись! вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает. Отдаюсь сам. Во всем каюсь. Бей, да не гневись только. Ты ж когда-то братался с покойным батькой, вместе хлеб соль ели и могорыч пили».

Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец [сильный кузнец] который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке медные пятаки и подковы, как гречневые блины [«как гречневые блины» вписано.] лежал теперь у ног его и отдался сам в его власть. Чтоб еще больше не уронить себя, Чуб [он] взял нагайку и ударил его три раза по спине. «Ну, теперь будет с тебя, вставай! Старых людей всегда слушай. Забудем всё [же] что

было меж нами. Ну, говори, чего тебе хочется [Вместо „Ну ~ хочется“: Ну, теперь говори, чего тебе нужно]»

«Отдай, батьку [батько] за меня Оксану. Пусть уже буду в самом деле твоим сыном».

Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей; вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно: «Добре! Присылай сватов!»

«Ох!» вскрикнула Оксана, переступя через порог и увидев кузнеца, и вперила на него очи, полные изумления и радости. [Далее начато: «Я при<нес>»]

«Погляди, какие я тебе принес черевики!» сказал Вакула: «те самые, какие одна царица носит».

«Нет, нет! Мне не нужно черевиков!» говорила она, махая руками, не сводя с него очей: «Я и без черевиков...» Далее она не договорила и покраснела.

Кузнец [Вакула] подошел ближе, взял ее за руку. Красавица и очи опустила. [Далее начато: и лицо ее]

Легкий стыд и изумление и какое-то странное чувство при виде того, что кузнец взял ее так смело за руку и вместе, сама она не понимала, какое-то сладкое [чудное] удовольствие, совсем не то, что радость, а еще лучше ее, — спорили [спорили уже] на лице ее. Нет, нет, еще никогда такого выражения не видал кузнец на лице ее. Нет, нет, никогда она не была так чудно хороша. С жаром поцеловал он ее; лицо [и лицо] ее пуще загорелось, и она стала еще лучше [Далее начато: и кузнец] Восхищенный кузнец обсыпал ее поцелуями. «Пусти, пусти, вот еще что вздумал», слабо шептала Оксана. Но кузнец был похож на пьяницу, почавшего бутылку...

Свадьба была, как всегда бывают свадьбы, пьяна, разгульна, весела. Когда-нибудь в досужее время я вам расскажу, как у нас на хуторах [«Когда-нибудь ~ на хуторах» не закончено и написано внизу страницы, как сноска.] ... И того же году Вакула с молодою женою перебрался в новую хату и расписал ее так хорошо, что сам архиерей, когда проезжал через Диканьку, [Вместо «что сам архиерей ~ через Диканьку»: что всякий, кто ни проходил] любовался. Около дверей, около окон красные каймы [выведены каймы] на дверях козаки на лошадях, с трубками в зубах. Башмаки тотчас же отдал он на церковь. Если бы церковь св.*** не сгорела [Далее начато: то и] назад тому пятьдесят лет, то и теперь бы они там лежали. А чтобы не иметь на душе поганого греха [Вместо: «не иметь ~ греха»: очи<ститься>] то выдержал церковное покаяние и выкрасил даром левый крылос зеленою краскою с красными листьями, а на стене сбоку

[Вместо «на стене сбоку»: на стене, как] как только войдешь в церковь, намалевал чорта, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы [а. Бабы б. Женщины] как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: «он, бач, яка така намалевана!» и дитя, удерживая слезенки, косилось на картину и жалось к груди своей матери.

ПОЗДНЕЙШИЕ ПРИПИСКИ К ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ

№ 1

Не прошло несколько дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он знахор [величайший знахор] Бывал ли кто болен чем, тотчас отправлялся к Пацюку, а Пацюку стоило только пошептать несколько слов, и недуг как будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшийся дворянин [Вместо «проголодавшийся дворянин»: дворянин] подавился рыбьей костью, Пацюк так искусно умел [Вместо «так ~ умел»: умел так искусно] ударить кулаком в спину, что кость отправлялась, куда ей следует, не причинив никакого вреда дворянскому горлу.

№ 2

как вихрем пронесся мимо их сидевший в горшке колдун [Далее начато: когда]; как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце чорт остановился и снял шапку, увидевши кузнеца [Далее было: на своем брате]; как пронеслась мимо метла [метла и веретено] возвращавшаяся назад сама, на которой, видно, только что съездила куда нужно ведьма. Словом, всей дряни, которую видел кузнец, перечесать нельзя было [Вместо «которую ~ было»: перечесать нельзя было, которую видел кузнец] Всё, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и снова несло и продолжало свою <дорогу> [«дорогу» в рукописи пропущено. Далее было: Вихрем летел] Кузнец всё летел, и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне (тогда была по какому-то случаю иллюминация). Чорт перелетел через шлахбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на коне в улице. Стук, блеск [Вместо: «Стук, блеск»: Шум, гром] по обеим

сторонам громоздятся четырехэтажные стены [дома] Звук колеса, копыт коня отдается с четырех сторон. Дома растут и будто поднимаются из земли при каждом шаге. Мосты дрожат, кареты летают, извозчики, фореиторы [и фореиторы] кричат. Снег свистит под тысячью летящих со всех сторон саней. Пешеходы жмутся и теснятся под...

№ 3

В зале толпилось несколько генералов в шитых золотом мундирах. Запорожцы поклонились на все стороны и стали в кучу. Минуту спустя вошел, в сопровождении целой свиты, величественного росту довольно плотный человек в гетьманском мундире, в желтых сапожках. Волоса на нем были растрепаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех его движениях видна была привычка повелевать. Все генералы, которые [Далее начато: были] расхаживали довольно спесиво в шитых золотом мундирах по залу, засуетились и с низкими поклонами, казалось, ловили его слово и даже малейшее движение, чтобы сей же час лететь выполнять его. Но гетьман не обратил даже и внимания, едва кивнул головою и подошел к запорожцам.

Запорожцы все отвесили поклон в ноги.

«Все ли вы здесь?» спросил [произнес] он [Далее было: громким голосом] протяжно и произнося слова немного в нос.

№ 4

Тут осмелился и кузнец поднять голову немного вверх и увидел стоявшую [стоявшую впереди] перед собою небольшого [невысокого] росту женщину, несколько [немного] даже толстую, напудренную, с голубыми глазами и вместе с тем величественно улыбающимся [Вместо «величественно улыбающимся»: величественным] видом, который так умел покорять себе всё и мог только принадлежать одной царствующей женщине [особе]

«Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор еще не видала», говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев. «Хорошо ли вас содержат?» продолжала она, подходя ближе? [Непосредственно следующие один за другим в окончательном тексте абзацы «Тут осмелился...» и «Светлейший

обещал...» представляют собою в рукописи две одновременные записи.]

№ 5

«Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы [мы держали] руку поганого татарина? Разве соглашались в чем-либо с турчином. Разве изменили тебе делом или помышлением. За что ж немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь строить везде крепости, после слышали, что хочешь повертать в карабинеры. Теперь слышим новые грозы... Чем виновато запорожское войско? Может быть тем, что помогло твоим генералам взять Хотин? [Вместо „Может быть ~ Хотин“: Взяли ли бы твои генералы Хотин когда бы мы не показали им дороги] Перешла ли бы твоя армия через Перекоп, когда бы не мы перевели ее».

Потемкин ни слова, и начал чистить [вытирать] платком свои бриллианты, которыми были унижены его руки.

«Чего же вы хотите?» спросила Екатерина с участием.

Запорожцы значительно взглянули [поглядели] друг на друга.

«Теперь пора. Царица спрашивает, чего хотите», сказал сам себе кузнец. [Запись «Помилуй, мамо ~ кузнец», поставленная в окончательном тексте после абзаца «Светлейший обещал...», в рукописи предшествует ему.]

№ 6

Право, мне очень нравится это простодушие! [Вместо «Право ~ простодушие»: а. Признаюсь, мне очень нравится б. «Какое простодушие!» произнесла она, оборотившись к дамам] «Вот вам», произнесла она, устремив глаза на стоявшего подалее от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом и пучком назад [Вместо «с полным ~ назад»: с небольшим пучком] которого скромный кафтан с большими перламутровыми пуговицами разительно отличался от залитых золотом мундиров [Далее начато: а. вот вам б. прекрасный [: «предмет, достойный остроумного пера вашего».

«Вы, ваше императорское величество, слишком милостивы. Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена!» отвечал, поклонясь, господин с перламутровыми пуговицами.

«Скажу вам: [Далее было: по совести] я до сих пор без памяти от вашего „Бригадира“. Вы удивительно как хорошо читаете! Однако ж», продолжала государыня, обращаясь снова к запорожцам. «Я слышала [Вместо „Я слышала“: Мне говорили] что на Сече у вас никогда не женятся».

№ 7

Государыня, которая, точно, имела самые стройные и прелестные ножки [Далее начато: слыша] не могла не улыбнуться, слыша такое замечание из уст простодушного кузнеца, который в своем запорожском платье мог похвастаться красавцем.

ВАРИАНТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее.

ВД1 — газетной бумаги

Еще бы ничего ~ какой-нибудь оборвавшийся мальчишка, посмотреть... ВД1, ВД2;

П, Тр — оборванный мальчишка

Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором, вот уже пять лет, как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей, чем показаться в этот великой свет.

ВД1 — показаться в этот свет великой

У нас, мои любезные ~ слышатся издаля, бренчит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум...ВД1, ВД2;

П, Тр — издаля

Никто не скажет ~ вынимал из пазухи опрятно сложенный, белый платок, вышитый...ВД1, ВД2;

П, Тр — вынимал из-за пазухи

Никто не скажет ~ и прятал в пазуху. ВД1, ВД2;

П, Тр — прятал за пазуху

Откуда он слов понабрался таких!

ВД1 — Откуда он слов понабирался

Не говоря ~ поговорку: «не мечите бисера перед свиньями» ВД1, ВД2;

П, Тр — не мечите бисер пред свиньями

Про Диканьку же, думаю, вы наслушались вдоволь. ВД1, ВД2;

П, Тр — вы наслушались вдоволь

А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете такого. ВД1, ВД2;

П, Тр — не сыщется такого

За то уже ~ то дынь подадим таких, каких вы отроду... ВД1, ВД2;

П, Тр — дынь подам таких

Что то за пироги, если б вы только знали: сахар, совершенный сахар! ВД1, ВД2;

П, Тр — что за пироги

Голодрббец — бедняк, бобыль.

ВД1 — Голодрббец

Знбхор — многознающий, ворожея.

ВД1 — ворожей

Комура — анбар. ВД1

ВД2 — амбар

Оселйдец — длинный клок волос на голове, заматывающийся на ухо.

ВД1 — Оселйдецъ

Пейсики — жидовские локоны.

ВД1 — Пйсики

Пэтря — кушанье, род каши.

ВД1 — кушанье

Хлупец — парень.

ВД1 — Хлупецъ

Чумакъ — обозники, едущие в Крым за солью и рыбою.

ВД1 — малор. извозчики

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

Из старинной легенды. ВД1, ВД2;

П, Тр — Из старой легенды

Всё как будто умерло ~ звонкий голос перепела отдается в степи.

ВД1 — гром перепела

Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости.

ВД1, ВД2, П — скирды сена

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... восемьсот... ВД1, ВД2, П;

Тр — августа в тысячу восемьсот

Одинок в стороне тащился на истомленных волах воз, наваленный...

ВД1, ВД2, П — тащился истомленными волами воз

Но ни один из прохожих ~ рад бы был это сделать прежде, если бы не злая мачеха... ВД1, ВД2 П;

Тр — это сделать

Но мы и позабыли, что ~ шерстяной зеленой кофте, по которой... ВД1, ВД2;

П, Тр — засаленной кофте

Своенравная, как она в ~ год переменяла свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами.

ВД1, ВД2, П — переменяет свои окрестности, выбирает себе новый путь и окружает

Ряды мельниц подымали на тяжелые колеса свои широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. ВД1, ВД2, П;

Тр — подымали на тяжелые свои колеса

Красавица наша задумалась, глядя ~ вдруг слова: «ай да дивчина!»

ВД1, ВД2, П — ай да девушка [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! ВД1, ВД2;

П, Тр — поскользнулся на льду

Столетней! что у него молоко еще на губах...

ВД1 — еще молоко

Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки — всё ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами.

ВД1 — цыгане

Жилки ее вздрогнули, и сердце забилося так, как еще никогда, ни при какой радости, ни при каком горе: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что делалось с нею. ВД1, ВД2, П;

Тр — Жилки ее вздрогнули; сердце забилося

Это магическое слово заставило его, в ту же минуту, присоединиться к двум громко разговаривавшим негоциантам, и приковавшегося к ним внимания уже ничто не в состоянии было развлечь.

ВД2, П — присоединиться к двум громко разговаривающим негоциантам

Вот, что говорили негоцианты о пшенице... Тр;

ВД1, ВД2, П — нет.

«Да, говорите себе, что хотите», думал про себя отец нашей красавицы, не пропускавший ни одного слова из разговора двух негоциантов: «а у меня десять мешков есть в запасе».

ВД1, ВД2, П — наш знакомец

«Как чертовщина?» ВД1;

ВД2, П, Тр — Какая чертовщина

Заседатель, чтоб ему не довелось обтирать губ после панской сливянки, отвел для ярмарки проклятое место, на котором, хоть тресни, ни зерна не спустишь.

ВД1 — больше обтирать губ

А я на четвертый только день после свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську, да и то спасибо куму: бывши дружкой, уже надоумил.

ВД1, ВД2, П — Чорт меня возьми, если я не на четвертый только день

«Эх, хват! за это люблю!» говорил Черевик, немного ~ выпил до дна, хватив потом ее вдребезги.

ВД1 — обратив потом ее вдребезги

Что скажешь~ находились купцы даже из Гадяча и Миргорода — двух знаменитых... ВД1;

ВД2, П, Тр — купцы из Гадяча

Что скажешь ~ Полтавской губернии, — выглядывать получшую деревянную люльку в медной... ВД1, ВД2;

П, Тр — выглядывать получше

Думаю, оборваннейший из всех голодрабцев. ВД1, ВД2;

П, Тр — оборваннейший из всех голодранцев

Тут Черевик наш заметил и сам, что разговорился чересчур, и закрыл в одно мгновение голову...

ВД2, П — разгорячился чересчур

Усталое солнце уходило от мира, спокойно пропылав свой полдень и утро; и угасающий день пленительно и ярко румянился.

ВД1 — и спокойно пропылав свой полдень

Усталое солнце уходило от мира, спокойно пропылав свой полдень и утро; и угасающий день пленительно и ярко румянился.

ВД1, ВД2, П — день и пленительно, и грустно, и ярко румянился, как щеки прекрасной жертвы неумолимого недуга в торжественную минуту ее отлета на небо

«Не за двадцать, а за пятнадцать отдам, если не солжешь только!» отвечал парубок, не сводя с него испытательных очей. ВД1, ВД2, П;

Тр — испытующих очей

Так грозная сожительница ~ и долго стоял в недоумении на нем, будто длинное страшное привидение... ВД1, ВД2, П;

Тр — стоял на нем в недоумении

«Сущая безделица, Хавронья Никифоровна ~ если сосчитать, то не будет и пятидесяти штук, яйца же большею частию протухлые».

ВД1 — не будет

«Вот вам и приношения, Афанасий Иванович!» ЛБ21;

ВД1, ВД2, П, Тр — Вот вам и приношение

«Вот вам и приношения ~ расстегнувшуюся кофту: варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!» ВД1;

ВД2, П, Тр — вареники

«Бьюсь об заклад, если это ~ принимаясь за товченички и придвигая другою рукою варенички. ВД1;

ВД2, П, Тр — подвигая другою рукою варенички

„Бог знает, что вы выдумываете, Афанасий Иванович!“

ВД1, ВД2, П — Бог знает, что вы выдумаете

Старухе, продававшей бублики, почудился сатана, в образине свиньи, который беспрестанно наклонялся над возами, как будто ища чего.

ВД1, ВД2, П — в костюме ужасной свиньи

Старухе, продававшей бублики, почудился сатана, в образине свиньи, который беспрестанно наклонялся над возами, как будто ища чего.

ВД1 — как бы ища чего;

Тр — как будто искал чего

Это быстро разнеслось по всем углам ~ несмотря на то, что продавица бубликов, которой подвижная лавка была рядом...

ВД1 — продавица бублик

Это быстро разнеслось по всем углам ~ лавка была рядом с яткою

шинкарки, раскланивалась весь день без надобности и писала ногами совершенное подобие своего лакомого товара. ВД1;

ВД2, П, Тр — рядом с яткою шинкаря

Это быстро разнеслось по всем углам ~ писала ногами совершенное подобие своего лакомого товара. ВД1;

ВД2, П, Тр — совершенное подобие лакомого товара

К этому присоединились ~ которые были не совсем храброго десятка и запаслись ночлегами в избах, убрались домой.

ВД1, ВД2, П — не совсем из храброго десятка и имели притоны в избах

Гости тоже были в веселом расположении духа и без церемонии вошли прежде самого хозяина.

ВД1 — Гости тоже были все в веселом расположении

„Да, нездоровится“, отвечала Хивря, беспокойно поглядывая на доски, наложенные под потолок.

ВД1, ВД2, П — поглядывая на наложенные под потолок доски

„А ну, жена, достань-ка там ~ с добрыми людьми; проклятые бабы понапугали нас так, что и сказать стыдно...“

ВД1, ВД2, П — а то проклятые бабы

Довольная улыбка показалась на лице речистого храбреца.

ВД1, ВД2, П — высокого бонмотиста-храбреца

„Куда теперь ему побледнеть!“ ВД1, ВД2, П;

Тр — Куда теперь ему бледнеть

„Куда теперь ему побледнеть!“ подхватил другой: „щеки у него расцвели, как мак; теперь он не Цыбуля, а буряк — или лучше, сама красная свитка, которая так напугала людей“.

ВД1, ВД2, П — как та красная свитка

Баклажка прокатилась по столу и сделала гостей еще веселее прежнего. ВД1, ВД2;

П, Тр — Баклажка покатила по столу

Тут Черевик наш, которого давно мучила красная свитка и не давала ни на минуту покою любопытному его духу, приступил к куму. ВД1, ВД2, П;

Тр — не давала ни на минуту покою его любопытному духу

„Э, кум! оно бы не годилось рассказывать ~ и тебе, хочется узнать про эту диковину...“ ВД1, ВД2;

П, Тр — узнать про эту диковинку

„Как же, кум!“

ВД1 — Вот, кум

С утра до вечера, то и дела, что сидит в шинке!...» ВД1;
ВД2, П, Тр — то и дело
О сроке жид и позабыл было совсем. ВД1, ВД2;
П, Тр — нет
Как вот раз, под вечерок, приходит какой-то человек: «ну, жид, отдавай свитку мою!» ВД1, ВД2, П;
Тр — отдавай мою свитку
Тот, глядь, — и ушел ~ конуру и пересчитавши по сундукам деньги, накинул на себя простыню... ВД1, ВД2, П;
Тр — пересчитав по сундукам деньги
Тот, глядь, — и ушел ~ глядь — во всех окнах повывставлялись свиные рыла... ВД1, ВД2;
П, Тр — повывставились свиные рыла
«Бог знает, чего мы переполошились! Никого нет!» ВД1, ВД2, П;
Тр — Ничего нет
Вам бы веретено в руки, да посадить за гребень! ВД1, ВД2;
П, Тр — да и посадить за гребень
Это привело в стыд наших храбрецов ~ мигом оживили его плетеными тройчатками, заставя плясать его повыше вот этого сволока. ЛБ21;
ВД1, ВД2 — оживили: плетеными тройчатками;
П, Тр — оживили жида плетеными тройчатками
Это привело в стыд наших храбрецов ~ тройчатками, заставя плясать его повыше вот этого сволока. ВД1, ВД2;
П, Тр — заставя его плясать
Пана обокрал на дороге какой-то цыган и продал свитку перекупке; та привезла ее снова на Сорочинскую ярмарку, но с тех пор уже никто ничего не стал покупать у ней.
ВД1 — привезла снова ее
Перекупка дивилась, дивилась и наконец смекнула: верно, виною всему красная свитка.
ВД1 — наконец смекнула
Недаром, надевая ее, чувствовала, что ее всё давит что-то.
ВД1, ВД2, П — всегда, когда вздумывалось ей надевать
Схватил топор и изрубил ее в куски; глядь — и лезет один кусок к другому, и опять целая свитка.
ВД1, ВД2, П — схватил секиру [Аналогичное исправление дальше не указывается.]
Схватил топор и изрубил ее в куски; глядь — и лезет один кусок к другому, и опять целая свитка.

ВД1, ВД2, П — и снова целая свитка

Да нелегкая дернула теперь заседателя от...

ВД1, ВД2, П — Да нелегкая дернула теперь заседателя о...

Кум с разинутым ртом превратился в камень; глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить; разверзтые пальцы остались неподвижными на воздухе.

ВД1, ВД2, П — остановились в судорожной неподвижности в воздухе

Высокий храбрец, в непобедимом страхе, подскочил под потолок и ударился головою об перекладину; доски посунулись, и попович с громом и треском полетел на землю.

ВД1, ВД2, П — в ничем не победимом страхе

«Ай! ай! ай!» отчаянно закричал один, повалившись на лавку в ужасе и болтая на ней руками и ногами.

ВД1, ВД2, П — кричал один, повалившись на лавке, болтая в ужасе руками

«Спасайте!» горланил другой, закрывшись тулупом.

ВД1 — в отчаянии, закрываясь тулупом;

ВД2, П — в отчаянии закрывшись тулупом

Кум, выведенный из своего окаменения вторичным испугом, пополз в судорогах под подол своей супруги. ВД1, ВД2, П;

Тр — выведенный из окаменения

А Черевик, как будто облитый ~ по улицам, не видя земли под собою; одна усталость только заставила его уменьшить немного скорость бега. ВД1, ВД2, П;

Тр — не видя под собою земли

А Черевик, как будто облитый ~ заставила его уменьшить немного скорость бега. ВД1, ВД2, П;

Тр — уменьшить скорость бега

«Слышишь, Влас!» говорил, приподнявшись ночью, один из толпы народа, спавшего на улице: «возле нас кто-то помянул чорта!»

ВД1, ВД2, П — один из толпы спавшего на улице народа

«Так, как будто бы два человека: один наверху, другой нанизу; который из них чорт, уже и не распознаю!» ВД1, ВД2, П;

Тр — внизу

Озаряясь светом, неверно и трепетно горевшим, они казались диким сонмищем гномов, окруженных тяжелым подземным паром, в мраке непробудной ночи.

ВД1, ВД2, П — озаряясь местами неверно и трепетно горевшим светом, они казались диким сонмищем гномов, окруженных тяжелым

подземным паром и облаками мрака непробудной ночи

Овцы заблеяли, лошади заржали ~ часы сумерек, исчезли с появлением утра.

ВД1, ВД2, П — исчезнули вместе с осветившем мир утром

Зевая и потягиваясь, дремал Черевик у кума, под крытым соломою сараем, вместе с волами, мешками муки и пшеницы, и, кажется, вовсе не имел... ВД1, ВД2, П;

Тр — дремал Черевик ~ между волов, мешков муки и пшеницы

Зевая и потягиваясь, дремал Черевик ~ его хаты, или шинок дальней родички, находившийся не далее десяти шагов от его порога. ВД1, ВД2, П;

Тр — шинок дальней родственницы

«Вставай, вставай!» дребезжала на ухо нежная супруга, дергая его изо всей силы за руку. ВД1, ВД2;

П, Тр — дребезжала ему на ухо

«Сумасшедший!» закричала она, уклоняясь от замашки рук его, которою он чуть было не задел ее по лицу. ВД1, ВД2;

П — уклоняясь от замашки руки его;

Тр — уклоняясь от взмаха руки его

«Сумасшедший!» закричала она, уклоняясь от замашки рук его, которою он чуть было не задел ее по лицу.

ВД1 — чуть не задел было ее

Черевик поднялся, протер ~ те самые свиные рожи, от которых, как говорит кум...

ВД1 — свиные рожи, от чьих

...Вот рушник, оботри свою рожу... ЛБ21;

ВД1, ВД2, П, Тр — оботри свою маску

Глянул — в ней перерезанная узда и к узде привязанный — о ужас! волосы его поднялись горою! — кусок красного рукава свитки!..

ВД1, ВД2, П — кусок красного рукава

«Лови! лови его!» кричало несколько хлопцев, в тесном конце улицы, и Черевик почувствовал, что схвачен вдруг дюжими руками.

ВД1, ВД2, П — почувствовал себя вдруг схваченным

«Эге, ге! да это из одного гнезда обе птицы! Вязать их обоих вместе!»

ВД1 — Эге, ге, ге!

«...За що, за що?» сказав, тай попустыв патіоки... ВД1, ВД2;

П, Тр — попустив патіоки

Тебе еще ничего; тебя винят по крайней мере за то, что у другого украл; за что же мне, несчастливцу, недобрый поклеп такой: будто у самого себя стянул кобылу. ВД1, ВД2;

П — за что;
Тр — но за что
«А! Голопупенко, Голопупенко!» закричал, обрадовавшись, Солопий:
«Вот, кум, это тот самый, о котором я говорил тебе...»
ВД1, ВД2, П — вот, это тот самый, кум, об котором
«Да мне так теперь сделалось весело, как будто мою старуху москали увезли...
ВД1 — чорт возьми, если мне не так же стало весело, как когда бы
Подперши локтем хорошенький подбородок свой, задумалась Параска, одна, сидя в хате.
ВД1 — задумалась Параска, одна, пред столом в хате
Иногда вдруг легкая усмешка трогала ее алые губки, и какое-то радостное чувство подымало темные ее брови; то снова облако задумчивости опускало их на карие, светлые очи. ВД1, ВД2, П;
Тр — а иногда снова облако задумчивости опускало
Нет, нет; этого не будет!
ВД1 — этого-то не будет
Упрямства-то и у меня достанет. ВД1, ВД2, П;
Тр — Упрямства и у меня достанет
„Ну, что, если не сбудется ~ продолжала она, вынимая из пазухи маленькое зеркало... ВД1, ВД2;
П, Тр — вынимая из-за пазухи
И начала притопывать ногами всё чем далее, смелее; наконец левая рука ее опустилась и уперлась в бок, и она пошла танцевать... ВД1, ВД2, П;
Тр — начала притопывать ногами, чем далее, всё смелее
Не успела переступить она за порог хаты, как почувствовала себя на руках парубка в белой свитке, который с кучею народа выжидал ее на улице. ВД1, ВД2;
П, Тр — Не успела Параска переступить
Но еще страннее, еще неразгаданнее чувство пробудилось бы в глубине души при взгляде на старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушие могилы, толкавшихся между новым, смеющимся, живым человеком. ВД1, ВД2, П;
Тр — на ветхих лицах которых веяло равнодушием
Беспечные! даже без детской радости ~ головами, подтанцовывая за веселящимся народом, не обращая даже глаз на молодую чету. ВД1, ВД2, П;
Тр — подплясывая

ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА

ВД1 — Купалы

Как теперь помню — покойная старуха ~ мороз и замуровывал наглухо узенькое стекло нашей хаты, сидела она...

ВД1 — замуровывал наглухо узенькое окно

Но ни дивные речи про давнюю старину ~ от которых всегда дрожь проходила по телу и волосы ерошились на голове.

ВД1 — какая-то дрожь проходила по телу

Иной раз страх, бывало, такой заберет от них, что всё с вечера показывается бог знает каким чудищем. ВД1, ВД2, П;

Тр — с вечера всё показывается

И, чтобы мне не довелось рассказывать этого в другой раз, если не принимал часто издали собственную положенную в головах свитку за свернувшегося дьявола. ВД1, ВД2;

П, Тр — если я не принимал

И, чтобы мне не довелось рассказывать этого в другой раз, если не принимал часто издали собственную положенную в головах свитку за свернувшегося дьявола. ВД1, ВД2;

П, Тр — собственную свитку, положенную в головах

Лет — куды! более чем за сто, говорил покойник дед мой, нашего села и не узнал бы никто: хутор, самый бедный хутор! ВД1, ВД2;

П — Лет — куда! [Аналогичное исправление дальше не указывается.]
более чем за сто;

Тр — Лет, более чем за сто

Избенок десять, не обмазанных, не укрытых, торчало то сям, то там, посреди поля. ВД1, ВД2, П;

Тр — то там, то сям [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

Это ж еще богачи так жили; а посмотрели бы на нашу братью, на голь: вырытая в земле яма — вот вам и хата! ВД1, ВД2, П;

Тр — Это

Бедность не бедность; потому что тогда козаковал почти всякой и набирал в чужих землях не мало добра; а больше оттого, что незачем было заводиться порядочною хатою. ВД1, ВД2, П;

Тр — тогда козаковал почти всякий

Какого народу тогда не шаталось по всем местам: крымцы, ляхи,

литвинство!

ВД1 — литовцы

В этом-то хуторе показывался часто человек, или лучше дьявол в человеческом образе.

ВД1 — В этом-то хуторке

Отец Афанасий объявил только, что всякого, кто зазнается с Басаврюком, станет считать за католика, врага Христовой церкви и всего человеческого рода. ВД1, ВД2, П;

Тр — кто спознается с Басаврюком

Эх, не доведи господь возглашать мне больше на крилосе алилуя, если бы, вот тут же... ВД1;

ВД2, П, Тр — на клиросе

Эх, не доведи господь ~ лесу, покрывающему мою макушу, и под боком моя старуха, как бельмо в глазу. ВД1, ВД2;

П, Тр — макушку

Ну, если где парубок и девка живут близко один от другого... сами знаете, что выходит.

ВД1 — если где парубок и девка живут близко один от другого, не миновать беды

Что прикажешь делать? у отца сердце не каменное: повесивши нагайку ~ не будь я Терентий Корж, если не распрощается с твоею макушей!“

ВД1 — Терешко Корж

Как будто окаменев, не сдвинувшись и мести, слушал Петро, когда невинное дитя лепетало ему Пидоркины речи. ВД1, ВД2;

П, Тр — дитя лепетало ему Пидоркины слова

Тетка покойного деда немного ~ идет к заутрене, и выпучила на него глаза, как будто спросонья... ВД1, ВД2;

П, Тр — выпучила

А ведь и дела только одного потребую за целую гору таких цяцек».

ВД1 — дела только одного потребуют

То и дела, что смотрел, не становится ли тень от дерева длиннее, не румянится ли понизившееся солнышко, и что далее, тем нетерпеливей. ВД1, ВД2;

П, Тр — и чем далее

Много будет на них цветов разных; но, сохрани тебя нездешняя сила, вырвать хоть один. ВД1, ВД2;

П, Тр — сорвать хоть один

Поусумнился Петро и раздумно стал перед ними, подпершись обеими руками в боки. ВД1, ВД2, П;

Тр — Петро в раздумьи стал перед ними
Смотрит, тянутся из-за него сотни мохнатых рук также к цветку, и позади его что-то перебегают с места на место. ВД1, ВД2, П;
Тр — а позади его
Но вот послышался свист, от которого ~ тоненьким, будто серебряные колокольчики; деревья загремели сыпучею бранью... ВД1, ВД2;
П, Тр — словно серебряные колокольчики
Тут разделил он суковатую палкою куст терновника, и перед ними показалась избушка, как говорится, на курьих ножках.
ВД1 — избушка
Ведьма, вцепившись руками за обезглавленный труп, как волк, пила из него кровь... ВД1, ВД2, П;
Тр — вцепившись руками в обезглавленный труп
Ведьма, вцепившись руками за обезглавленный труп, как волк, пила из него кровь...
ВД1 — пила кровь из него
Собравши все силы, бросился бежать он. ВД1, ВД2;
П, Тр — бросился он бежать
Всё покрылось перед ним красным цветом.
ВД1 — Всё покрылось перед ним красным светом
Огненные пятна, что молнии, мерещились ему в глаза. ВД1, ВД2, П;
Тр — мерещилось в его глазах
Мертвый сон схватил его. ВД1, ВД2;
П, Тр — сон охватил его
Тут только, будто сквозь сон, вспомнил он, что искал какого-то клада, что было ему одному страшно в лесу...
ВД1 — искал клад какой-то
Дивно только показалось Пидорке, когда стала рассказывать, как проходившие мимо цыгане украли Ивася. ВД1, ВД2, П;
Тр — Пидорка стала рассказывать ему
Дивно только показалось Пидорке, когда стала рассказывать, как проходившие мимо цыгане украли Ивася. ВД1, ВД2;
П, Тр — цыганы
Он не мог даже вспомнить лица его: так обморочила проклятая бесовщина! ВД1, ВД2;
П — Петро не мог;
Тр — но Петро не мог
В старину свадьба водилась не в сравненье нашей. ВД1, ВД2, П;
Тр — не в сравненье с нашей

Как девчата, в нарядном головном уборе ~ наверх которых навязывался золотой галун, в тонких рубашках...

ВД1 — повязывался золотой галун

Как девчата, в нарядном головном уборе ~ вихорь, скакали в горлице.
ВД1, ВД2, П;

Тр — скакали в горнице

Как молодницы, с корабликом на голове ~ на затылке, из которого выглядывал золотой очипок... ВД1, ВД2, П;

Тр — откуда выглядывал

Уж не нынешних переодеваний, что бывают на свадьбах наших. ВД1, ВД2, П;

Тр — Уж не чета нынешним переодеваниям

А как начнут дуреть да строить штуки... ну, тогда хоть святых выноси.
ВД1, ВД2;

П, Тр — начнут дурить

А как начнут дуреть да строить штуки... ну, тогда хоть святых выноси.
ВД1, ВД2, Тр;

П — хоть святых вынеси

Кто-то подходит, бьет по плечу его... но далее всё как будто туманом укрывается перед ним.

ВД1 — бьет по плечу его; он... но

Кто-то подходит, бьет по плечу его... но далее всё как будто туманом укрывается перед ним. ВД1, ВД2, П;

Тр — всё как

Пот валится градом по лицу его, и он в изнеможении садится на свое место. ВД1, ВД2, П;

Тр — Пот валит градом

Чего ни делала Пидорка: и совещалась с знахорами, и переполох выливали, и соняшницу заваривали... ВД1, ВД2;

П, Тр — знахарями

Для этого зажигают ~ ему выпить ложку этой самой воды. ВД1, ВД2, П;

Тр — этой воды

Много козачков откосилось, много козачков, поразгульнее других, и в поход потянулось. ВД1, ВД2, П;

Тр — много козачков обкосилось и обжалось

Уже и снег стал сеяться с неба, и ветви дерев убрались инеем, будто заячьим мехом. ВД1, ВД2, П;

Тр — снег начал сеяться

Наконец, снега стали таять, и щука хвостом лед расколотила, а Петро всё так же, и чем далее, тем еще суровее. ВД1, ВД2, П;

Тр — Петро всё тот же

Как будто прикованный, сидит посередине хаты, поставив себе в ноги мешки свои. ВД1, ВД2, П;

Тр — поставив себе в ноги мешки с золотом

«Вспомнил, вспомнил!» закричал он в страшном весельи и, размахнувшись топором, пустил им со всей силы в старуху. ВД1, ВД2;

П — из всей силы;

Тр — из всей силы

Услужливые старухи отправили ее было уже туда, куда и Петро потащился... ВД1, ВД2;

П, Тр — отправили было ее

Услужливые старухи отправили ее было уже туда, куда и Петро потащился; да один раз приехавший из Киева козак рассказал, что видел... ВД1, ВД2, П;

Тр — но приехавший из Киева

Услужливые старухи отправили ее было ~ узнали Пидорку; что еще никто не слышал от нее ни одного слова... ВД1, ВД2, П;

Тр — что будто еще никто

Услужливые старухи отправили ее было уже туда ~ еще никто не слышал от нее ни одного слова... ВД1, ВД2;

П, Тр — не слышал от нее

Того же году все побросали землянки свои и перебрались в село; но и там однако ж не было покою от проклятого Басаврюка. ВД1, ВД2;

П, Тр — В том же году

Калякали о сем и о том, было и про диковинки разные, и про чуда. ВД1, ВД2, П;

Тр — о том, о сем

Из закоптевшей трубы столбом валился дым и, поднявшись высоко... ВД1, ВД2, П;

Тр — столбом валил дым

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА

Начнуть що небудь ~ и возмецця ниначе з неба. ВД1;

ВД2, П — з неба;

Тр — нет.

«Нет, видно, крепко заснула моя ясноокая красавица!» сказал козак, окончивши песню и приближаясь к окну... ВД1, П, Тр;

ВД2 — приближась к окну

Зачем выбрал ты такое время: толпа народу шатается то и дела по улицам... ВД1;

ВД2, П, Тр — то и дело

«Знаешь ли, что я думаю», прервала девушка, задумчиво потопив в него свои очи. ВД1, ВД2, П;

Тр — уставив в него свои очи

Признаюсь, мне веселее у чужих было. ВД1, ВД2;

П, Тр — было у чужих

«О, моя милая девушка!» ВД1, ВД2, П;

Тр — О, моя Галя

«Да, что я хочу жениться, а ты выдти за меня замуж — говорил». ВД1, ВД2, П;

Тр — Что я хочу

Как бессильный старец, держал он ~ реяли среди теплого ночного воздуха, как бы предчувствуя скорое появление блистательного царя ночи.

ВД1 — теплого океана ночного воздуха

«Будешь ли ты меня нежить по-старому, батьку, когда возьмешь другую жену?» ВД1, ВД2, П;

Тр — Будешь ли ты меня нежить по-старому, батька [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

Румяна и бела собою была молодая жена; только так страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидевши, и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачеха. ВД1, ВД2;

П, Тр — вскрикнула, увидевши ее

С криком оторвавши от себя, кинула на пол; опять крадется страшная кошка. ВД1, ВД2, П;

Тр — кинула ее на пол

И с той самой поры еще голова выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившиеся вниз усы и кидать соколиный

взгляд исподлобья. ВД1, ВД2;

П, Тр — разумно и важно потуплять голову

Не прежде, однако ж, он наведет его на смазливое личико, пока не обсмотрится хорошенько, не глядит ли откуда свояченица. ВД1, ВД2;

П, Тр — смазливенькое личико

Что за разгулье такое!

ВД1 — разгульство

Напрасно обсматривал он: тень покрывала его с ног до головы. ВД1, ВД2;

П, Тр — всматривался он

Спереди только он был освещен немного; но малейший шаг вперед Левка уже подвергал его неприятности быть открытым. ВД1, ВД2;

П, Тр — малейший шаг

«Знаю», продолжал высокий человек: «Левко много наговорил ~ будто он когда-то его слышал).

ВД1 — когда-то его слышал

При сем слове Левко не мог уже более удержать своего гнева. ВД1, ВД2;

П, Тр — При этом слове [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

Подошедши на три шага к нему, замахнулся он со всей силы, чтобы дать треуха... ВД1, ВД2;

П, Тр — изо всей силы

Подошедши на три шага к нему ~ увидевши, что перед ним стоял отец его. ВД1, ВД2;

П, Тр — перед ним стоял его отец

„Провалитесь, проклятые сорванцы!“ кричал голова, отбиваясь и притопывая на них ногами.

ВД1 — притопывая

Поприставали, как мухи к меду!

ВД1 — Прильнули

„Вот какие за тобою ~ сюда!“ кричал он, махая рукою к парубкам, которые снова собирались в кучу... ВД1, ВД2;

П, Тр — кричал он, махая рукою парубкам

А у меня, как нарочно, сложилась в уме славная песня про голову. Пойдемте, я вас ее выучу», продолжал Левко, ударив рукою по струнам бандуры. ВД1, ВД2;

П, Тр — славная песня про голову. Пойдемте, я вас выучу

И толпа шумно понеслась по улицам.

ВД1 — толпа шумно пронеслась по улицам
«...На Покрову-то, я готов поставить бог знает что, если пан голова не будет писать ногами немецкие крендели по дороге». ВД1, ВД2, П;
Тр — На Покров, бьюсь об заклад, что пан голова будет писать ногами
Слышал ли ты, что повыдумывали проклятые немцы? ВД1, ВД2, П;
Тр — что повыдумали проклятые немцы
В это время что-то стало шарить за дверью; дверь растворилась, и мужик, не снимая шапки, ступил за порог и стал, как будто в раздумьи, посреди хаты, разинувши рот и оглядывая потолок. ВД1, ВД2;
П, Тр — ступил через порог
«Если бы я знал», говорил он, подымая камень: «какой это висельник швырнул, я бы выучил его, как кидаться!»
ВД1 — какой это висельник швырнул камнем
«Если бы я знал», говорил он ~ продолжал он, рассматривая его на руке пылающим взглядом.
ВД1 — рассматривая его на руке пылающим глазом
Вечером, немного, может, раньше теперешнего, уселись вечерять: покойная теща, покойный тесть, да наймыт...
ВД1 — покойник тесть
После работ все проголодались и не хотели ждать, пока простынут. ВД1, ВД2;
П, Тр — пока галушки простынут
Вздевши на длинные деревянные спички галушки, начали есть.
ВД1 — Повздевавши на длинные деревянные спички галушки;
П, Тр — Вздевши их на длинные деревянные спички
Еще лучше стал уплетать! ВД1;
ВД2, П, Тр — стал оплетать
Я слышал что-то похожее еще за покойницу царицу...
ВД1 — Я слышал что-то
Я слышал что-то похожее еще за покойницу царицу... ЛБ21;
ВД1, ВД2, П, Тр — за покойницу ...
Вдруг рассыпались клепки. ВД1, ВД2, П;
Тр — В голове расселись клепки
«Славная песня, сват!» сказал винокур, наклоня немного набок голову и оборотившись к голове, остолбеневшему от удивления при виде такой дерзости.
ВД1 — от изумления
И опять положил руки на стол с каким-то сладким умилением в глазах, приготавливаясь слушать еще, потому что под окном гремел хохот и крики:

снова! ВД1, ВД2;

П, Тр — И он опять положил руки

Однако ж проницательный глаз увидел бы тотчас, что не изумление удерживало долго голову на одном месте.

ВД1 — проницательный ум увидел бы тотчас

Так только старый, опытный кот допускает иногда неопытной мышке бегать около своего хвоста; а между тем быстро созидаёт план, как перерезать ей путь в свою нору. ВД1, ВД2;

П, Тр — перерезать ей путь в нору

«Нет, ты не ускользнешь от меня!» кричал голова, продолжая тащить своего пленника прямо в сени, который, не оказывая никакого сопротивления, спокойно следовал за ним, как будто в свою хату. ВД1, ВД2;

П, Тр — продолжая тащить прямо в сени своего пленника

«Куда?» закричал голова, ухватив ещё крепче за ворот. ВД1, ВД2;

П, Тр — ухватив его ещё крепче за ворот

«Не поможет! не поможет ~ на пол, и, в сопровождении десятского, отправился в хату писаря, и вслед за ними, как пароход, задымился винокур. ВД1, ВД2;

П, Тр — а сам, в сопровождении десятского

В размышлении шли они все трое, потупив голову, и вдруг, на повороте в темный переулок, разом вскрикнули от сильного удара по лбам, и такой же крик отгрянул в ответ им.

ВД1 — шли они все три

В размышлении шли они все трое, потупив голову, и вдруг, на повороте в темный переулок, разом вскрикнули от сильного удара по лбам, и такой же крик отгрянул в ответ им. ВД1, ВД2;

П, Тр — потупив головы

Твою милость величают такими словами... словом, сказать стыдно; пьяный москаль побоится выбросить их нечестивым своим языком». ВД1, ВД2, П;

Тр — вымолвить их нечестивым своим языком

«Вздремнул было немного, подняли с постели проклятые сорванцы своими странными песнями и стуком!.. ВД1, ВД2;

П, Тр — срамными песнями

Хотел было хорошенько приструнить их, да покаместь надел шаровары и жилет, все разбежались, куда попало. ВД1, ВД2;

П — разбежались, куда попало;

Тр — разбежались, куда ни попало

Душа горела у меня узнать эту птицу, да рожа замазана сажею, как у

чорта, который кует гвозди для грешников». ВД1, ВД2, П;

Тр — у чорта, что кует

«А не лжешь ли ты, пан писарь?»

ВД1 — не лжешь ты

«Скажи, пожалуйста», с такими словами она приступила к нему: «ты не свихнулся еще с последнего ума?..» ВД1, ВД2, П;

Тр — не свихнул еще с последнего ума

Кой чорт? мне почудился крик свояченицы на улице; они, дурни, забрали себе в голову, что я им ровень. ВД1;

ВД2, П — я им ровен;

Тр — я им ровеня

Они думают, что я какой-нибудь их брат, простой козак!.. П, Тр;

ВД1, ВД2 — что какой-нибудь

«Это проворная, видно, птица!» сказал винокур, которого щеки, в продолжение всего этого разговора, беспрерывно заряжались дымом, как осадная пушка, и губы, оставив коротенькую люльку, выбросили целый огненный фонтан.

ВД1 — губы, оставив коротенькую люльку, выбросили целый облачный фонтан

«Эдакого человека не худо, на всякой случай, и при виннице держать; а еще лучше повесить на верхушку дуба, вместо паникадила». ВД1, ВД2, П;

Тр — повесить на верхушке дуба

Писарь вынул ключ, загремел им около замка; но этот был от сундука его. ВД1, ВД2;

П, Тр — но этот ключ был

«Есть!» сказал он наконец, нагнувшись и вынимая его из глубины обширного кармана, которым снабжены были его пестрядевые шаровары. ВД1, ВД2, П;

Тр — Здесь! сказал он наконец

«Есть!» сказал он наконец, нагнувшись и вынимая его из глубины обширного кармана, которым снабжены были его пестрядевые шаровары. ВД1, ВД2;

П, Тр — вынимая

Двери отворились, и... Голова стал бледен ~ были сомкнуть дружно разинувших ртов своих: перед ними стояла свояченица. ВД1, ВД2;

П — сомкнуть дружно разинувшихся ртов;

Тр — сомкнуть дружно разинутых ртов

Изумленная не менее их, она, однако ж, немного очнулась и сделала движение подойти к ним. ВД1, ВД2, П;

Тр — сделала движение, чтобы подойти
«Чур меня, сатана!» продолжал писарь, приложась губами к скважине в дверях: «если не пошевелишься с места, мы отворим дверь» ВД1, ВД2, П;
Тр — приложась губами к скважинке в дверях
Дверь отворилась.
ВД1 — Дверь отворили
«Перекрестись!» сказал голова, оглядываясь назад, как будто выбирая безопасное место, в случае ретирады. ВД1, ВД2;
П, Тр — оглядываясь и как будто выбирая безопасное место
Писарь взглянул: завески у широкого ставня оторваны, и он приколотен только сверху деревянным брусом. ВД1, ВД2;
П, Тр — петли у широкого ставня
«Добро ты, одноглазый сатана!» вскричала она, приступив к голове, который попятился немного и всё еще продолжал ее мерять своим глазом. ВД1, ВД2, П;
Тр — попятился назад
«Я знаю твой умысел: ты хотел, ты рад был случаю сжечь меня, чтобы свободнее было волочиться за девушками, чтобы некому было видеть, как дурачится седой дед...» ЛБ21;
ВД2, П, Тр — съесть меня
«Я знаю твой умысел: ты хотел, ты рад был случаю сжечь меня, чтобы свободнее было волочиться за девушками, чтобы некому было видеть, как дурачится седой дед...» ВД1, ВД2;
П, Тр — чтобы свободнее было тебе волочиться
«Нет, тут не на шутку сатана вмешался», думал он, сильно почесывая свою макушу. ВД1, ВД2;
П, Тр — почесывая свою макушку
«Вы сума сошли: это пьяный Каленик». ВД1, ВД2, П;
Тр — да это пьяный Каленик
«Что за пропасть! в руках наших был, пан голова». ВД1, ВД2, П;
Тр — пан голова, отвечали десятские
«И как мы попали эту ворону, вместо его, бог знает!» ВД1, ВД2;
П, Тр — И как мы попали на эту ворону
И как мы попали эту ворону, вместо его, бог знает! ВД1, ВД2, П;
Тр — бог один знает
«Властью моею и всех мирян дается повеление — изловить сей же миг сего разбойника; а оным образом и всех, кого найдете на улице, и привести на расправу ко мне!..» ВД1, ВД2, П;
Тр — дается повеление, сказал голова, изловить

Долго ли до греха, пан голова, перепугают доброго человека так, что после ни одна баба не возьмется вылить переполоху.

ВД2, П, Тр — вылечить

Что это?.. ВД1, ВД2, П;

Тр — Да что это

Вы... Я донесу комиссару!

ВД1 — Вы... Вы... Я донесу

Сей же час! слышите, сей час. ВД1, ВД2, П;

Тр — Сей же час! слышите, сей же час

Пот валился с него градом. ВД1, ВД2, П;

Тр — пот валил с него градом

Величественно и мрачно чернел кленовый лес, обсыпаясь только на оконечности, стоявшей лицом к месяцу, тонкою серебряною пылью. ВД1, ВД2, П;

Тр — лес, стоявший лицом к месяцу

Всё тихо; в глубокой чаще леса слышались только раскаты соловья. ВД1, ВД2, П;

Тр — Всё было тихо

С изумлением глядел он в неподвижные воды пруда: старинный господский дом, опрокинувшись вниз, виден был в нем чист и в каком-то ясном величии.

ВД1 — в недвижные воды пруда

Притаивши дух, не дрогнув и не спуская глаз ~ и видит: наперед белый локоть выставился в окно, потом выглянула приветливая головка... ВД1, ВД2;

П, Тр — прежде выставился в окно белый локоть

Притаивши дух, не дрогнув и не спуская глаз с пруда ~ приветливая головка с блестящими очами, тихо светившими сквозь темно-русые волны волос, и оперлась на локоть. ВД1, ВД2;

П, Тр — с блестящими очами, тихо светлевшими

Сердце его разом забилося... ВД1, ВД2

П, Тр — Сердце его вдруг забилося

«Вот как мало нужно полагаться на людские толки», подумал про себя герой наш. ВД1, ВД2, П;

Тр — подумал он про себя

«Тут живет кто-нибудь» — и молча подошел он ближе, но всё было в нем тихо. ВД1, ВД2;

П, Тр — но в доме всё было тихо

Сильно и звучно перекликались ~ какую-то сладкую тишину и тихое

раздолье ощутил он в своем сердце. ВД1, ВД2, П;

Тр — сладкую тишину и раздолье

Сильно и звучно перекликались ~ сладкую тишину и тихое раздолье ощутил он в своем сердце. ВД1 ВД2;

П, Тр — ощутил Левко

Ой, свить там по подворью,

Де дивчина красна. ВД1, ВД2, Тр;

П — Ой, свитьшь там по подворью

Какое-то тяжелое, полное жалости и грусти чувство сперлось в груди парубка. ВД1, ВД2;

П, Тр — тяжелое чувство, полное жалости и грусти

Левко посмотрел на берег: в тонком серебряном тумане мелькали легкие, как будто тени, девушки, в белых, как луг, убранный ландышами, рубашках; золотые ожерелья, монисты...ВД1, ВД2

П, Тр — девушки, легкие, как будто тени, в белых, как убранный ландышами луг, рубашках

Левко посмотрел на берег: в тонком ~ сваяно из прозрачных облак и будто светилось насквозь при серебряном месяце. ВД1, ВД2, П;

Тр — из прозрачных облаков

Кинули жребий — и одна девушка вышла из толпы. ВД1, ВД2, П;

Тр — жеребей [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

«Мне жалко отнимать цыпляток у бедной матери!» ВД1, ВД2, П;

Тр — отнимать цыплят

Вдруг раздался крик: ворон бросился на одну из вереницы и схватил ее, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти и на лице сверкнула злобная радость. ВД1, ВД2, П;

Тр — ворон бросился на одну из вереницы, схватил ее

Вдруг раздался крик: ворон бросился на одну из вереницы и схватил ее, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти и на лице сверкнула злобная радость. ВД1, ВД2, П;

Тр — на лице ее сверкнула злобная радость

Чего трусили? нас десяток. Я держу заклад, что это ~ спутникам, и Левко увидел себя схваченным несколькими руками, из коих иные дрожали от страха. ВД1, ВД2, П;

Тр — Левко почувствовал себя схваченным.

Чего трусили? нас десяток. Я держу заклад, что это ~ схваченным несколькими руками, из коих иные дрожали от страха. ВД1, ВД2;

П, Тр — несколькими руками, из которых

«Послушаем, что пишет комиссар!» произнес винокур, держа в зубах

люльку и вырубливая огонь. ВД1, ВД2, П;

Тр — высекая огонь

«А вследствие того, приказываю тебе ~ также подчинить мосты по столбовой дороге... ВД1, ВД2, П;

Тр — починить мосты

Левко, несмотря на изумление, происшедшее от такого неожиданного оборота его дела, имел благоразумие приготовить в уме своем другой ответ и утаить настоящую истину, каким образом досталась записка. ВД1, ВД2;

П, Тр — от такого неожиданного оборота его дела

„Слышите ли?“ говорил голова с важною осанкою, оборотившись к своим спутникам: „комиссар сам своею особою приедет к нашему брату, т. е. ко мне, на обед. О!“ ВД1, ВД2;

П, Тр — сказал голова

„Слышите ли?“ говорил голова с важною осанкою, оборотившись к своим спутникам: „комиссар сам своею особою приедет к нашему брату, т. е. ко мне, на обед. О!“ ВД1, ВД2;

П, Тр — оборотившись к своим спутникам

Рот его покривился, и что-то в роде тяжелого, хриплого смеха, похожего более на гудение отдаленного грома, зазвучало в устах. ВД1, ВД2, П;

Тр — зазвучало в его устах

Тут он приблизился к хате: окно было отперто; лучи месяца проходили чрез него и падали на спящую перед ним Ганну; голова ее оперлась на руку; щеки тихо горели; губы шевелились, неясно произнося его имя. ВД1, ВД2;

П, Тр — он приблизился к хате

Перекрестив ее, закрыл он окошко и тихонько удалился.

ВД1 — тихо удалился

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

Да, расскажу я вам, как ведьмы играли с покойным дедом в дурни

ВД1 — играли с покойным дедом в дурня

Стало быть и дивиться нечего, когда всякой встречный кланялся ему мало не в пояс. ВД1, ВД2;

П, Тр — кланялся деду

Тогдашний полковый писарь, вот нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... ВД1, ВД2;

П, Тр — полковой

Но так как было рано, то всё еще дремало, протянувшись на земле. ВД1, ВД2;

П, Тр — все дремало

Между тем в ятках начало мало-помалу шевелиться: жидовки стали побрякивать флясками; дым покатило то там, то сям кольцами, и запах горячих сластен понесся по всему табору. ВД1, ВД2;

П, Тр — дым повалил

Эх народец! станет, вытянется ~ и тут же, подпершись в боки, несется в присядку; зальется песней — душа гуляет!..

ВД1 — подпершись ею в боки

Только, видно, наконец прискучило бить горшки и швырять в народ деньгами, да и ярмарке не век же стоять!

ВД1 — ярмарке же не век стоять!

Дед и еще другой, приплевшийся к ним гуляка, подумали уже, не бес ли засел в него. ВД1, ВД2;

П, Тр — припледшийся к ним гуляка

Но в поле становилось чем далее, сумрачнее; а вместе с тем становилась несвязнее и молодецкая молвь. ВД1;

ВД2 — становилось чем далее, сумрачнее и вместе с тем;

П, Тр — становилось чем далее, тем сумрачнее; и вместе с тем

Кто на веку своем не знался с нечистыми?

ВД1 — Кто не знался с нечистым?

Двор был уставлен весь чумацкими возами; под поветками, в яслях, в сенях, иной свернувшись, другой развернувшись, храпели как коты. ВД1, ВД2, П;

Тр — под ветками

Чтобы чем-нибудь разогнать сон, осмотрел он возы все, проведал

коней, закурил люльку, пришел назад и сел опять около своих. ВД1, ВД2;

П, Тр — сел опять подле своих

Тут глаза его начали смыкаться так, что принужден он был ежеминутно протирать кулаком и промывать оставшеюся водкой. ВД1, ВД2;

П, Тр — ежеминутно протирать их кулаком

Наконец, мало погодя, опять показывается из-под воза чудище ВД1;

ВД2, П, Тр — показывается из-под воза чудовище [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

Долго спал дед, и как припекло порядочно уже солнце его выбритую макушу, тогда только схватился он на ноги. ВД1, ВД2;

П, Тр — его выбритую макушку

Сообразя всё, дед заключил, что, верно, чорт пришел пешком, а как до пекла не близко, то и стянул его коня. ВД1, ВД2, П;

Тр — чорт приходил

Вот тебе и гетьманский гонец! ВД1, ВД2;

П, Тр — гетманский гостинец

Другие же прибавили, что когда чорт да москаль украдут что-нибудь — то поминай, как и звали. ВД1, ВД2, П;

Тр — как звали

В лесу живут цыганы и выходят из нор своих ковать железо в такую ночь, какую одни ведьмы ездят на кочергах своих. ВД1, ВД2;

П, Тр — ездят на своих кочергах

Покойный дед был человек не то, чтобы из трусливого десятка; бывало, встретит волка, так и хватает прямо за хвост; пройдет с кулаками промеж козаками, — все, как груши, повалятся на землю. ВД1, ВД2;

П, Тр — промеж козаков

Покойный дед был человек не то, чтобы из трусливого десятка; бывало, встретит волка, так и хватает прямо за хвост; пройдет с кулаками промеж козаками, — все, как груши, повалятся на землю.

ВД1 — валятся на землю

Дед тотчас увидел дорожку, пробиравшуюся промеж мелким кустарником. ВД1, ВД2, П;

Тр — промеж мелкого кустарника

На другом берегу горит огонь и, кажется, вот-вот готовится погаснуть, и снова отсвечивается в речке, вздрагивавшей, как польской шляхтич в козачьих лапах. ВД1, ВД2;

П, Тр — отсвечивается в реке

Хоть бы один кивнул головой; сидят да молчат, да что-то сыплут в

огонь.

ВД1 — да сыплют что-то в огонь

Деду уже и прискучило; давай шарить в кармане, вынял люльку, посмотрел вокруг — ни один не глядит на него. ВД1, ВД2;

П, Тр — вынул люльку

И все, сколько ни было их там, как хмельные, отплясывали какого-то чертовского тропака. ВД1, ВД2, П;

Тр — трепака

Деда, несмотря на страх весь, смех напал, когда увидел, как черти с собачьими мордами... ВД1, ВД2;

П, Тр — На деда, несмотря на весь страх, смех напал

Едал покойник аппетитно; и потому, не распускаясь на рассказы, придвинул к себе миску с нарезанным салом... ВД1, ВД2, П;

Тр — не пускаясь в рассказы

„Ладно!“ провизжала одна из ведьм ~ у ней была чуть ли не красивее всех: „шапку отдадим тебе, только не прежде, пока сыграешь с нами три раза в дурня!“

ВД1 — чуть ли еще не красивее всех

„Слушай же!“ залаяла ведьма в другой раз ~ шапки, может, и света более не увидишь!»

ВД1 — больше не увидишь

Только что дед успел остаться дурнем, как со всех сторон заржали, залаяли, захрюкали морды: «дурень! дурень! дурень!»

ВД1 — и со всех сторон

Поглядел на карты: масть хоть куда, козыри есть.

ВД1 — Поглядел в карты

Поглядел на карты: масть хоть куда, козыри есть. ПД8, П, Тр;

ВД1, ВД2 — масть хоть худа

У деда на руках одни козыри; не думая, не гадая долго, хватать королей по усам всех козырями. ВД1, ВД2;

П, Тр — хватать королей всех по усам

«Козырь!» вскричал он, ударив по столу картою так, что ее свернуло коробом; та, не говоря ни слова, покрыла восьмеркою масти. ВД1, ВД2;

П, Тр — осьмеркою

Гром пошел по пеклу; ведьму напали корчи, и, откуда ни возмись, шапка бух деду прямёхонько в лицо. ВД1, ВД2;

П, Тр — на ведьму напали корчи

Заплакал бедняга, глядя на них, что дитя неразумное. ВД1;

ВД2, П, Тр — Заплакал бедняга, глядя на них, как дитя

Жаль стало товарища! ПД8, ВД1;

ВД2, П, Тр — Жаль старого товарища

Экая чертовщина! что за пропасть, какие с человеком чудеса деются!

ВД1;

ВД2, П, Тр — чудеса делаются

Глядь на руки — все в крови; посмотрел в стоявшую торчмя бочку с водою — и лицо также. ВД1, ВД2, П;

Тр — стоявшую торчмя бочку

Та долго смотрела, выпучивши глаза, и наконец уже узнала деда и рассказала, как ей снилось, что печь ездил по хате, выгоняя вон лопатою горшки, лоханки и, чорт знает, что еще такое. ВД1, ВД2, П;

Тр — выпуча глаза

Там навиделся дед таких див, что стало ему надолго после того рассказывать: как повели его в палаты, такие высокие, что если бы хат десять поставить одну на другую, и тогда, может быть, не достало бы. ВД1, ВД2, П;

Тр — Там нагяделся дед

ПРЕДИСЛОВИЕ II

Не хорошо браниться на прощаньи, особенно с тем, с которым, бог знает, скоро ли увидите. ВД1, ВД2;

П, Тр — браниться на прощаньи, особенно с тем, с кем

Не хорошо браниться на прощаньи, особенно с тем, с которым, бог знает, скоро ли увидите.

ВД1 — увидите ли когда-нибудь больше

Прошлый год, так как-то около лета, да чуть ли не на самый день моего патрона, приехали ко мне в гости (нужно вам сказать, любезные читатели, что земляки мои, дай бог им здоровье, не забывают старика.

ВД1 — нужно вам знать

«Ничего из этого не будет!» подхватил полтавец, заложивши руку в гороховый кафтан свой и прошедши важным шагом...

ВД1 — заложивши руки в гороховый кафтан

Хоть бы простился с кем, хоть бы кивнул кому головою; только слышали мы, как подъехала к воротам тележка с звонком; сел и уехал.

ВД1 — что подъехала

А тот... ну, бог с ним! он думает, что без его сказок и обойтись нельзя. ВД1, ВД2;

П, Тр — думает, что без его сказок и обойтись нельзя

И точно, хотел было это сделать, но увидел, что для сказки моей нужно, по крайней мере, три таких книжки.

ВД1 — нужно, по крайней мере, три таких книжек

Дукат — род медали, носится на шее женщинами.

ВД1 — носимой на шее

Пыщик — пицалка, дудка, небольшая свирель.

ВД1 — пищик

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. ВД1, ВД2;

П — этим

Он знает наперечет, сколько у каждой бабы свинья мечет поросят и сколько в сундуке лежит полотна и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. ВД1, ВД2;

П — свинья мечет поросят

Вдруг, с другой стороны показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. ВД1, ВД2;

П — Вдруг с противной стороны показалось

Но зато сзади он был ~ догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий...

ВД1 — то не немец

Подбежавши, вдруг схватил он ~ как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чем ни бывал, побежал далее. ВД1, ВД2;

П — доставший голыми руками огню

А вот какая: он знал, что богатый козак Чуб приглашен дьяком на кутю, где будут: голова... ВД1, ВД2;

П — кутю [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

В досужее от дел время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всем околке.

ВД1 — от дела

Сам еще тогда здравствовавший сотник Л...ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить досчатый забор около его дома. ВД1, ВД2;

П — вызвал его нарочно в Полтаву

Но торжеством его искусства была одна картина, намалеванная на церковной стене в правом притворе, в которой изобразил... ЛБ18;

ВД1, ВД2, П — картина, намалеванная на стене церковной

Но торжеством его искусства была одна картина, намалеванная на церковной стене в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день страшного суда... ВД1, ВД2;

П — картина, на которой изобразил

Пономарь сделал себе на лето нанковые шаровары и жилет из полосатого гаруса. ЛБ18;

ВД1, ВД2, П — сделал себе нанковые на лето шаровары

«Так ты, кум, еще не был у дьяка в новой хате?» говорил ~ с обросшею бородою, показывавшею, что уже более двух недель не прикасался к ней обломок...

ВД1 — бородою, доказывавшею

«Кой чорт, славный!» отвечал кум, закрывая березовую тавлинку, исколотую узорами. ВД1, ВД2;

П — берестовую тавлинку

Оксане не минуло еще и семнадцати лет, как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про нее. ВД1, ВД2;

П — и по ту сторону Диканьки

Один только кузнец был упрям и не оставлял своего волокитства несмотря на то, что и с ним поступаемо было ничуть не лучше, как с другими. ВД1, ВД2;

П — поступили ничуть не лучше, чем с другими

По выходе отца своего, она долго еще принаряживалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. ВД1, ВД2;

П — Оксана долго еще принаряжалась

Какую радость принесу я тому, кого буду женою! ВД1, ВД2;

П — тому, чьей буду женою

Вам век не увидеть богаче галуна!

ВД1 — не увидеть богаче золотого галуна

Дай мне лучше мою Оксану! ВД1, ВД2;

П — Дай лучше мою

Не мудрено однако ж и смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра... ВД1, ВД2;

П — Не мудрено однако ж и озябнуть

Путешественница отодвинула потихоньку ~ не было, выключая только мешки, которые лежали... ВД1, ВД2;

П — выключая только мешков

Путешественница отодвинула потихоньку ~ что она за минуту назад ездила на метле. ВД1, ВД2;

П — минуту назад

В огороде, кроме маку, капусты, подсолнечников, засевалось еще каждый год две нивы табаку. ВД1, ВД2;

П — две гряды табаку

Всё это Солоха находила не лишним присоединить к своему хозяйству,

заранее размышляя о том, какой оно примет порядок, когда перейдет в ее руки, и удвоивала благосклонность к старому Чубу. ВД1;

ВД2, П — заране размышляя

Случилось, что тогда, когда старушки толковали об этом, пришел как-то коровий пастух Тымиш Коростявый. ВД1;

ВД2, П — пришел какой-то коровий пастух

Он не преминул рассказать, как летом перед самою Петровкою, когда он лег спать... ВД1, ВД2;

П — перед самыми Петровками

Он не преминул рассказать ~ рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевелинуться, так был околдован; подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он плевал после того целый день. ЛБ18;

ВД1, ВД2, П — и помазала

Дернет же нечистая сила потаскаться по такой вьюге! ВД1, ВД2;

П — таскаться

Хлопая намерзнувшими на холоде руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть ее. ВД1, ВД2;

П — Хлопая озябшими

Хлопая намерзнувшими на холоде руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть ее. ВД1, ВД2;

П — отпереть

«Попробуй, подойди! вишь какой! вот большая цяца! ты думаешь, я на тебя суда не найду. ЛБ18;

ВД1, ВД2 — цяця;

П — цаца

Постой ты, бесовской кузнец, чтоб ~ однако ж, ведь теперь его нет дома.

ВД1 — ведь его теперь нет дома

Приятность, ожидавшая его впереди при свидании с Солохою, умаливала немного боль и делала нечувствительным и самый мороз, который трескался по всем улицам, не заглушаемый вьюжным свистом. ВД1, ВД2;

П — умаливала немного боль

Приятность, ожидавшая его впереди при свидании с Солохою, умаливала немного боль и делала нечувствительным и самый мороз, который трескался по всем улицам, не заглушаемый вьюжным свистом. ВД1, ВД2;

П — заглушаемый свистом вьюги

Чудно блещет месяц! ВД1, ВД2;

П — Чудно блестит месяц

Кучи девушек с мешками вломились в хату Чуба, окружили Оксану. Крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца.

ВД1 — окружили Оксану и крик

„Да!“ продолжала гордо красавица: „будьте все вы свидетельницы, если кузнец Вакула принесет те самые черевички, которые носит царица, то, вот мое слово, что выйду тот же час за него замуж“.

ВД1 — продолжала смеясь красавица

Думаю, и не могу вздумать, куда девался ум мой.

ВД1 — не могу надумать

Но всё пошло иначе: чорт только что представил свое требование, как вдруг послышался стук и голос дюжего головы. ЛБ18;

ВД1, ВД2, П — послышался голос дюжего головы

Дьяк вошел, побряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто, и что он сердечно рад этому случаю погулять немного у нее, и не испугался метели. ЛБ18, П;

ВД1, ВД2 — Дьяк вошел

Дьяк вошел, побряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто, и что он сердечно рад этому случаю погулять немного у нее, и не испугался метели. ВД1, ВД2;

П — у него не было никого

Тут он подошел к ней ближе, кашлянул, усмехнулся, дотронулся своими длинными пальцами ее обнаженной, полной руки... ВД1, ВД2;

П — дотронулся пальцами

Заметно было, что он весьма не в духе. ЛБ21;

ВД1, ВД2, П — Заметно, что он был весьма не в духе

В то самое время, когда Солоха затворяла за ним дверь, кто-то постучался снова. ВД1, ВД2;

П — В то самое время, когда Солоха затворила

Как будто невольно, сам не понимая как, протерся кузнец сквозь толпу и стал около нее. ВД1, ВД2;

П — подле ее

Пора положить конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь в пролубе, и поминай как звали!» ВД2;

ВД1 — нет;

П — в проруби

Притом шаровары, которые носил он, были так широки, что какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно не заметно, и, казалось,

винокуренная кадь двигалась по улице. ВД1, ВД2;

П — совершенно не было заметно

Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он знахарь. ВД1, ВД2;

П — Не прошло нескольких недель

Только что он успел это подумать, Пацюк разинул рот; поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. ВД1, ВД2;

П — больше разинул рот

В это время вареник выплеснул из миски, шлепнулся в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. ЛБ18;

ВД1, ВД2 — вареник выплеснул из миски, шлепнул в сметану;

П — вареник выплеснулся из миски, шлепнулся в сметану

При сем слове он сотворил крест, и чорт сделался так тих, как ягненок. ВД1, ВД2;

П — при этом слове

Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения. ЛБ18;

ВД1, ВД2, П — кузнец вскочил на него верхом

«В Петембург, прямо к царице!» ВД1, ВД2;

П — Петербург

Не пройдет минут десять, как он, верно, придет поглядеть на меня. ВД1, ВД2;

П — Не пройдет минут десяти

«Это Кузнецовы мешки?» подхватила Оксана: «утащим скорее их ко мне в хату, и разглядим хорошенько, что он сюда наклал». ВД1 ВД2;

П — он сюда положил

Чуб сам не менее желал свободы, чувствуя, что под ним лежит что-то такое, на котором сидеть страх было неловко. ВД1, ВД2;

П — что-то такое на чем сидеть

Кум, несмотря на всегдашнее ~ из дому с фонарями под обеими глазами, а дорогая половина... ВД1, ВД2;

П — с фонарями под обоими глазами

«Вот и другой еще!» вскрикнул со страхом ткач: «чорт знает как стало на свете... голова идет кругом... не колбас и не паляниц, а людей кидают в мешки!» ВД1, ВД2;

П — не колбасы и не паляницы

Девушки между тем, дружно взявшись за руки, полетели как вихорь с санками по скрипучему снегу. ВД1, ВД2;

П — взялись за руки

Наконец приехали, отворили настежь дверь в сенях и хате, и с хохотом втащили мешок.

ВД1, ВД2, П — в сенях и в хате

Тут икотка, которая не переставала мучить голову во всё время сидения его в мешке, так усилилась, что он начал икать и кашлять во всё горло. ВД1, ВД2;

П — икота

«Ах, батько!» ВД1;

ВД2, П — Ай, батько

«Чего ж вы испугались? посмотрим: а ну-ка, чоловіче, прошу не погневиться, что не называем по имени и отчеству, вылезай из мешка!» ВД1, ВД2;

ВД1 — Чего ж вы перепугались

«Чего ж вы испугались? посмотрим: а ну-ка, чоловіче, прошу не погневиться, что не называем по имени и отчеству, вылезай из мешка!» ВД1, ВД2;

П — прошу не погневаться

«...Ах!» вскрикнули девушки. ВД1;

ВД2, П — Ау! вскрикнули девушки

«Морозец есть», отвечал Чуб: «а позволь спросить себя, чем ты смазываешь свои сапоги, смальцем или дегтем?» ВД1, ВД2;

П — позволь спросить тебя

Его забавляло ~ еще быстрее. ЛБ18;

ВД1, ВД2, П — нет.

Всё, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него, и потом снова несло дальше и продолжало свое; кузнец всё летел, и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне.

ВД1 — снова несло

Чорт, перелетев через шлахбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы.

ВД1 — перелетел через шлахбаум

Боже мой! стук, гром ~ стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом... ЛБ18;

ВД1, ВД2 — копыт коня;

П — стук конских копыт

Боже мой! стук, гром ~ колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон... ВД1;

П — отзывался громом и отдавался

Боже мой! стук, гром ~ сторон; дома дома росли, и будто подымались из земли...

ВД1 — дома растут и будто подымаются;

П — дома росли, и будто подымались

Боже мой! стук, гром ~ мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали...

ВД1 — дрожат

Боже мой! стук, гром ~ кареты летали; извозчики, форейторы кричали...

летают [Настоящее время и в следующих ниже глаголах: кричат, свистит, жмутся и теснятся, мелькают, глядят.] ВД1;

П — летели

А Вакула не успел оглянуться, как очутился ~ Диканьку, сидевших на шелковых диванах, поджав под себя намазанные дегтем сапоги, и куривших самый крепкий табак, называемый обыкновенно корешками. ВД1, ВД2;

П — а теперь сидели на шелковых диванах, поджав под себя намазанные дегтем сапоги, и курили

«Здравствуйте, панове! помогай бог вам! вот где увиделись!» сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли. ВД1, ВД2;

П — подошедши ближе

И новую шину тогда поставил на переднее колесо вашей кибитки! ВД1, ВД2;

П — Я новую шину тогда поставил

Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком, притом же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотный язык. ВД1, ВД2;

П — себя не хотел осрамить

Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком, притом же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотный язык.

ВД1, ВД2 — ниже сего

Все генералы, которые расхаживали довольно спесиво в золотых мундирах, засуетились и с низкими поклонами, казалось, ловили его слово и даже малейшее движение, чтобы сейчас лететь выполнять его. ВД1, ВД2;

П — ловили каждое его слово

Но гетьман не обратил даже и внимания, едва кивнул головою и подошел к запорожцам. ВД1, ВД2;

П — внимания на всё это

Запорожцы отвесили все поклон в ноги. ВД1, ВД2;

П — Запорожцы все отвесили поклон
«Та вси, батьку!» ЛБ18;
ВД1, ВД2, П — Та вси, батько
«Куда тебе царь! это сам Потемкин», отвечал тот.
ВД1 — это еще только Потемкин
Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос:
«Помилуй, мамо! помилуй!»
ВД1 — Запорожцы вдруг все попадали на землю
«Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы руку... ЛБ18;
ВД1, ВД2 — чем тебя твой верный народ прогневил
П — чем тебя твой верный народ прогневал
„Встань!“ сказала ласково государыня: „если так тебе хочется иметь такие башмаки, то это не трудно сделать. ВД1, ВД2;
П — если тебе так хочется
Право, мне очень нравится это простодушие! Вот вам“, продолжала ~ других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом... ЛБ18;
ВД1, ВД2 — нет;
П — господина
Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена!»
ВД1 — Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена или Богдановича; [В списке «Опечаток» во второй книжке ВД1 восстановлен рукописный текст, сохраненный позднейшими изданиями: «Лафонтена».]
П — Тут нужен, по крайней мере, Лафонтен
«Вы, ваше императорское величество, слишком милостивы. Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена!» отвечал поклонясь человек с перламутровыми пуговицами. ВД1, ВД2;
П — господин с перламутровыми пуговицами
«Скажи лучше, чтоб тебе водки не захотелось ~ повеситься! он утонул! утонул в прорубе! Это я так...» ВД1, ВД2;
П — утонул в проруби
«Страмница! вишь чем стала попрекать!» гневно возразила баба с фиолетовым носом. ВД1, ВД2;
П — Срамница
«Дьяк?» пропела, теснясь к спорившим, дьячиха, в тулупе из заячьего меха, крытом синею китайкою. ВД1;
ВД2 — теснясь к ссорившим;
П — теснясь к ссорившимся

«Вишь, проклятая ведьма, чтоб ты не дождала детей своих видеть, негодная!» ВД1, ВД2;

П — чтоб ты не дождалась детей своих видеть

Ткачиха хотела и себе сделать то же, но вместо того плюнула в небритую бороду голове, который, чтобы лучше всё слышать, подобрался к самым спорившим. ЛБ18;

ВД1, ВД2, П — к самым спорившим

Это движение заставило всех разойтись с ругательствами в разные стороны. ВД1, ВД2;

П — заставило всех разойтись

«Экая мерзость!» повторял он, продолжая обтираться. ВД1, ВД2;

П — повторял голова

А вряд ли и в другом месте где найдется такой молодец, как кузнец! ВД1;

ВД2, П — вряд ли и в другом месте найдется

Как на беду, дьяк, после путешествия ~ наш или Иже херувими, всходил на крылос и выводил оттуда тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве. ВД1, ВД2;

П — Иже херувимы

И мигом очутился Вакула около своей хаты. ВД1, ВД2;

П — очутился Вакула подле своей хаты

Но однако ж успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу, и с сегодняшнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату; но в ней не было никого. ВД1, ВД2;

П — с нынешнего

Но однако ж успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу, и с сегодняшнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату; но в ней не было никого. ВД1, ВД2;

П — целый год

Бережно вынул он из пазухи башмаки и снова изумился... ВД1, ВД2;

П — из-за пазухи

Бережно вынул он из пазухи ~ умылся, оделся как можно лучше, надел то самое платье, которое...

ВД1 — оделся как можно получше

Бережно вынул он из пазухи ~ времени, как купил ее еще в бытность в Полтаве; вынял также новый всех цветов пояс; положил всё это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.

ВД1 — купил еще ее в бытность в Полтаве

«А чья это такая размалеванная хата?»

ВД1 — так размалеванная хата

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

ВД1 — СТРАШНАЯ МЕСТЬ. (СТАРИННАЯ БЫЛЬ.)

Гостям поднесли варенуху с изюмом и сливами и на немалом блюде коровой. Музыканты принялись за исподку его, спеченную вместе с деньгами и, на время притихнув, положили возле себя цимбалы скрипки и бубны. ВД1, ВД2;

П — каравай. Музыканты принялись за исподку его, испеченную.

Приподняв иконы вверх, есаул готовился сказать короткую молитву... ВД1, ВД2;

П — сказать краткую молитву

Когда же есаул поднял иконы, вдруг всё лицо его переменялось: нос вырос и наклонился... ВД1, ВД2;

П — всё лицо казака переменялось

Когда же есаул поднял иконы, вдруг ~ сторону, вместо карых, запрыгали зеленые очи, губы... ВД1;

ВД2, П — вместо карих

«Колдун показался снова!» кричали матери, хватая на руки детей своих. ВД1;

ВД2, П — хватая за руки детей

«Беда будет!» говорили старые, крутя головами. ВД1, ВД2;

П — качая головами

И везде, по всему широкому подворью есаула, стали собираться в кучки и слушать истории про чудного колдуна. ВД1, ВД2;

П — по всему подворью

Музыканты грянули; девчата, молодницы, лихое козачество, в ярких жупанах, понеслись. ВД1, ВД2;

П — девчата, молодцы

Стали гости расходиться, но мало ~ козачества заснуло само, непрошенное, под лавками, на полу... ВД1, ВД2;

П — заснуло

Не говорят ни о том, как уже ходят по Украине ксензы и перекрещивают козацкий народ в католиков; ни о том, как два дни билась при Соленом озере орда. ВД1, ВД2;

П — два дня [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

Как им петь, как говорить про лихие дела: пан их Данило призадумался, и рукав кармазинного жупана опустил из дуба... ВД1,

ВД2;

П — рукав его кармазинного жупана

Встретится ли под темный вечер с каким-нибудь человеком, и ему тотчас показывалось, что он открывает рот и выкалывает зубы. ВД1, ВД2;

П — ему тотчас покажется

Встретится ли под темный вечер с каким-нибудь человеком, и ему тотчас показывалось, что он открывает рот и выкалывает зубы. ВД1, ВД2;

П — скалит зубы

Над бровями разом вырезались три морщины; левая рука гладила молодецкие усы. ВД1, ВД2;

П — Над бровями вдруг вырезались три морщины

Я разметаю чертовское гнездо, если только пронесется слух, что у него какой-нибудь притон. ВД1, ВД2;

П — Я размечу чертовское гнездо

Я разметаю чертовское гнездо, если только пронесется слух, что у него какой-нибудь притон. ВД1, ВД2;

П — у него есть какой-нибудь притон

Говорят, они все готовы были себя продать за денежку сатане с душою и ободранными жупанами. ВД1, ВД2;

П — сатане и с душою и с ободранными жупанами

Ничего не предвещает доброго мне встреча с ним. ВД1, ВД2;

П — не предвещает мне ничего доброго

Но ты так тяжело дышишь, так сурово глядишь, очи твои так угрюмо надвинулись бровями!.. ВД1, ВД2;

П — брови твои так угрюмо надвинулись на очи

На берегу виднелось кладбище: ветхие кресты толпились в кучку. ВД1, ВД2;

П — На берегу виделось кладбище

На берегу виднелось кладбище: ветхие кресты толпились в кучку. ВД1, ВД2;

П — толпились в кучу

Страшно протянул он руки вверх, как будто хотел достать месяца, и закричал так, как будто кто-нибудь стал пилить его желтые кости... ВД1, ВД2;

П — достать месяц

Дитя, спавшее на руках у Катерины, вскрикнуло и пробудилось. ВД1, ВД2;

П — на руках Катерины

Козачеству на славу,

Вороженькам в расправу! ВД1, ВД2;

П — на расправу

Козацкие сердца, когда встретятся где, как не выбьются из груди друг другу навстречу! ВД1, ВД2;

П — навстречу друг другу

Ему весело, проснувшись среди ночи, взглянуть на высокое, засеянное звездами небо и вздрогнуть от ночного холода, принесшего свежесть козацким косточкам. ВД1, ВД2;

П — взглянуть, проснувшись среди ночи

Ему весело, проснувшись среди ночи, взглянуть на высокое, засеянное звездами небо и вздрогнуть от ночного холода, принесшего свежесть козацким косточкам.

ВД1 — вздрогнуть от приятного, ночного холода

С плачем ушла Катерина в особую светлицу, кинулась в постель и закрыла уши, чтобы не слышать сабельных ударов.

ВД1 — чтобы не слышать сабельных ударов

По всему ее телу слышала она, как проходили звуки: тук, тук. ВД1, ВД2;

П — По всему телу

Я думала, что у тебя капля жалости есть, что в твоём каменном теле человечье чувство горит. ВД1, ВД2;

П — Я думала, что у тебя есть капля жалости

«Постой, Катерина! ступай, мой ненаглядный Иван, я поцелую тебя! Нет, дитя... ВД1, ВД2;

П — поцелую тебя

Забудем бывшее между нами. ВД1, ВД2;

П — меж нами

„Отец!“ вскричала Катерина, обняв и поцеловав его: „не будь неумолим, прости Данила: он не огорчит больше тебя!“ ВД1, ВД2;

П — прости Данилу

„Для тебя только, моя дочь, прощаю!“ отвечал он, поцеловав ее и блеснув странно очами. ВД1, ВД2;

П — блеснув страшно очами

Она облокотилась на стол, на котором ~ худо и не по-козацки сделал, просивши прощения, не будучи ни в чем виноват.

ВД1 — не по-козацки сделал, просивши прощения, ни в чем виновен;

П — не по-козацки сделал он, прося прощения, когда не был ни в чем виноват

„Снилось мне, чудно, право, и так живо, будто наяву, снилось мне, что

отец мой есть тот самый урод, которого мы видали у есаула. ВД1, ВД2;

П — которого мы видели

Но прошу тебя, не верь сну. ВД1, П;

ВД2 — не верь ему

Не захотел выпить меду! слышишь, Катерина, не захотел меду выпить, который я вытрусил у брестовских жидов. ВД1, ВД2;

П — не захотел выпить меду

Эх, козаки! что за лихой народ! всё готов товарищу, а хмельное высушит сам. ВД1, ВД2;

П — всё отдать готов товарищу

Эх, козаки! что за лихой народ! всё готов товарищу, а хмельное высушит сам.

ВД1 — хмельное высушит сам

А вот и турецкой игумен влазит в дверь!“ ВД1, ВД2;

П — лезет в дверь

„Не бойся, не бойся, больше кружки не выпью! А вот и турецкой игумен влазит в дверь!“ проговорил он сквозь зубы, увидя нагнувшегося, чтобы войти в дверь, тестя. ВД1, ВД2;

П — увидя тестя, нагнувшегося, чтоб войти в дверь

„А что ж это, моя дочь!“ сказал отец, снимая с головы шапку и поправив пояс, на котором висела сабля с чудными камнями: „солнце уже высоко, а у тебя обед не готов“. ВД1, ВД2;

П — поправляя пояс

Только одну лемишку с молоком и ел старый отец и потянул вместо водки из фляжки, бывшей у него в пазухе, какую-то черную воду. ВД1, ВД2;

П — за пазухой

Он, как старик, ворчит и ропчет; ему всё не мило; всё переменялось около него; тихо враждует он с прибережными горами, лесами, лугами и несет на них жалобу в Черное море. ВД1, ВД2;

П — ворчит и ропщет

„С тобою старуха остается; а в сенях и на дворе спят козаки!“ ВД1, ВД2;

П — С тобою старуха останется

„Пусть будет так!“ сказал Данило, стирая пыль с винтовки и сыпля на полку порох. ВД1, ВД2;

П — насыпая на полку порох

Данило надел смушевую шапку, закрыл окошко, задвинул засовами дверь, замкнул и вышел потихоньку из двора промеж спавшими своими

козаками в горы. ВД1, ВД2;

П — промеж спавшими своими козаками вышел потихоньку из двора в горы

Кто-то в красном жупане, с двумя пистолетами, с саблею при боку, спускался с горы. ВД1, ВД2;

П — с саблею на боку [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

„Что, Стецько, ведь он как раз потащился к колдуну в дупло“.

ВД1 — в колдуново дупло

„Да, верно, не в другое место, пан Данило! иначе мы бы видели его на другой стороне. Но он пропал около замка“. ВД1, ВД2;

П — иначе мы видели бы его

Но он пропал около замка». ВД1, ВД2;

П — подле замка

«Что я думаю долго!» сказал пан Данило, увидя перед окном высокий дуб: «стой тут, малый! я полезу на дуб; из него прямо можно глядеть в окошко». ВД1, ВД2;

П — полезу на дуб; с него

Но ему некогда глядеть, смотрит ли кто в окошко, или нет. ВД1, ВД2;

П — Но тестю некогда глядеть

Голубой свет становился реже, реже и совсем как будто потухнул. ВД1, ВД2;

П — потух

Казалось, с тихим звоном разливался чудный свет по всем углам и вдруг пропал и стала тьма. ВД1, ВД2;

П — и настала тьма

О, как обняла меня добрая мать моя! ВД1, ВД2;

П — моя мать

Какая любовь у ней в очах! ВД1, ВД2;

П — Какая любовь у нее в очах [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

Катерина полюбит меня!.. ВД1, ВД2;

П — Катерина, полюби меня!

Правда, ты взял нечистыми чарами твоими власть вызывать душу и мучить ее; но один только бог может заставлять ее делать то, что ему угодно. ВД1, ВД2;

П — делать, что ему угодно

Тут вперила она бледные очи свои в окошко, под которым сидел пан Данило, и недвижно остановилась... ВД1;

ВД2, П — неподвижно остановилась
Гремя цепями, подвелся он к окну поглядеть, не пройдет ли его дочь.
ВД1, ВД2;
П — поднялся он к окну
Уже и нет его. ВД1, ВД2;
П — уже нет и его
Ты невинна, Катерина, душа твоя будет летать в рае около бога; а душа
богоотступного отца... ВД1, ВД2;
П — будет летать в раю
«Я не боюсь цепей», говорил он. ВД1, ВД2;
П — начал он
«Слушай, я выпущу тебя; но если ты меня обманываешь?» ВД1, ВД2;
П — но если ты меня обманешь
«Слушай, я выпущу тебя; но если ты меня обманываешь?» сказала
Катерина, остановившись пред дверью: «и, вместо того, чтобы покаяться,
станешь опять братом чорту?» ВД1, ВД2;
П — будешь опять братом чорту
«Нет, Катерина, мне не долго остается жить уже. ВД1, ВД2;
П — мне уже недолго остается жить
„Я тебя не завела, а вывела; вынесла на руках моих из душного
подвала. Замкнула ключиком, чтобы тебе не досталось чего от пана
Данила“. ВД1, ВД2;
П — замкнула ключиком дверь
Если бы только думу об этом держал в голове хоть один из моих
козаков, и я бы узнал... я бы и казни ему не нашел!» ВД1, ВД2;
П — то бы и казни
Сошлись, верно, на какой-нибудь наезд: у иных и мушкеты есть;
чокают шпоры; брякают сабли. ВД1;
ВД2, П — чокаются шпоры
Пьет и гуляет с ними и говорит нечестивым языком своим странные
речи. ВД1, ВД2;
П — срамные речи
Паны беснуются и отпускают шутики: хватают за бороду жида, малюют
ему на нечестивом лбу крест; стреляют в баб холостыми зарядами и
танцуют краковяк с нечестивым попом своим.
ВД1 — отпускают шутики
Слышно между общим содомом, что говорят про заднепровский хутор
пана Данила, про красавицу жену его... ВД1, ВД2;
П — хутор пана Данилы

«Чего-то грустно мне, жена моя!» ВД1, ВД2;

П — Что-то грустно мне

Он был еще жив, честь и слава нашего войска, старый Конашевич! как будто перед очами моими проходят теперь козацкие полки! ВД1, П;

ВД2 — проходят козацкие полки

Стал говорить гетман — и всё стало, как вкопанное. ВД1, ВД2;

П — Начал говорить

О, время! время! минувшее время! куда подевались вы, лета мои?..

ВД1 — поделись

Вот он стоит на горе и целит на него мушкет. ВД1, ВД2;

П — целит в него мушкетом

Лежит он пьянехонек на сырой земле.

ВД1 — пьяненок

Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод, и прибережным лесам ярко отсветиться в водах. ВД1;

ВД2, П — стеклянных вод

Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод, и прибережным лесам ярко отсветиться в водах. ВД1, ВД2;

П — отразиться в водах

Зеленокудрые! они толпятся вместе с полевыми цветами к водам, и наклонившись, глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и усмеваются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями. ВД1, ВД2;

П — усмеваются ему

Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат, и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр! ВД1, ВД2;

П — освещает

Видно, ему не ведомо, что он глотает как мух людей. ВД1, ВД2;

П — он глотает людей как мух

Показался розовый свет в светлице; и страшно было глянуть тогда ему в лицо. ВД1;

ВД2, П — страшно было глядеть

А незнакомая дивная голова сквозь облако так же неподвижно глядела на него. ВД1, П;

ВД2 — так же глядела

«Спокой себя, моя любая сестра!» ВД1, ВД2;

П — Успокой себя
«Ничего не бойся!» говорил сын его, хватаясь за саблю: «никто тебя не обидит».

ВД1 — никто не посмеет тебя обидеть

Успокойся же, мое дитя! ВД1, ВД2;

П — Успокойся же, дитя мое

Сговорились провести ночь вместе, и мало погодя уснули все. ВД1, ВД2;

П — и немного погодя уснули все

Как стекло, недвижимы они и, как зеркало, отдают в себе голые вершины гор и зеленые их подошвы. ВД1;

ВД2, П — Как стекло

Горы этой нет выше между Карпатом как царь подымается она над другими. ВД1, ВД2;

П — между Карпатами

Ты страшна: у тебя из глаз вытягиваются железные клещи ... ух, какие длинные! ВД1, ВД2;

П — ух какие дивные

Я ушла так тихо, что ни кошка, ни собака не услышала. ВД1, ВД2;

П — ни кошка, ни собака не слышали

«А у меня монисто есть, парубки!» сказала она наконец, остановившись: «а у вас нет!.. Где муж мой?» вскричала она вдруг, выхватив из-за пояса турецкий кинжал.

ВД1 — вскрикнула она

«Слушайте, слушайте!» и, вместо слов, начала она петь песню...

ВД1 — уже вместо слов

Острые сучья царапают белое лицо и плеча; ветер треплет расплетенные косы; давние листья шумят под ногами ее — ни на что не глядит она. ВД1, ВД2;

П — осенние листья шумят под ногами

Все паны и гетманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. ВД1, ВД2;

П — этому чуду

«А то что такое?» допрашивал собравшийся народ старых людей, указывая на далеко мерещившиеся на небе и больше похожие на облака серые и белые верхи.

ВД1 — белые горы

Отчаянный колдун летел в Киев к святым местам. ВД1, ВД2;

П — ко святым местам

Изумился святой схимник в первый раз, и отступил, увидев такого человека. ВД1;

П — святой схимник [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

«Гляди: святые буквы в книге налились кровью...»

ВД1 — поналивались кровью

Тут чудится колдуну, что всё в нем замерло, что недвижимый всадник шевелится и разом открыл свои очи; увидел несшегося к нему колдуна и засмеялся. ВД2, ВД2;

П — а вдруг открыл свои очи

Еще один всех выше, всех страшнее, хотел подняться из земли; но не мог, не в силах... ВД1, ВД2;

П — подняться от земли

Еще один всех выше, всех страшнее, хотел ~ бы поднялся, то опрокинул бы и Карпат, и Седмиградскую и Турецкую землю, немного только подвинулся он, и пошло от того трясение по всей земле. ВД1, ВД2;

П — Седмиградскую и Турецкую земли

Но старики, которые живут и в Венгрии, и в Галичской земле, лучше знают это и говорят: что то хочет подняться выросший в земле великий, великий мертвец и трясет землю.

ВД1 — выросший под землею

Вот объявил король Степан, что если сыщется смельчак и приведет к нему того пашу живого или мертвого, даст ему одному столько жалованья, сколько дает на всё войско. ВД1, ВД2;

П — приведет к нему пашу

По над самым провалом дорога — два человека еще могут проехать, а трое ни за что. ВД1;

ВД2, П — Но над самым провалом

И конь с козаком и младенцем полетел в провал.

ВД1 — конь с козаком и с младенцем полетел;

П — конь с козаком и младенцем полетели

Брат мой милый! коли меня пикой, когда уже мне так написано на роду, но возьми сына! чем безвинный младенец виноват, чтобы ему пропасть такую лютою смертью? ВД1, ВД2;

П — невинный младенец

«И когда придет час меры в злодействах тому человеку, подыми меня, боже, из того провала...»

ВД1 — И как придет

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА

Положил я ее в маленький столик; вы, думаю, его хорошо знаете: он стоит в углу, когда войдешь в дверь...

ВД1 — войдешь в двери

Старуха моя, с которой живу уже лет тридцать вместе, грамоте сроду не училась; нечего и греха таить.

ВД1 — с которой уже живу

Вот замечаю я, что она пирожки печет на какой-то бумаге.

ВД1 — печет всё на какой-то бумаге

Вот еще вам примета: когда ходит он, то всегда размахивает руками. ВД1, ВД2;

П — Вот вам еще примета

Уже четыре года, как Иван Федорович Шпонька в отставке и живет в хуторе своем Вытребеньках. ВД1, ВД2;

П — живет на хуторе своем

Когда был он еще Ванюшею, то обучался в гадячском поветовом училище и, надобно сказать, что был преблагонаправный и престарательный мальчик. ВД1, ВД2;

П — надобно сказать, был преблагонаправный

Когда кому нужда была в ножике очинить перо, то он немедленно обращался к Ивану Федоровичу, зная, что у него... ВД1, ВД2;

П — тот немедленно обращался

Такое благонравие скоро привлекло ~ шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводил страх на весь класс.

ВД1 — лицо, изузоренное оспою

Было уже ему без малого пятнадцать лет, когда перешел он во второй класс, где, вместо сокращенного катихизиса и четырех правил арифметики, принялся он за пространный, за книгу о должностях человека и за дроби. ВД1, ВД2;

П — Было уже без малого пятнадцать лет ему

П*** пехотный полк был совсем не такого сорта, к какому принадлежат многие пехотные полки; и, несмотря на то, что он большею частию стоял по деревням, однако ж был на такой ноге, что не уступал иным и кавалерийским. ВД1, ВД2;

П — несмотря на то, что он большею частию стоял по деревням, он

был

Чтоб еще более показать читателям ~ исподнее платье, что не везде и между кавалеристами можно сыскать. ВД1, ВД2;

П — чего не везде и между кавалеристами можно сыскать

Таким образом, когда другие разъезжали на обывательских по мелким помещикам, он, сидя на своей квартире, упражнялся в занятиях... ВД1, ВД2;

П — сидя в своей квартире

И взводом своим он так командовал, что ротный командир всегда ставил его в образец.

ВД1 — командир ставил всегда его в образец

Иной на его месте, получивши такой чин, возгордился бы; но гордость совершенно была ему неизвестна: и сделавшись подпоручиком, он был тот же самый Иван Федорович, каким был некогда и в прапорщичьем чине. ВД1, ВД2;

П — в прапорщичьем чине

Так чиновник с большим наслаждением читает адрес-календарь по несколько раз в день, не для каких-нибудь дипломатических затей, но его тешит до крайности печатная роспись имен.

ВД1 — по несколько раз на день

Солнце давно уже зашло, когда он въехал с кибиткою и с жидом на постоялый двор. ВД1, ВД2;

П — въехал

В них обыкновенно с большим усердием потчевают путешественника сеном и овсом, как будто бы он был почтовая лошадь. ВД1, ВД2;

П — потчуют путешественника

Иван Федорович, зная всё это, заблаговременно ~ недостатка ни в одном постоялом дворе, начал свой ужин, усевшись на лавке перед дубовым столом, неподвижно вкопанным в глиняный пол. ВД1, ВД2;

П — ни на одном постоялом дворе

Ворота заскрипели; но бричка долго не въезжала на двор. ВД1, ВД2;

П — заскрипели

«Я въеду», услышал Иван Федорович: «но если хоть один клоп укусит меня в твоей хате, то прибью, ей богу, прибью, старая колдунья!» ВД1, ВД2;

П — Я въеду

Голова его неподвижно покоилась на короткой шее, казавшейся еще толще от двухэтажного подбородка. ВД1, ВД2;

П — шее, которая казалась еще толще

«А позвольте спросить, с кем имею честь говорить?»

ВД1 — А позвольте узнать

«Постой, рожа! где погребец со штофиками? Иван Федорович!» говорил он, наливая в рюмку настойки: «прошу покорно лекарственной!» ВД1, ВД2;

П — наливая рюмку настойки

И чем бы вы думали?

ВД1 — И чем бы вы полагали?

Ваш жид будет шабашовать, потому что завтра суббота, и потому вам нечего вставать рано. ВД1, ВД2;

П — так вам нечего и вставать

Тут камердинер Григория Григорьевича стащил с него сюртук и сапоги и натянул вместо того халат, и Григорий Григорьевич повалился на постель, и, казалось, огромная перина легла на другую. ВД1, ВД2;

П — и сапоги, натянув на него вместо того халат; а Григорий Григорьевич повалился на постель

На другой день, когда проснулся Иван Федорович, уже толстого помещика не было. ВД1, ВД2;

П — толстого помещика уже не было

На третий день после этого приближался он к своему хуторку. ВД1, ВД2;

П — после того

Некоторые с лаем кидались под ~ один, стоя возле кухни и накрыв лапою кость, заливался во всё горло; другой лаял издали и бегал взад и вперед, помахивая хвостом... ВД1, ВД2;

П — одна, стоя возле кухни и накрыв лапою кость, заливалась во всё горло; другая лаяла издали и бегала взад и вперед

Некоторые с лаем кидались под ноги лошадям; другие ~ приговаривая: посмотрите, люди крещеные, какой я прекрасный молодой человек!

ВД1 — посмотрите, какой я прекрасный молодой человек!

ВД2, П — посмотрите, люди крещеные, какой я молодой человек!

Свинья, прохаживавшаяся по двору с шестнадцатью поросенками, подняла вверх с испытующим видом свое рыло и хрюкнула громче обыкновенного. ВД1, ВД2;

П — поросятами

Свинья, прохаживавшаяся по двору с шестнадцатью поросенками, подняла вверх с испытующим видом свое рыло и хрюкнула громче обыкновенного. ВД1, ВД2;

П — хрюкала громче обыкновенного

На дворе лежало на земле множество ряден с пшеницею, просом и ячменем, сушившихся на солнце. ВД1, ВД2;

П — сушившимися на солнце

Иван Федорович так был занят рассматриванием этого, что очнулся тогда только, когда пегая собака укусила слазившего с козел жида за икру. ВД1, ВД2;

П — слезавшего с козел

Но тетушка, которая еще издали завидела рогожаную кибитку, была уже здесь. ВД1, ВД2;

П — рогожную кибитку

Тетушка Василиса Кашпоровна в это время имела лет около пятидесяти. ВД1, ВД2;

П — Кашпаровна [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

Казалось, что природа сделала ~ по будням капот с мелкими оборками и красную кашемировскую шаль... ВД1;

ВД2, П — капот с мелкими сборками

Казалось, что природа сделала ~ красную кашемировскую шаль в день... ВД1, ВД2;

П — кашемировую шаль

Зато занятия ее совершенно соответствовали ~ дерево и трусила груши; била ленивых вассалов своею страшною рукою и подносила достойным рюмку водки из той же грозной руки. ВД1, ВД2;

П — трясла груши

Зато занятия ее совершенно соответствовали ~ рукою и подносила достойным рюмку водки из той же грозной руки. ВД1, ВД2;

П — подносила достойным рюмку водки тою же грозною рукою

Почти в одно время она бранилась, красила пряжу, бегала на кухню, делала квас, варила медовое варенье и хлопотала весь день и везде попевала. ВД1, ВД2;

П — хлопотала во весь день

Следствием этого было то, что маленькое именище Ивана Федоровича, состоявшее из осьмнадцати душ по последней ревизии, процветало в полном смысле сего слова. ВД1, ВД2;

П — в полном смысле слова

Единодушный взмах десятка и более блестящих ~ оживлено всё: степь краснеет, синееет и горит цветами; перепелы, дрофы... П;

ВД1, ВД2 — говорит цветами

Единодушный взмах десятка и более блестящих ~ насекомых, и от них свист, жужжание, треск, крик и вдруг стройный хор; и всё не молчит ни на

минуту. ВД1, ВД2;

П — от них

Трудно рассказать, что делалось тогда с Иваном Федоровичем.

ВД1 — что делалось с Иваном Федоровичем

Он забывал, присоединясь к косарям, отведать их галушек, которые очень любил, и стоял недвижимо на одном месте, следя глазами пропадавшую в небе чайку, или считая копы нажатого хлеба, унизывавшие поле. ВД1, ВД2;

П — унизывавшие поле

Я помню, когда приехала на самое Пущенье, перед Филипповкою, и взяла было тебя на руки, то ты чуть не испортил мне всего платья; к счастью, что успела передать тебя мамке Матрене. ВД1, ВД2;

П — ты чуть не испортил

Этой пузатой шельме досталось всё его имение. ВД1, ВД2;

П — всё имение

Но так как ты говоришь, что он тебя хорошо принял, то поезжай к нему! ВД1, ВД2;

П — поезжай к нему

Пожалуй, можешь поехать и в бричке, только проклятая дитвора повыдергивала сзади все гвозди. ВД1, ВД2;

П — повыдергала

Этим окончился разговор. ВД1, ВД2;

П — Этим кончился разговор

Дом этот был длинный и не под очеретною, как у многих окружных помещиков, но под деревянною крышею. ВД1, ВД2;

П — очеретяною

Два амбара в дворе тоже под деревянною крышею; ворота дубовые. ВД1, ВД2;

П — Два амбара на дворе

«Большую частью занятия по хозяйству... ВД1, ВД2;

П — Большую частью по хозяйству

„Скажи Касьяну, чтобы ворота сейчас запер, слышишь, запер крепче!

А коней вот этого...“

ВД1 — крепко!

А коней вот этого пана распрег бы сию минуту!

ВД1 — этого пана, что приехал

„Я хотел сказать...“ осмелился прервать Иван ~ записи... по ней следует-с мне...» ВД1;

ВД2, П — по ней следует мне

Никакой дарственной записи дядюшка не делал.

ВД1 — покойный дядюшка не делал

При сем он потащил Ивана Федоровича за руку в комнату, в которой стояли на столе водка и закуски. ВД1, ВД2;

П — Тут он потащил

При сем он потащил Ивана Федоровича за руку в комнату, в которой стояли на столе водка и закуски. ВД1, ВД2;

П — стояли на столе

Старушка смотрела пристально на Ивана Федоровича, или, может быть, только казалась смотревшею. ВД1, ВД2;

П — смотрящею

Вы потчевайте только, а пили ли мы, или нет, это наше дело. ВД1, ВД2;

П — потчуйте

Вы потчевайте только, а пили ли мы, или нет, это наше дело. ВД1, ВД2;

П — наше дело

Иван Федорович! прошу золототысячниковой, или трохимовской сивушки, какой вы лучше любите?

ВД1 — Трохимовского сивушки

Иван Федорович! прошу золототысячниковой, или трохимовской сивушки, какой вы лучше любите? ВД1, ВД2;

П — какую вы лучше любите

«Очень много изволили перемениться с того времени, как я вас знаю. Как же», продолжал Иван Иванович: «я еще помню вас вот какими!» ВД1, ВД2;

П — помню вас вот такими

Что это за дыни? ВД1;

ВД2, П — Что за дыни?

Все вышли в столовую. ВД1;

ВД2, П — нет.

НОВЫЙ ЗАМЫСЛ ТЕТУШКИ. ВД1, ВД2;

П — ЗАМЫСЕЛ ТЕТУШКИ [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

Таким вопросом встретила Ивана Федоровича тетушка, которая с нетерпением дожидалась его уже несколько часов на крыльце и не вытерпела наконец, чтоб не выбежать за ворота.

ВД1 — С таким вопросом

Но с этого времени она только и думала о том, как увидеть скорее своего племянника женатым и понянчить маленьких внучков. ВД1, ВД2;

П — внучат

Часто, делая какое-нибудь пирожное, которое вообще она никогда... ВД1, ВД2;

П — пирожное, которого

Даже оставила она любимые свои занятия и не ездила на охоту, особливо, когда, вместо куропатки, застрелила ворону, чего никогда прежде с нею не бывало. ВД1, ВД2;

П — никогда с нею не бывало

Долгом почитаю предупредить читателей, что это была именно та самая бричка, в которой еще ездил Адам; и потому, если кто будет выдавать другую за адамовскую, то это сушая ложь, и бричка непременно поддельная. ВД1, ВД2;

П — ездил еще Адам

После сего последовало всеобщее лобызание. ВД1, ВД2;

П — После этого

Ни одна мысль не приходила на ум. ВД1, ВД2;

П — не приходила ему на ум

Старушка и барышни вышли на крыльцо проводить гостей и долго еще кланялись выглядывавшим из брички тетушке и племяннику. ВД1, ВД2;

П — и долго еще кланялись тетушке и племяннику, выглядывавшим из брички

Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня; но жениться!.. это казалось ему так странно, так чудно, что он никак не мог подумать без страха. ВД1, ВД2;

П — казалось ему так страшно

Пот проступал у него на лице, по мере того, чем более углублялся он в

размышление. ВД1, ВД2;

П — как углублялся он

То вдруг он прыгал на одной ноге; а тетушка, глядя на него, говорила с важным видом: «Да, ты должен прыгать, потому что ты теперь уже женатый человек». ВД1, ВД2;

П — ты теперь женатый

Иван Федорович берет под мышку, идет к жиду, портному. ВД1, ВД2;

П — берет ее под мышку

Холодный пот лился с него градом. ВД1, ВД2;

П — просыпается Иван Федорович

Холодный пот лился с него градом. ВД1, ВД2;

П — пот льется

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

Всего мне было лет одиннадцать; так нет же, не одиннадцать: я помню как теперь, когда раз побежал было на четверенках и стал лаять по-собачьи, батяко закричал на меня, покачав головою: «Эй, Фома, Фома!»

ВД1 — побежал было я на четверенках

Дед был еще тогда жив и на ноги, — пусть ему легко икнется на том свете, — довольно крепок.

ВД1 — вкусно икнется

Дед засеял баштан на самой дороге и перешел жить в курень; взял и нас с собою гонять воробьев и сорок с баштану.

ВД1 — забрал и нас с собою

Раз, — ну вот, право, как будто теперь случилось, — солнце стало, уже садиться; дед ходил по баштану и снимал с кавунов листья, которыми прикрывал их днем, чтоб не попеклись на солнце.

ВД1 — поприкрывал их

Но куда уже тут до люлек? ВД1, ВД2;

П — Но куда же

После полдника стал дед потчевать гостей дынями.

ВД1 — После полудника

Вот каждый, взявши по дыне, обчистил ~ уже, как едят в свете; пожалуй и за панской... ВД1, ВД2;

П — на свете

Только что дошел однако ж до половины и хотел разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, — не поднимаются ноги, да и только! ВД1, ВД2;

П — какую-то штуку

Ну, как наделать страму перед чумаками? ВД1, ВД2;

П — сраму

Пустился снова и начал чесать дробно, мелко, любо глядеть; до середины — нет! не вытанцовывается, да и полно! ВД1, ВД2;

П — не вытанцовывается [Аналогичное исправление дальше не указывается.]

Вот, перетянувши сломленную, видно, вихрем порядочную ветку дерева, навалил он ее на ту могилку, где горела свечка, и пошел по дорожке. ВД1, ВД2;

П — сломанную

А дождь пустился, как будто из ведра. ВД1, ВД2;

П — как из ведра

Свечка погасла; на могиле лежал камень, заросший травой.

ВД1 — Свечка потухнула

«Нет, не любит, видно, чорт табаку!» продолжал он, кладя рожок в пазуху и принимаясь за заступ. ВД1, ВД2;

П — за пазуху

«Нет, не любит, видно, чорт табаку!» продолжал он, кладя рожок в пазуху и принимаясь за заступ. ВД1, ВД2;

П — дед

Вот, собравши все силы, ухватился он за него руками: «ну, разом, разом! еще, еще!» ВД1, ВД2;

П — разом, еще, еще, еще

«Ай!» закричало басом. Глядь — дед. Ну, кто его знает! Ей богу, думали... ВД1, ВД2;

П — Ай! что-то закричало басом

Признаюсь, хоть оно и грешно немного, а право, смешно показалось, когда седая голова деда вся была окунута в помои и обвешана корками с арбузов и дыней. ВД1, ВД2;

П — корками от арбузов и дынь

«Вишь, чортова баба!» сказал дед, утирая голову полою: «как опарила! Как будто свинью перед...» ВД1, ВД2;

П — обтирая голову

И, бывало, чуть только услышит старик, что в ином месте не спокойно: «а ну-те, ребята, давайте крестить!» закричит к нам: «так его! так его! хорошенько!...» ВД1, ВД2;

П — закричит нам

А то проклятое место, где не вытанцовалось, загородил плетнем, велел кидать все, что ни есть непотребного, весь бурьян и сор, который выгребал из баштана.

ВД1 — загородил плетнем и велел кидать

Я знаю хорошо эту землю: после того нанимали ее у батька под баштан соседние козаки. ВД1, ВД2;

П — у батьки

КОММЕНТАРИИ

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ. (ВВЕДЕНИЕ К КОММЕНТАРИЯМ.)

I.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» печатаются в том составе и в той последовательности самих повестей и обрамляющих их материалов («Предисловия», «Словарики»), в каком этот сборник был напечатан при жизни Гоголя во втором отдельном издании 1836 г. В приложения отнесены: не воспроизведенный в 1836 г. беллетризованный список «Опечаток» к первой книжке «Вечеров» издания 1831 г., «Предисловие», предпосланное I тому «Сочинений» 1842 г., а также связанный с работой Гоголя над «Вечерами» черновой отрывок «Я давно уже ничего не рассказывал вам...»

Для семи повестей из общего числа восьми, составивших обе части «Вечеров», последний авторитетный авторский текст дает отдельное издание 1836 г. — этот текст и взят в основу настоящего издания. Поправки, сделанные Н. Я. Прокоповичем в первом томе «Сочинений» 1842 г., согласно общим принципам издания, в текст не вводятся. При жизни Гоголя было отпечатано и просмотрено им 9 листов первого тома второго собрания «Сочинений», «Вечера» обрываются в них на половине повести «Ночь перед Рождеством» (на словах: «Прощайте, братцы!» кричал в ответ кузнец: «даст бог увидимся на...»). Разночтения с предыдущими изданиями, представляемые здесь повестями «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь», «Пропавшая грамота» и первой половиной «Ночи перед Рождеством», вполне аналогичны по своему характеру правке Н. Я. Прокоповича в «Сочинениях» 1842 г. Эти разночтения отражают, по-видимому, корректорскую работу М. Н. Лихонина, и их авторитетность была справедливо взята под сомнение уже первыми редакторами критических изданий Гоголя. В настоящем томе разночтения издания «Сочинений» 1855 г. в основной текст перечисленных повестей, как правило, не вносятся.

История авторского текста первой повести «Вечеров», «Сорочинской ярмарки», представляет бóльшую сложность, чем семи последующих. Гоголь просмотрел ее, по-видимому, гораздо внимательнее, чем остальные повести, и внес целый ряд существенных стилистических исправлений.

Пренебречь ими, разумеется, нельзя, но вместе с тем нельзя признать текст издания 1855 г. авторитетной авторской редакцией «Сорочинской ярмарки»: в нем сохранились нивелирующие своеобразие языка писателя исправления Н. Я. Прокоповича, а правка Гоголя сочеталась с правкой М. Н. Лихонина (см. об этом подробнее ниже, в соответствующем разделе комментария). Поэтому в настоящем издании и для «Сорочинской ярмарки», как для остальных семи повестей «Вечеров», был взят в основу текст отдельного издания 1836 г., а по первому тому «Сочинений» 1855 г. были внесены только те исправления, которые могут быть с полной убедительностью приписаны Гоголю. При этом оказалось легко выполнимым и полное устранение правки Н. Я. Прокоповича, так как авторские исправления на них не налагались.

Таким образом, текст «Вечеров на хуторе близ Диканьки», очищенный от посторонней правки, дается в настоящем издании в последней по времени авторской редакции, а работа писателя над первым циклом своих повестей документируется полным воспроизведением всех сохранившихся черновых рукописей и сводом вариантов.

История и хронология создания «Вечеров на хуторе близ Диканьки» может быть восстановлена только в самых общих чертах. Скучные и туманные упоминания в письмах Гоголя и беглые записи материалов, использованных в повестях, в его «Книге всякой всячины» с трудом поддаются расшифровке, а палеографические данные четырех сохранившихся рукописей («Сорочинской ярмарки», «Майской ночи», «Пропавшей грамоты» и «Ночи перед Рождеством») мало в чем уточняют хронологию, установленную справками о сроках выхода обеих книжек первого издания сборника и дате их цензурных разрешений. Между тем, этими материалами исчерпываются находящиеся в распоряжении исследователей источники.

Возникновение замысла, если не самого цикла, то отдельных вошедших в него повестей, следует отнести, вероятно, уже к первым месяцам пребывания Гоголя в Петербурге, то есть к началу 1829 г. Осмотревшись в столице и связавшись с жившими здесь земляками, Гоголь обнаружил и в литературных и в более широких общественных кругах живой интерес к фольклорным и этнографическим материалам, в частности украинским. Естественно, что именно в это время Гоголь, уже значительно охладевший к ранним стихотворным опытам, мог задаться мыслью использовать в литературной работе свое знание быта, сказаний и песен родной Украины. Между тем, осведомленность писателя носила весьма общий характер, и недостаточность запаса конкретных сведений

обнаружилась, как только он приступил к осуществлению своих замыслов. Для сбора на месте нужных материалов Гоголь был принужден обратиться к помощи матери, сестры, а через них к более широкому кругу своих родных и знакомых.

Запросы об «обычаях и нравах малороссиян» появляются в письмах к матери от 30 апреля и 22 мая 1829 г. — эти два письма и служат первыми документальными свидетельствами о начале работы Гоголя над повестями, составившими позднее «Вечера на хуторе близ Диканьки»; в письме от 22 мая отмечается: «Я думаю, вы не забудете моей просьбы извещать меня постоянно об обычаях малороссиян. Я всё с нетерпением ожидаю вашего письма. Время свое я так расположил, что и самое отдохновение, если не теперь, то в скорости, принесет мне существенную пользу». Характерно, что только в двух первых цитированных письмах к матери Гоголь конкретно указывает, какие именно сведения ему нужны («описание полного наряда сельского дьячка», «подробное описание свадьбы», «о некоторых играх, из карточных: у Панхвиля...» и т. д.). В последующих письмах такие конкретные требования исчезают, но на разные лады варьируется более общего характера просьба доставлять сведения «о поверьях, обычаях малороссиан, сказках, преданьях, находящихся в простонародьи» (см. письма от 24 июля и 12 ноября 1829 г., 2 февраля и 2 апреля 1830 г.). Создается впечатление, что Гоголь, начав свои запросы с выяснения отдельных деталей, потребность которого назрела в ходе разработки определенных тем, перешел затем к широкой заготовке материалов, которые в свою очередь могли подсказать темы, дать сюжеты для повестей. Именно к сообщениям сюжетного характера возрастает его интерес. Мать он просит тотчас же написать, «если где-либо услышите какой забавный анекдот между мужиками в нашем селе, или в другом каком, или между помещиками»; предлагает расспросить теток, «какие анекдоты и истории случались в их время — смешные, забавные, печальные, ужасные». Уже одно это свидетельствует, что в замыслах Гоголя намечалась целая серия повестей. Туманные намеки в письмах также говорят об обширном труде, осуществление которого потребует долголетних занятий.

Если уже на первых стадиях работы, летом или даже весной 1829 г., возникал замысел «Вечеров», как сборника повестей, то естественно напрашивается вопрос, чем Гоголь, кроме общей тематики, предполагал их объединить. Образ «издателя» пасичника Рудого Панька, подсказанный, согласно сообщению Кулиша, П. А. Плетневым, возник позже, когда основная часть материалов обеих книжек «Вечеров» была написана.

«Предисловие» уже post factum объясняло некоторую разнородность состава книги сообщением, что рассказчиков было несколько. На ранних этапах циклизация повестей могла слагаться вокруг образа рассказчика дьячка Фомы Григорьевича, гораздо органичнее связанного с отдельными частями повествования, чем фикции «панича в гороховом кафтане» или любителя страшных историй. Ему приписаны три повести («Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота», «Заколдованное место»), сказовая манера изложения которых определялась проставленным при них подзаголовком «Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви». Так как первая из названных повестей является едва ли не самой ранней, а подробное «описание полного наряда сельского дьячка», позже использованное для характеристики Фомы Григорьевича в «Предисловии», Гоголь затребовал еще в письме от 30 апреля 1829 г., то можно высказать догадку, что уже в первоначальном замысле на этот образ возлагалась важная композиционная функция объединения отдельных повестей в цельный сборник. В этой связи следует отметить, что зачин «Вечера накануне Ивана Купала» построен как введение к связной серии рассказов, общая тематика которых, полуисторическая, полуфантастическая, намечалась тут же. Однако предположение писателя не оформилось достаточно четко и не помешало ему переходить от сказа к «безличной» форме повествования. К тому же намерение издать «Вечера» книгой определилось вполне только в марте—апреле 1830 г., когда Гоголь, напечатавший «Вечер накануне Ивана Купала» в «Отечественных Записках» и оставшийся недовольным редакторскими приемами П. П. Свиньина, прекратил публикацию повестей в журналах.

Все повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки» были написаны в сравнительно короткий промежуток времени между апрелем—маем 1829 и январем 1832 г. При этом в начале этого периода Гоголь был отвлечен от работы первой заграничной поездкой (август—сентябрь 1829 г.), а в конце — работой над историческим романом «Гетьман».

Сведения, о которых Гоголь запрашивал мать в письмах от 30 апреля и 22 мая 1829 г., относятся к трем повестям — «Вечеру накануне Ивана Купала», «Майской ночи» и «Пропавшей грамоте». Замыслы этих повестей определились, очевидно, раньше других. Работа над «Майской ночью» (черновой редакцией) была, по-видимому, закончена уже к июлю 1829 г., так как Гоголь, не дождавшись присланных ему матерью в письме от 2 июля материалов, воспользовался имевшимся у него и записанным в «Книге всякой всячины» кратким описанием игры в «ворона». С равным основанием можно считать, что и «Вечер накануне Ивана Купала» был

одной из первых завершенных в начальной редакции повестей сборника, так как именно с этой вещи Гоголь начал публикацию цикла «Вечеров». Позднее была закончена «Сорочинская ярмарка»: ее черновая рукопись набросана на бумаге с водяными знаками 1829 и 1830 гг. Нужно, однако, отметить, что сам Гоголь (во втором издании «Вечеров») датировал повесть 1829 годом, имея в виду, вероятно, начало работы над ней или даже время возникновения замысла. Наконец, предельный срок, к которому были закончены и отделаны все повести первой книги «Вечеров», устанавливается датой ее цензурного разрешения — 26 мая 1831 г.

К концу мая 1831 г. была готова не только вся первая, но и значительная доля второй части «Вечеров»: в противном случае Гоголь, в особенности после неудачи с «Ганцем Кюхельгартенем», вряд ли решился бы проставить на титульном листе слова «Первая книжка», а в предисловии дать определенное обязательство издать продолжение в ближайшем будущем. С другой стороны, сравнительно короткий, пятимесячный срок, разделявший выход в свет первой книжки и сдачу в цензуру рукописи второй, к тому же при занятости писателя другими замыслами, был вряд ли достаточным для создания четырех новых повестей. Работу над «Ночью перед Рождеством» Н. С. Тихонравов относит, руководясь палеографическими данными, в основном к 1830 г.; к раннему времени может быть также отнесена повесть «Заколдованное место», написанная, от лица Фомы Григорьевича. Очевидно, только две оставшиеся повести были закончены позднее. Можно предполагать, что «Иван Федорович Шпонька и его тетюшка», выделяющийся в составе сборника своим реализмом и свидетельствующий о переходе Гоголя к новой художественной манере, был последней по времени написания повестью «Вечеров». К 31 января 1832 года (дата цензурного разрешения второй книжки «Вечеров на хуторе близ Диканьки») работа Гоголя над первым циклом его повестей закончилась.

В «Предисловии» к первой книжке «Вечеров» читатели предупреждались, что во второй части найдутся «статья может... побасенки самого пасичника». Это полуобещание выполнено не было, но оно свидетельствует, что у Гоголя, во время работы над сборником, намечались некоторые не получившие осуществления замыслы (ср. с этим в концовке черновой редакции «Ночи перед Рождеством» еще более определенное, но так же не выполненное обещание дать в дальнейшем подробное описание свадьбы). В рукописях сохранился только один набросок, относящийся к неосуществленным повестям «Вечеров». Это — воспроизведенный в приложении к настоящему тому отрывок «Я давно уже

ничего не рассказывал вам...» Впервые опубликованная П. А. Кулишом («Записки о жизни Гоголя», I, стр. 164) и более исправно Н. С. Тихонравовым (Соч., 10 изд., V, стр. 94) запись эта находится в тетради ЛБ18 (стр. 137), где следует тотчас же за «Ночью перед Рождеством» и набросками статьи «Несколько слов о Пушкине»; своим стилем она напоминает вступление рассказчика в «Вечерах» и представляет собою, очевидно, заготовку для какой-то повести второй части. В таком случае отрывок следует датировать 1831 годом (концом его). Возможно, впрочем, предположение и о более поздней дате — 1832 г.; в этом случае набросок свидетельствовал бы о намерении Гоголя продолжить «Вечера». Позднее материал отрывка был использован Гоголем в «Старосветских помещиках», — именно в размышлениях автора о «гармонических грезах», «которые ощущаете вы, сидя на деревенском балконе, обращенном в сад, когда прекрасный дождь роскошно шумит, хлопая по древесным листьям, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на наши члены».

Печатание первой книжки «Вечеров», на медлительность которого Гоголь жаловался в письме к А. С. Данилевскому от 2 мая 1831 г., продолжалось все лето. В свет книга вышла только в первых числах сентября, как это устанавливается письмом Гоголя к В. А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г., при котором Гоголь препровождал экземпляры сборника Пушкину, Жуковскому и А. О. Россет. Печатание второй книжки заняло гораздо меньше времени, и она вышла в свет в начале марта 1832 г. (ср. письмо к А. С. Данилевскому от 10 марта 1832 г., при котором посылалась книга). Одновременно с ней издатель А. Ф. Смирдин, ссылаясь на то, что второй книжки «у него не покупали без первой», отпечатал но новому набору, строка в строку воспроизводящему начальный, 150 экземпляров первой части «Вечеров» (см. письмо к М. П. Погодину от 1 февраля 1833 г.). Это, по существу, второе издание разнилось от первого только мелкими типографскими отличиями — титульный лист был набран более крупным шрифтом, оказались исправленными некоторые опечатки на стр. 3, 72, 79 и 148 (хотя список опечаток воспроизводился в прежнем виде), была дана иная обложка с иным текстом объявлений (см. описание Н. С. Тихонравова, пользовавшегося экземпляром библиотеки Исторического музея, Соч., 10 изд., I, стр. 511).

Уже летом 1832 г. Гоголь начал задумываться о повторном издании «Вечеров» (см. письмо к М. П. Погодину от 20 июня 1832 г.). Цензурное разрешение второго издания помечено 10 ноября 1834 г., но отпечатано оно было только через год с лишним и поступило в продажу в январе 1836 г. (см. извещение в «Северной Пчеле» 1836, № 26 от 1 февраля). Причина

задержки остается неизвестной. Основной тираж обоих первых изданий «Вечеров на хуторе близ Диканьки» составлял обычные в то время 1200 экземпляров (ср. цитированное выше письмо к М. П. Погодину).

Включая «Вечера» в собрание «Сочинений» 1842 г., Гоголь предпослал этому изданию особое «Предисловие», характеризующее позднейшее отношение писателя к своим первым книгам (см. текст «Предисловия» в приложении к настоящему тому). Точная датировка «Предисловия» затруднительна; можно, однако, предполагать, что написано оно перед самым отъездом Гоголя за границу, то есть в самом начале 1842 г., когда он препоручил все дела по изданию «Сочинений» Н. Я. Прокоповичу (ср. письмо к С. П. Шевыреву от 4 июня 1842 г.).

II.

После неудачи с «Ганцем Кюхельгартенем», сурово встреченным критикой, Гоголь мог опасаться такого же провала с первой книжкой «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Но этого не случилось. Псевдоним «В. Алов» не был раскрыт, и в критике не делалось сопоставлений между новой книгой и идиллией, которую дебютировал молодой автор.

Ко времени появления в печати первой книжки «Вечеров» Гоголь становился уже известным в литературных кругах. В мае 1831 г. он познакомился с Пушкиным, и Пушкину принадлежит первый из известных нам отзывов современников о «Вечерах». В ответ на письмо Гоголя от 21 августа 1831 г. с сообщением о весельи наборщиков, хохотавших над присланными в типографию «штучками» («оченно до чрезвычайности забавны» — пояснял фактор), Пушкин писал 25 августа: «Поздравляю Вас с первым Вашим торжеством, с фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого: толков журналистов и отзыва остренького сидельца» (подразумевался Н. А. Полевой). По получении книги Пушкин писал А. Ф. Воейкову в половине сентября: «Сейчас прочел Вечера близ Диканьки. Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались Вечера, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих

наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов. Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на неприличие его выражений, на дурной тон и проч. Пора, пора нам осмеять *Les précieuses ridicules* нашей словесности, людей, толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и всё это слогом камердинера профессора Тредьяковского».

Письмо было написано в тоне журнальной статьи, и Воейков использовал его в печати. Оно было воспроизведено в рецензии на «Вечера» Л. А. Якубовича («Литературные прибавления к Русскому Инвалиду» 1831, № 79 от 3 октября). От себя рецензент замечал, что «повести свои рассказывает пасичник Рудый Панек без вычур, без хитрости, без требований на ученость и славу. Лица его не подмалеваны, нет общих мест, пошлых и тошных, происшествия не притянуты за волосы, веселость неподдельная, остроумие не выкраденное: в них всё просто — и потому всё прекрасно! — ибо первое условие прекрасного — простота». Заклучалась статья обращенным к автору «Вечеров» приглашением «не замедлить изданием 2-ой части своего прекрасного сочинения» и обещанием «поговорить, при случае, побольше... о повестях русских, в числе которых Вечера занимают одно из мест почетнейших».

Вторично отзыв Пушкина был напечатан в переводе в издававшемся в Петербурге журнале «*Le Miroir, journal de littérature et de théâtres*» (1831, № 35 от 28 октября) — в обозрении текущей литературы. Анонимный обозреватель (кажется, О. М. Сомов) писал по поводу «Вечеров» (передаем текст в русском переводе): «Необычно название, под каким только что вышел занимательный сборник украинских повестей. Они довольно многочисленны и все носят наивный и правдивый национальный характер. Под псевдонимом пасичника Рудого Панька автор описывает нравы, обычаи и язык добрых обитателей Украины. Какой рудник для разработки представляет собою наша народность!»

Содержание обеих рецензий определялось отзывом Пушкина. В частном письме, неизбежно лаконичном, Пушкин не мог развернуть широкой характеристики «Вечеров», но он отметил несколько характерных, существенных черт, подхваченных другими критиками — юмор, поэтичность и лиризм книги. Предвидя нападения литературных староверов на «неприличие выражений» и «дурной тон» (что и сбылось), он считал необходимым защитить Гоголя от таких нападков. Однако Пушкин уже тогда не закрывал глаз на некоторые недостатки книги. Впоследствии, рецензируя в 1836 г. в первой книге «Современника» второе

издание «Вечеров», он писал: «Мы так были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых его рассказов». Но и в 1836 г. Пушкин подчеркивал то, что «так необыкновенно в нашей нынешней литературе» — «это живое описание племени поющего и пляшущего, эти свежие картины малороссийской природы, эту веселость, простодушную и вместе лукавую».

В короткой рецензии французского журнала любопытна одна фраза — вырвавшееся у анонимного критика по поводу «Вечеров» восклицание: «какой рудник для разработки представляет собою наша народность». Эта мысль осталась не раскрытой, но она была существенна и неизбежно возникала у других рецензентов. Она была поставлена в первом по времени появления в печати отзыве о «Вечерах», в рецензии В. А. Ушакова в «Северной Пчеле» [Рецензия подписана одной буквой В, но после убедительных соображений В. В. Каллаша («Литературный Вестник» 1902, № 1, стр. 5–9) автором ее следует признать В. А. Ушакова.] (1831, №№ 219 и 220 от 29 и 30 сентября).

Независимо от Пушкина Ушаков высказывает сходные с его суждениями соображения о юморе и лиризме Гоголя, но отмечает, что язык «Вечеров» — «не совершенно отделанный», что «автору нашему недостает творческой фантазии». Он выделяет у Гоголя простоту рассказа и заявляет: «Мы не знаем ни одного произведения в нашей литературе, которое можно бы сравнить в этом отношении с повестями, изданными пасичником Рудым Паньком». Ушаков связывает «Вечера» с целым движением украинской литературы и ее включением в общерусскую. Он пишет: «Небольшое литературное общество, издавна составившееся в Малороссии и постоянно действовавшее в духе местного патриотизма, сколько можно судить по первым трудам оно, имело сперва целью сохранить во всей чистоте особенность своего наречия и оригинальность давнопрошедшего быта... Но в последнее время малороссийская школа оставила сию слишком местную цель свою и обратилась к мысли более глубокой — удерживать только характерное отличие своего наречия, поставляя главнейшею целью раскрывать народность во всей обширности этого понятия... Повести, изданные пасичником Рудым Паньком, представляют нам новый, изящный плод этого же умного и истинно народного усилия».

В. А. Ушаков не развернул своих понятий о народности, но проблема была поставлена, и дальнейшее обсуждение «Вечеров» постоянно к ней возвращалось.

Три изложенные вполне благоприятные рецензии составили первый

круг критических отзывов о «Вечерах». Но предусмотрительный Пушкин «с нетерпением ожидал отзыва остренького сидельца» — Н. А. Полевого, редактора «Московского Телеграфа», находившегося тогда в зените популярности. Незадолго перед тем Полевой напечатал статью «Малороссия, ее обитатели и история» («Московский Телеграф» 1830, № № 17 и 18), с которой полемизировал в «Литературной Газете» (1830, № 8) приятель Гоголя — О. М. Сомов. Полевой одно время думал, что под псевдонимом Рудого Панька скрывается Сомов. Можно было опасаться резкой критики.

В небольшой по объему рецензии («Московский Телеграф» 1831, № 17) Полевой выписывает несколько неудачных по его мнению тирад из «Вечеров», сопровождая их насмешливыми замечаниями: «воля ваша, мы своим русским умом не понимаем этого высокопарения», «желание подделаться под малоруссизм спутало до такой степени ваш язык и всё ваше изложение, что в иных местах и толку не доберешься». «Недостатки слога», «бедность воображения», «неумение увлекать читателя подробностями» — вся рецензия состоит из подобных сентенций. Даже фольклоризм, о котором Полевой заговаривает как-то определеннее других критиков («клад малороссийских преданий и присказок»), нужен критику лишь затем, чтобы уколоть автора. Только гиперболизм и неправильности слога и языка «Вечеров» подмечены чутко, и указания на них могли быть полезны автору. В общем отзыв был беспринципен, пристрастен, недостоин Полевого.

В отличие от предыдущих рецензий, статья Полевого ставила задачу раскрыть недостатки в книге молодого автора. Начинание Полевого было подхвачено литератором-украинцем, задавшимся целью произвести специальную этнографическую экспертизу. В журнале «Сын Отечества и Северный Архив» (1832, т. XXV, № 1–4) была напечатана под псевдонимом «Андрей Царынный» статья А. Я. Стороженко под следующим длинным названием: «Мысли малороссиянина по прочтении повестей пасичника Рудого Панька, изданных им в книжке под заглавием: Вечера на хуторе близ Диканьки, и рецензий на оные». Большой, достигающий 70 страниц объем статьи, растянувшейся в четырех книжках, свидетельствует об обостренном интересе к «Вечерам» в тогдашней журналистике и обществе.

С готовностью присоединившись к стилистической критике Полевого и отводя хвалебный отзыв Пушкина как «кратковременную прихоть поэта», Царынный, неожиданно для самого себя, находит в «Вечерах» немало достоинств, отмечая «живописные картины» и «занимательно рассказанные» народные поверья. Из частных оплошностей Гоголя

Царынный отмечает неправильное истолкование выражения «попа в решетке», ошибочное утверждение, «будто бы понамарь каждый день отправляется с кошельком по церкви», ошибочную деталь, будто бы Молодой Левко играет на бандуре: «у нас играют на бандуре или слепые, или козачки, выученные на сем инструменте для утех праздных панычей и панов». Ошибочным считает Царынный использование Гоголем известной песни «Сонце низенько», где говорится о зимнем морозном вечере, в монологе Левка — в теплый летний вечер. Не без основания указывает Царынный, что песня, пропетая парубками под окном головы, есть «смешение наречий малороссийского с русским». Но такими частностями и ограничилась этнографическая критика Царынного.

В литературной борьбе, возникшей вокруг «Вечеров», Царынный занял среднюю позицию: он не одобрил хвalebного тона первых рецензий, вместе с Полевым критиковал «высокопарность» стиля, выдвинул от себя несколько возражений этнографического и композиционно-логического характера, но, в противоположность Полевому, признал и многие достоинства «Вечеров». Других критиков пристрастность Полевого вызвала на протесты.

Таким протестом была статья О. М. Сомова «Пересмешник. Письмо к издателю Литературных прибавлений о Вечерах на хуторе близ Диканьки, о критике на них г. Полевого и о прочем» [Статья подписана «Никита Луговой»; принадлежность ее О. М. Сомову устанавливается из его собственных показаний — «Русский Архив» 1908, кн. 10, стр. 265–266.] («Литературные прибавления к Русскому Инвалиду» 1831, № 94 от 25 ноября). По существу, статья эта ничего не прибавляла к оценке «Вечеров». Вся она полемически обращена против отзыва Полевого. Дискредитируя познания издателя «Московского Телеграфа» в украинской истории и этнографии, статья Сомова несомненно вредила Полевому и подымала авторитет Гоголя.

Такое же значение имела и рецензия на «Вечера» Н. И. Надеждина в «Телескопе» (1831, октябрь, № 20, Библиография). Возражая Полевому еще резче, чем Сомов, Надеждин писал о самих повестях Гоголя хвalebно: «Содержание их составлено из украинских преданий, обставленных приключениями из действительной жизни. Отсюда их высочайшая истинность, убеждающая сама в себе невольно. Изложение их возвышает прелесть очарования». Критические замечания ограничились указанием сходства «Вечера накануне Ивана Купала» с повестью Тика «Чары любви».

Пока журналисты спорили о первой книжке «Вечеров», автор заканчивал подготовку второй, вышедшей в свет в начале марта 1832 г. Она

вызвала новый ряд отзывов.

Быстро, уже 12 марта, откликнулась «Северная Пчела» (1832, № 59). Рецензент (несомненно, тот же В. А. Ушаков) оценивал вторую книжку так же сочувственно, как и первую, находя в ней те же достоинства. «Телескоп» (1832, № 17) заявил, что во второй книжке «очаровательная поэзия украинской народной жизни представлена во всем неистощимом богатстве родных неподдельных прелестей», что «Рудый Панько владеет кистью смелою, роскошною, могущественною. Его картины кипят жизнью». Особенно выделялась здесь «Страшная месть».

Всего подробнее и содержательнее высказался «Московский Телеграф» (1832, № 6). Под давлением полемики, и, конечно, искренно, продумав наново обе книжки, Н. А. Полевой внес в свою оценку «Вечеров» большие коррективы. Вторая книжка — «гораздо превосходнее первой». «Автор во многих местах очень хорошо воспользовался юмором своих земляков и многое представил в живописном, истинном виде. Его неистощимая веселость дала ему средство оживить свои рассказы». В «Страшной мести» — «многие места прекрасны». «Автор избег во второй книжке той высокопарности слога, в которой мы упрекали его». Впрочем, и во второй книжке Полевой усмотрел «большие неправильности в языке».

Статьей Полевого замыкается круг отзывов, вызванных появлением первого издания «Вечеров». О повестях Гоголя высказались многие, в том числе и крупные литераторы. По инициативе Пушкина установилась общая высокая эстетическая оценка «Вечеров». Как основная черта творческой индивидуальности автора был назван юмор. Установлена была близость сюжетов и отдельных эпизодов и частностей к украинскому фольклору. Отмечались правдивые зарисовки народного быта. Наряду с похвалами, высказывались и порицания, порой существенные и справедливые. Правда, далеко не всегда критики держались на высоком уровне. Проблемы народности и реализма только намечались. Социальное осмысление образов «Вечеров» не осуществилось. Характерно, что такое оригинальное и глубокое произведение, как «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», прошло совсем мимо сознания критики, — эта повесть не получила никакой оценки. В общем, критика 1831–1832 гг. во многом оказалась ниже уровня самих повестей. Задача углубленного истолкования повестей Гоголя перешла к В. Г. Белинскому.

Белинский не написал отдельной статьи о «Вечерах». Он оценивал их совместно с «Миргородом», «Арабесками» и другими произведениям л. Впервые он высказался о «Вечерах» в своих «Литературных мечтаниях» («Молва» 1834; печатание тянулось с сентября по декабрь). Здесь он писал:

«Г. Гоголь, так мило прикинувшийся Пасичником, принадлежит к числу необыкновенных талантов. Кому не известны его Вечера на хуторе, близ Диканьки? Сколько в них остроумия, веселости, поэзии и народности! Дай бог, чтобы он вполне оправдал поданные им о себе надежды...»

Эта высокая оценка чисто художественных достоинств «Вечеров» сохранилась у Белинского навсегда неизменной. В статье «О русской повести и повестях Гоголя» 1835 г. (ценз. разр. — 1 и 21 сентября) Белинский говорит: «Гоголь сделался известным своими „Вечерами на хуторе“. Это были поэтические очерки Малороссии, очерки полные жизни и очарования. Всё, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простолудинов обольстительного, всё, что народ может иметь оригинального, типического, всё это радужными цветами блестит в этих первых поэтических грезах г. Гоголя. Это была поэзия юная, свежая, благоуханная». Но общие оценки творчества Гоголя быстро углублялись у Белинского — в соответствии с ростом самого Гоголя и ростом мировоззрения Белинского. Когда Белинский писал «Литературные мечтания», он знал только первое издание двух книжек «Вечеров». Но перед статьей о повестях Гоголя вышли в свет «Арабески» и «Миргород» (январь и февраль 1835 г.), и понимание Белинским новеллистики Гоголя должно было осложниться. За годы 1831–1835 Гоголь быстро развивался и рос. В 1831 г. Л. А. Якубович пишет о Гоголе как о «юном таланте». Белинский в 1834 г., в «Литературных мечтаниях», о Гоголе говорит, что тот «подает надежды». В апреле 1835 г., в статье «И мое мнение об игре г. Каратыгина», Белинский оговаривается, что «пока еще не видит гения в г. Гоголе». Но осенью того же года, в статье о повестях, Белинский уже утверждает, что Гоголь «является главою литературы», и ставит его рядом с Пушкиным. С другой стороны, на суждениях Белинского о повестях Гоголя отразились его философские искания, диалектика его собственного развития. В «Литературных мечтаниях» он выдвигал юмор «Вечеров»: «сколько в них остроумия, веселости». В этом Белинский совпадал с Пушкиным. Совпадал он с Пушкиным и в оценке гоголевского лиризма. В статье о повестях Белинский говорит о Гоголе: «Я забыл еще об одном достоинстве его произведений: это лиризм, которым проникнуты его описания». Замечательно, что Белинский сближается с Пушкиным и в понимании своеобразного комизма Гоголя, в сочетании веселости и грусти. В статье о повестях Белинский пишет, что у Гоголя «комическое одушевление — всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния». Повести Гоголя «смешны, когда вы их читаете, и печальны, когда вы их прочтете». Только Белинский идет дальше в раскрытии социального

содержания этой грусти и уныния. Так же, как и В. А. Ушаков, но, конечно, совершенно независимо от него, Белинский выдвигает народность творчества Гоголя. «Повести г. Гоголя народны в высочайшей степени, но я не хочу слишком распространяться о их народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условие истинно-художественного произведения, если под народностию должно разуметь верность изображения нравов, обычаев и характера того или другого народа, той или другой страны» («О русской повести» 1835). При этом Белинский спешит сделать существенное добавление: «Народность его поэзии не ограничивается одною Малороссиею» — Гоголь народен и в «Записках сумасшедшего» и в «Невском проспекте». «Если изображение жизни верно, то и народно».

Здесь Белинский подходит к тому определению творчества Гоголя, какое для критика всего существеннее: к реализму. Верность изображения — это и есть реализм. Позднее Белинский так и уточнил свою формулу: «в реализме всего более и состоит народность нашей литературы». В статье о повестях Белинский писал: «Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют — простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике: г. Гоголь — поэт, поэт жизни действительной». В соответствии с тогдашними своими идеалистическими (шеллингианскими) воззрениями Белинский стремился истолковать правдивость и народность творчества Гоголя как объективность, бестенденциозность, бесцельность, бессознательность. Говоря о юморе Гоголя, Белинский пишет: «Автор не позволяет себе никаких сентенций, никаких нравоучений, он только рисует вещи так, как они есть, и ему дела нет до того, каковы они, и он рисует их без всякой цели, из одного удовольствия рисовать». О народности Гоголь «нимало не думает, и она сама напрашивается к нему». Но эта теория «объективности», «бессознательности» творчества плохо вязалась с демократической, революционной натурой критика. Она плохо вязалась и со смыслом лучших украинских повестей Гоголя. Восхваляя поэзию, «идеальную», «объективную», Белинский вдруг начинает убеждать читателя (в той же статье о повестях, 1835 г.), что поэзия реальная ближе к современности: «вот поэзия реальная, поэзия жизни, поэзия действительности, наконец, истинная и настоящая поэзия нашего времени. Ее отличительный характер состоит в верности действительности». Поэзия Гоголя есть именно такая реальная поэзия. В первом печатном отзыве о «Вечерах» Белинский выдвигал «остроумие», «веселость» автора. Через

год, продумав проблему гоголевского юмора, Белинский уже пишет, что гоголевский юмор «не щадит ничтожества, не скрывает и не скрашивает его безобразия, ибо, пленяя изображением этого ничтожества, возбуждает к нему отвращение». Комизм Гоголя консервативные и реакционные круги пытались истолковать как безобидный. В статье против Шевырева («Телескоп» 1836, №№ 5 и 6) Белинский защищает Гоголя от такого снижения: «В его „Вечерах на хуторе“, в повестях: „Невский проспект“, „Портрет“, „Тарас Бульба“ смешное перемешано с серьезным, грустным, прекрасным и высоким. Комизм отнюдь не есть господствующая и перевешивающая стихия его таланта. Его талант состоит в удивительной верности изображения жизни в ее неуловимо-разнообразных проявлениях. Этого-то и не хотел понять г. Шевырев: он видит в созданиях г. Гоголя один комизм, одно смешное».

Так, на материале гоголевской новеллистики, Белинский раскрывает критический реализм Гоголя, тесно связанный с народностью; это было как раз то, что необходимо было сказать, когда повести Гоголя входили в тридцатые годы в читательскую среду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ниже указываются специальные работы и главы из более общих монографий, трактующие темы, общие для всего сборника «Вечеров». Списки работ, касающихся отдельных повестей, приводятся в конце комментариев в каждой из них. Современные Гоголю печатные отзывы о «Вечерах» не перечисляются, указания на них даны в тексте вступительного комментария.

1. Н. С. Тихонравов. «Вечера на хуторе близ Диканьки» (комментарий в «Сочинениях Н. В. Гоголя. Издание десятое», т. I, М., 1889, стр. 505–513 и 539–541).

2. В. И. Шенрок. «Материалы для биографии Гоголя», т. I, М., 1892, стр. 239–291 (гл. «Задатки творчества в юности Гоголя и развитие их в „Вечерах на хуторе“», ср. стр. 162–168).

3. Н. И. Петров. «Южно-русский народный элемент в ранних произведениях Гоголя» — «Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца под ред. Н. П. Дашкевича». Киев, 1902, отд. II, стр. 53–74.

4. Г. И. Чудаков. «Отражение мотивов народной словесности в произведениях Н. В. Гоголя». — «Университетские Известия», Киев, 1906,

№ 12, стр. 1—37.

5. К. Невірова. «Мотиви української демонології в „Вечерах“ та „Миргороді“ Гоголя» — «Записки Українського наукового товариства в Києві», т. V. Київ, 1909. стр. 27–60.

6. В. С. Катранов. «Гоголь и его украинские повести» — «Филологические Записки» 1909, кн. V, VI; 1910, кн. I.

7. Нестор Котляревский. «Гоголь» (1-е изд.: СПб., 1903; 4-е изд.: СПб., 1915, о «Вечерах» гл. II и IV, стр. 27–31 и 86—106).

8. В. В. Каллаш. «Вечера на хуторе близ Диканьки» (вступительная статья в «Сочинениях Н. В. Гоголя», изд. Брокгауз-Эфрон, т. I, Пгр., 1915, стр. 131–137).

9. Н. И. Коробка. «Вечера на хуторе близ Диканьки» (вступительная статья в «Полном собрании сочинений Н. В. Гоголя», изд. «Деятель», т. I, СПб., 1915, стр. 53–77).

10. Ad. Stender-Petersen. «Gogol und die deutsche Romantik» — «Euphorion. Zeitschrift für Literaturgeschichte» 1922, Bd. XXIV, Heft 3, S. 628–653.

11. Василий Гиппиус. «Гоголь» Л., 1924 (гл. II, стр. 26–40).

12. Виктор Виноградов. «Этюды о стиле Гоголя». Л., 1926 (гл. «Рудый Панько и рассказчики из романов Вальтер-Скотта», стр. 42–50).

13. Н. Пиксанов. «О классиках. Сборник статей». М., 1933 (статья «Украинские повести Гоголя», стр. 43—148, 398–405. Первоначально была напечатана в т. I «Собрания сочинений Гоголя», приложение к журн. «Красная Нива» за 1931).

14. М. Храпченко. «Н. В. Гоголь». М., 1936 (гл. III «Фантастика и действительность», стр. 34–44).

ПРЕДИСЛОВИЕ

О происхождении заглавия, под которым были напечатаны «Вечера на хуторе близ Диканьки», и об обстоятельствах, при которых было написано «Предисловие», рассказывает П. Кулиш в анонимной статье «Несколько черт для биографии Н. В. Гоголя»: «В эти первые годы петербургской жизни он работал очень много, потому что к маю 1831 г. у него уже готово было несколько повестей, составлявших первый том „Вечеров на хуторе близ Диканьки“. Не зная, как распорядиться с этими повестями, Гоголь обратился за советом к П. А. Плетневу. Плетнев хотел оградить юношу от влияния литературных партий и в то же время спасти повести от

предубеждения людей, которые знали Гоголя лично или по первым его опытам и не получили о нем высокого понятия. Поэтому он присоветовал Гоголю, на первый раз, строжайшее инкогнито и придумал для его повестей заглавие, которое бы возбудило в публике любопытство. Так появились на свет „Повести, изданные пасичником Рудым Паньком“, который будто бы жил возле Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею» («Отечественные Записки» 1852, № 4, отд. VIII, стр. 200–201).

Обычная в романтической литературе после Вальтер-Скотта персонификация литературного псевдонима была чрезвычайно искусно использована Гоголем для придания композиционного единства сборнику повестей: различие в повествовательной манере и пестрота тематики объяснялась тем, что Рудый Панько выступал только в роли «издателя». Если в самом тексте «Вечеров» рассказчиком назывался один дьячок Фома Григорьевич, то в «Предисловия» давалось понять, что «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь» были рассказаны «паничем в гороховом кафтане», любителем говорить «вычурно да хитро, как в печатных книжках», а восприятие «Страшной мести» подготавливалось сообщением об одном рассказчике, завсегдатае «вечерниц» пасичника, который «такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили на голове». В «Предисловии» ко второй книжке «Вечеров» полное своеобразие повести о Шпоньке специально мотивировалось перечислением еще не известных читателю приятелей Рудого Панька, приехавших к нему в гости, среди них — автора тетрадки с оборванным концом, Степана Ивановича Курочки.

Возможность скрытого в имени пасичника намек на действительного автора «Вечеров» была указана А. И. Марковичем: «Панько» расшифровывается, как фамилия самого Гоголя по деду Афанасию — «Панасенко», сокращенно — «Панько», прозвище «Рудый» также могло относиться к нему, отмечая рыжеватый оттенок его шевелюры (А. И. Маркевич. «Заметка о псевдониме Н. В. Гоголя „Рудый Панько“» — «Известия ОРЯС», т. III, кн. 4 (1898), стр. 1269–1272).

В первом и втором издании «Вечеров» «Предисловия» к обеим частям сборника сопровождались словариками «не всякому понятных» украинских выражений. В «Сочинениях» 1842 и 1855 гг. они были заменены одним сводным словарем к «Вечерам» и «Миргороду». В настоящем издании, исходящем из текста 1836 г., они воспроизводятся на своем месте.

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

I.

Приобретенная в 1896 г. б. Московским Публичным и Румянцевским музеями в числе других автографов Гоголя у наследников писателя рукопись «Сорочинской ярмарки» хранится вместе с рукописью «Майской ночи» в особой папке, обозначаемой нашим шифром ЛБ21 (№ 3211 по инвентарю Публичной библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина). Рукопись состоит из четырех отдельных листов серой писчей бумаги (16 страниц), целиком заполненных автографическим текстом (чернила). Заглавие и дата внизу текста («1829») помечены карандашом чужой рукой. Бумага — с водяными знаками 1829 и 1830 гг. Обе рукописи имеют одну общую нумерацию (по полулистам, красным карандашом в правом верхнем углу), принадлежащую, по догадке Г. П. Георгиевского, П. А. Кулишу или лицу, «которому впоследствии достались и автографы Гоголя и копии Кулиша». Варианты чернового автографа «Сорочинской ярмарки» частично использованы Н. С. Тихонравовым; полностью рукопись опубликована Г. П. Георгиевским — неточно, со многими пропусками и ошибками (так, напечатано «зятю» вместо «дегтем», «кумачевая свитка» вместо «кармазинная свитка» и т. д.).

Черновая рукопись «Сорочинской ярмарки» фиксирует момент творческой работы Гоголя, когда весь замысел повести уже окончательно сформировался; деление на главы точно совпадает с последующим делением в печатном тексте, большинство глав снабжено эпиграфами, соответственно этому полностью намечены и детализованы все сюжетные нити повести. Наряду с этим, текст повести явно недоработан: имена персонажей не установлены (имя Черевика — Солопий — было вставлено позднее, жену его, Хавронью Никифоровну, попович последовательно именует Осиповной, Никифоровной, Трофимовной и т. д.), отдельные характеристики и эпизоды не отделаны.

Перебеляя рукопись, Гоголь переработал сцену перебранки в конце гл. I, описание ярмарки (начало гл. II), внес описательную характеристику цыгана (конец гл. V), остроты по адресу москалей (конец гл. II и начало гл. VI), значительно переработал конец гл. IX, сцену появления Черевика в гл. XIII и заключение той же главы. Одновременно смягчалась писателем и

словесная патетика, цветистость стиля, в черновой рукописи еще более бросающаяся в глаза, нежели в позднейшем печатном тексте. Наконец, в языке черновой рукописи значительно сильнее, нежели в языке печатных текстов, украинский элемент — не только в лексике (дивчина, тютюн, крамарка, пучка), но и в морфологии (Голопупенкив сын, дочко, жинко — в зв. пад., и т. д.).

Дата «1829», проставленная под текстом «Сорочинской ярмарки» во втором издании «Вечеров», может относиться только к началу работы Гоголя над повестью: бумага, на которой была написана черновая редакция, имеет водяные знаки 1829 и 1830 гг. Исходя из этого, естественно предположить, что черновая редакция создавалась в начале 1830 г. Окончательную обработку естественно отнести ко времени, непосредственно предшествовавшему сдаче рукописи первой книжки «Вечеров» в набор и на цензурный просмотр (цензурное разрешение ее помечено 26 мая 1831 г.).

Последним этапом авторской работы над повестью явился пересмотр «Сорочинской ярмарки» при подготовке в 1850—51 гг. нового издания «Сочинений». Текст остальных повестей «Вечеров» подвергся в этом издании, так же, как и в «Сочинениях» 1842 г., лишь узко грамматическим исправлениям со стороны редакторов. Иного рода правке подверглась «Сорочинская ярмарка». В тексте повести появились дополнения (например, заключительное предложение гл. II «Вот, что говорили негоцианты о пшенице», отсутствующее в ВД1, ВД2 и П), целые абзацы, подверглись более или менее сложной стилистической переработке (например, начало гл. V в прежней редакции: «Усталое солнце уходило от мира, и спокойно пропылав свой полдень и утро, день и пленительно, и грустно, и ярко румянился, как щеки прекрасной жертвы неумолимого недуга в торжественную минуту ее отлета на небо»; в редакции издания 1855 г.: «Усталое солнце уходило от мира, спокойно пропылав свой полдень и утро; и угасающий день пленительно и ярко румянился»). В ряде случаев правка «Сорочинской ярмарки» в издании 1855 г. восстанавливала текст рукописи, отменяя варианты, данные ВД1 и ВД2. Например, «тащился на истомленных волах воз» (ВД1, ВД2: «истомленными волами»); «ай да дивчина» (ВД1, ВД2: «ай да девушка»); «выдумываете» (ВД1, ВД2: «выдумаете»); «топор» (ВД1, ВД2: «секиру» — украинизм «секира» показался, очевидно, Гоголю менее выразительным, чем русское «топор»).

Н. С. Тихонравов, отмечая «значительные изменения в изложении», произведенные Гоголем, утверждал, что изменения эти сделаны «под влиянием господствовавшего в нем болезненного настроения» (Соч., 10

изд., I, стр. XIV, 514). Однако, ни цитированный Тихонравовым пример (приведенная выше переработка начала гл. V), ни совокупность всех изменений, внесенных Гоголем в текст Тр, не подтверждают его вывода, но, наоборот, доказывают большую последовательность гоголевской правки, стремление к максимальному смягчению романтической цветистости стиля, стремление придать изложению большую простоту и реалистичность. Таким образом, принятый в основу настоящего издания для «Вечеров» текст ВД2 не дает последней авторской редакции «Сорочинской ярмарки». Было бы, однако, ошибочным воспроизводить целиком редакцию Тр — во-первых, потому, что здесь была сохранена, за малыми исключениями, правка Прокоповича, и, во-вторых, потому, что в тексте Тр исправления вносились не одним Гоголем, но, очевидно, и его редактором или корректором. Ряд вариантов Тр, вполне аналогичных правке Прокоповича, вряд ли может быть приписан воле Гоголя: «испытующих очей» (ВД1, ВД2, П: «испытательных очей»), «дальней родственницы» (ВД1, ВД2, П: «дальней родички»), «от взмаха руки его» (ВД1, ВД2: «от замашки рук его», П: «от замашки руки его»), «подплясывая» (ВД1, ВД2, П: «подтанцовывая»), и др. В виду этого в настоящем издании «Сорочинская ярмарка», так же, как и остальные повести «Вечеров», печатается в основном по тексту ВД2. Исправления издания 1855 г. приняты только в тех случаях, когда они могут быть признаны гоголевскими.

В текст «Сорочинской ярмарки» в настоящем издании внесены следующие исправления против текста ВД2 «разговаривавшим» — по ЛБ21 и ВД1; ВД2: «разговаривающим»; «Как чертовщина» — по ЛБ21; ВД1 и ВД2 «Какая чертовщина», «купцы даже из Гадяча» — по ЛБ21 и ВД1; ВД2 — «купцы из Гадяча»; «разговорился» — по ЛБ21 и ВД1, ВД2 «разгорячился»; «приношения» — по ЛБ21, ВД1 и ВД2 «приношение», что не согласуется с предшествующим упоминанием попovichа: «но воистину сладостные приношения»; «придвигая ~ варенички»; по ВД1, ВД2 «подвигая ~ варенички»; «шинкарки» — по ЛБ21 и ВД1; в ВД2 очевидная опечатка «шинкаря» (ср. предшествующий текст «под яткою у жидовки»); «своего лакомого» — по ВД1; в ВД2 очевидный пропуск: «лакомого»; «оживили его» — по ЛБ21, в ВД1 и ВД2 очевидный пропуск «оживили», исправленный в П и Тр на «оживили жида»; «рожу» — по ЛБ21; ВД1, ВД2 «маску»; кроме того унифицировано (согласно ЛБ21) написание имени парубка Грицька: в печатных текстах он именуется то Грыцько, то Грицько.

Из исправлений Тр, принадлежность которых может быть приписана Гоголю, в текст введены следующие: «стога сена» (ЛБ21, ВД1, ВД2,

«скирды сена» [В дальнейших случаях, когда тексты трех начальных источников совпадают, их шифры опускаются.]); «переменяла ~ выбирая себе новый путь и окружая» (ВД1, ВД2 «переменяет свои окрестности, выбирает себе новый путь и окружает»); «на истомленных волах» (так в ЛБ21; ВД1, ВД2, «истомленными волами»); «дивчина» (так в ЛБ21; ВД1, ВД2 «девушка»); «дивчина» («девушка»); «Вот ~ пшенице» (ЛБ21, ВД1, ВД2: нет); «перед Рождеством» (так в ЛБ21; ВД1, ВД2: «перед Рождеством»); «отец нашей красавицы» (ВД1, ВД2: «наш знакомец»); «А я на четвертый» («Черт меня возьми, если я не на четвертый»); «чтоб и паслись» (так в ЛБ21, ВД1; ВД2: «чтобы и паслись»); «и угасающий ~ румянился» («день и пленительно, и грустно, и ярко румянился, как щеки прекрасной жертвы неумолимого недуга в торжественную минуту ее отлета на небо»); «выдумываете» (так в ЛБ21; ВД1, ВД2: «выдумаете»); «в образине свиньи» («в костюме ужасной свиньи»); «не совсем ~ в избах» (ВД1, ВД2: «не совсем из храброго десятка и имели притоны в избах»); «на доски, наложенные под потолком» («на наложенные под потолком доски»); «проклятые бабы» («а то проклятые бабы»); «речистого храбреца» (ВД1, ВД2: «высокого бонмотиста-храбреца»); «сама красная свитка» (ВД1, ВД2: «как та красная свитка»); «надевая ее» («всегда, когда вздумывалось ей надевать»); «топор» (так в ЛБ21; ВД1, ВД2: «секиру») «опять» («снова»); «топором» (ВД1, ВД2: «секирою»); «заседателя от...» (так в ЛБ21, ВД1, ВД2: «заседателя о...»); «остались ~ на воздухе» (ЛБ21: «остановились в судорожной неподвижности на воздухе»; ВД1, ВД2: «остановились ~ в воздухе»); «в непобедимом страхе» (ЛБ21: «в непобедимом ужасе»; ВД1, ВД2: «в ничем не победимом страхе»); «отчаянно ~ руками» («кричал один, повалившись на лавке, болтая в ужасе руками»); «закрывшись тулупом» (ЛБ21: «закрываясь тулупом»; ВД1: «в отчаянии закрываясь тулупом»; ВД2: «в отчаянии закрывшись тулупом»); «ночью ~ на улице» (ЛБ21: «один цыган из толпы других»; ВД1, ВД2: «один из толпы спавшего на улице народа»; «Озаряясь ~ ночи» (ЛБ21: «которые, озарившись местами неверно и трепетно горевшим огнем и отененные черными всклокоченными волосами, казались диким сонмищем гномов, окруженных тяжелым подземным паром и облаками мрака непробудной ночи»; ВД1, ВД2: «озаряясь местами неверно и трепетно горевшим светом, они казались ~ ночи»); «исчезли с появлением утра» («исчезнули вместе с осветившим мир утром»); «рукава свитки» («рукава»); «почувствовал, что схвачен вдруг» («почувствовал себя вдруг схваченным»); «Вот, кум ~ о котором» (ВД1, ВД2: «Вот, это тот самый, кум, об котором»).

II.

Из ряда других повестей, входящих в состав «Вечеров», «Сорочинская ярмарка» выделяется широким использованием украинской литературы, знакомой Гоголю еще со времен учения в Нежинской гимназии. В «Книге всякой всячины» (стр. 80–81) он тщательно выписал длинный ряд украинских «эпиграфов», которые Шенрок считал выбранными «из разных произведений» и характеризующими «литературное чтение Гоголя в школе» (Соч... 10 изд., VII, стр. 875); в действительности, все эти эпиграфы извлечены из одного произведения — «Энеиды» Котляревского, возможно даже по какому-нибудь рукописному списку поэмы (см. М. Н. Сперанский. «Заметки к истории „Энеиды“ И. П. Котляревского». Львов, 1902, стр. 9—16). Частью своих выписок Гоголь воспользовался для эпиграфов «Сорочинской ярмарки» (гл. III, IV, VIII). Эпиграфы к гл. II, VI, VII, X Гоголь взял «из малороссийской комедии» — в действительности из двух комедий своего отца, В. А. Гоголя — «Собака-вівця» и «Простак», о присылке которых Гоголь просил мать 30 апреля 1829 г. Эпиграф к главе XII взят из «казки» П. П. Гулака-Артемовского «Пан та собака» («Украинский Вестник» 1818, № 12), наконец, эпиграфы к гл. I, V, IX, XI, XIII — из украинского фольклора, либо по каким-нибудь печатным источникам, либо, скорее всего, просто по памяти. [Сам Гоголь отмечал свои фольклорные источники весьма общо и неточно: «Из старинной легенды» (I), «Малороссийская песня» (V), «Из простонародной сказки» (IX), «Пословица» (XI), «Свадебная песня» (XIII). В действительности, первый эпиграф является обработкой (либо вольной записью по памяти) народной песни, третий эпиграф также книжного происхождения.]

Однако отражение в повести отдельных впечатлений украинской литературы значительно глубже и не ограничивается одними эпиграфами.

Больше всего материала для «Сорочинской ярмарки» Гоголь почерпнул из комедии своего отца. [«Простак или хитрость женщины, перехитренная солдатом» — «Основа» 1862, № 2] Так, ситуация: Солопий — Хивря — попович в точности соответствует расстановке персонажей комедии «Простак»: Роман — Параска — дьяк, вплоть до характеристик отдельных элементов этого треугольника; явление же VI комедии Гоголя-отца, — сцена неудачного свидания Параски с дьяком, — настолько близка соответствующей сцене «Сорочинской ярмарки» (гл. VI), что несомненно явилась оригиналом последней, внушив писателю даже такие детали, как специфическая речь поповича (в «Простаке» — дьяка), как комический

переход от угощения к изъяснению любви, как, наконец, неожиданное прекращение любовной сцены появлением посторонних и собачьим лаем.

Вторым, после украинской литературы, источником, питавшим творческое воображение Гоголя, был украинский фольклор.

Однако в «Сорочинской ярмарке» (как, впрочем, и в других повестях «Вечеров») фольклорные мотивы даны в произвольной авторской передаче, в произвольной же комбинации. Таким образом, например, к фольклору восходит сказка о чорте, выгнанном из пекла (см. Б. Д. Гринченко. «Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях», II, Чернигов, 1897, стр. 66), но юмористическое преломление ее, равно как и вся история «красной свитки», по-видимому, принадлежит самому Гоголю, История о «красной свитке» повлекла за собою использование фольклорных же мотивов о поисках чортом своего имущества (В. Н. Добровольский. «Смоленский этнографический сборник», I, СПб., 1891, стр. 638) и о несчастьи, приносимом бесовским имуществом (А. Н. Афанасьев. «Народные русские сказки», III. Л., 1939, № 372; М. Драгоманов. «Малорусские народные преданья и рассказы». Киев, 1876, стр. 52; И. Рудченко. «Народные южно-русские сказки», I, Киев, 1869, стр. 74).

К фольклорным представлениям и воспоминаниям восходит также и типология «Сорочинской ярмарки»: и простоватый, флегматичный мужик (Черевик), и сварливая жена его, заводящая при случае любовные шашни, и возлюбленный ее, попович, и хитрый цыган, — всё это персонажи многочисленных народных анекдотов и рассказов, традиционные типы украинского народного театра (см. В. Перетц. «Гоголь и малорусская литературная традиция» — «Н. В. Гоголь. Речи, посвященные его памяти». СПб., 1902, стр. 47–55; В. А. Розов. «Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя» — «Памяти Н. В. Гоголя. Сборник речей и статей». Киев, 1911, стр. 99—169).

Как уже указывалось, сам Гоголь относился к фольклорному материалу весьма свободно, варьируя его и комбинируя соответственно собственным творческим намерениям. Эта свобода отразилась в частности на типологии повести: фольклорному образу плутоватого цыгана Гоголем приданы несколько неожиданные черты демонической мрачности, не развернутые, впрочем, в повести и навеянные, вероятно, романтической литературой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1. Г. П. Георгиевский. «Сорочинская ярмарка. Первая редакция повести Н. В. Гоголя» (вступительная статья к публикации черновой рукописи повести в издании «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», вып. 3. СПб., 1909, стр. 12–25; стр. 25–54 — текст повести).

2. В. А. Розов. «Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя» — «Памяти Н. В. Гоголя. Сборник речей и статей». Киев, 1911, стр. 99—169.

ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА

I.

Повесть «Вечер накануне Ивана Купала» была впервые напечатана в 1830 г. в «Отечественных Записках», в февральской и мартовской книжках, под заглавием: «Бисаврюк, или вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви». Однако в первой книжке «Вечеров на хуторе близ Диканьки», вышедшей в следующем 1831 г., Гоголь поместил совершенно новую редакцию повести, коренным образом переработанной. При дальнейших перепечатках «Вечера накануне Ивана Купала» воспроизводилась с незначительными изменениями эта вторая окончательная редакция повести.

Работа Гоголя над повестью, по-видимому, первой по времени написания из цикла «Вечеров на хуторе», относится к 1829 г., скорее всего ко второй половине этого года. В письме от 30 апреля 1829 г. Гоголь просит мать наряду с прочими поверьями сообщить ему «несколько слов о колядках, о Иване Купале...» Наличие в записной книжке Гоголя, вместе с записями поверий, обычаев, обрядов и этнографических материалов, сведений о кладах, цветке папоротника, Ивановом дне и в особенности описания костюмов, заимствованных из писем родных (см. соответствующие записи Гоголя в «Книге всякой всячины», Соч., 10 изд., VII, стр. 884–887) позволяют предположить, что к работе над повестью Гоголь приступил вскоре после получения материалов от матери в ответ на свой запрос. К началу 1830 г. повесть была уже закончена, появившись в февральской книжке «Отечественных Записок». Переделка ее для «Вечеров на хуторе» относится, вероятно, ко времени подготовки книги к печати.

Первоначальная редакция «Вечера накануне Ивана Купала», помещенная в «Отечественных Записках» без подписи Гоголя, представляет интерес не только в плане творческой истории повести, но и как первое выступление Гоголя-прозаика. Предположение Н. С. Тихонравова о том, что она подверглась правке редактора журнала П. Свиньина, следует признать весьма правдоподобным (см. Соч., 10 изд., I, стр. 516). Это подтверждается изменением отзывов Гоголя об «Отечественных Записках» в его письмах к матери и помогает

расшифровать полемическое предисловие ко второй редакции повести в «Вечерах».

Так, в письме от 2 апреля 1830 г., Гоголь рекомендует матери журнал Свинына, как издание, которое «по важности своих статей, почитается здесь лучшим», но уже в письме от 3 июня того же года, посылая матери очередной номер журнала, он подчеркивает: «в этой книжке, равно и во всех последующих, вы не встретите уже ни одной статьи моей». Причина недовольства П. Свиныным, сквозящего в отзывах Гоголя о его журнале, выясняется при анализе предисловия к повести в первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Возмущение Фомы Григорьевича, от лица которого ведется повествование в «Вечере накануне Ивана Купала», искажением его рассказа, помещенного в книжке журнала, — совершенно несомненно являлось замаскированным выпадом Гоголя против Свинына, протестом против его редакторского самоуправства. Смысл и направленность прозрачно завуалированной полемики «Предисловия» были для современников совершенно ясны. О. М. Сомов, напечатавший под псевдонимом «Никиты Лугового» рецензию на первую книжку «Вечеров» в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» (1831, № 94, стр. 738), иронически советовал издателю «Инвалида» не слушать отзыва Полевого в «Телеграфе»: «Пасичник, я слышал, человек всегда готовый высказать самые резкие истины, да еще и языком малороссийского прямодушия. Он, пожалуй, в состоянии повторить г. Полевому то, что уже сказал одному из его собратий-журналистов в предисловии своем ко 2-ой повести „Вечеров на хуторе“».

Нужно полагать, что правка Свинына сводилась в основном к той же грамматической и стилистической очистке языка Гоголя от просторечия и украинизмов, от чрезмерно «грубых», с точки зрения тогдашней школьной реторики, выражений и слов, какую в дальнейшем гораздо осторожней и умеренней производил Прокопович. Переделывая повесть для переиздания ее в «Вечерах», Гоголь, по-видимому, частично восстановил то «просторечие» и живую разговорную речь, которые Свинын, согласно своим стилистическим принципам, всемерно ослаблял. Наконец, по-видимому Свиныным, было изменено само заглавие повести и этимологизировано имя персонажа — вместо гоголевского «Басаврюк» в журнале появилось «Бисаврюк».

Во второй редакции Гоголь сократил повесть, устранив ряд длиннот и второстепенных подробностей. Так, в окончательном тексте отсутствует подробное описание церкви «трех святителей», описание жизни Петро Безродного и т. д. Наиболее существенное значение в изменении замысла и

сюжетных мотивов повести имеет отказ Гоголя от мотива болезненной скупости Петро, разбогатевшего нечистым путем и доведшего себя и жену до крайней степени бедности. Все эти сокращения, придавшие повести большую сюжетную целеустремленность и лаконичность, свидетельствуют о стремлении Гоголя освободиться от подробных сюжетных мотивировок, от нравоучительного морализирования в духе сентиментально-нравоописательных повестей 20-х годов, от растянутых и вялых описаний, столь распространенных в чувствительных повестях и романах ужасов. Еще важнее стилистическая переработка всего текста повести, которую произвел Гоголь, в сущности создав совершенно новое произведение. Эта переработка прежде всего относится к стилистической отделке каждой фразы, к той словесной яркости и насыщенности, которую придает им Гоголь, отбрасывая книжные и условно-сентиментальные формулы, растянутые и вялые обороты первой редакции, вводя диалоги вместо повествования, добиваясь живой разговорной интонации. Так, например, длинный, пересыпанный подробными ремарками разговор между Петро и Басаврюком сжимается до нескольких энергичных и кратких реплик. Гоголем значительно сокращаются детальные описания в фантастических сценах и усиливается всюду бытовой, реалистический колорит. Не случайно, что наименьшей переработке подверглось описание свадьбы, основанное на чисто этнографических материалах.

В текст повести в настоящем издании вносится только одно исправление против текста ВД2; восстанавливается по ВД1: «на крилосе» (в ВД2 очевидное корректорское исправление: «на клиросе»).

II.

В письме от 30 апреля 1829 г. Гоголь, обращаясь к матери за помощью в собирании этнографических и фольклорных материалов, просил, в частности, сообщить ему «названия платья, носимого... крестьянскими девками, до последней ленты» и «обстоятельное описание свадьбы». Здесь же он просил сообщить «несколько слов... о Иване Купале» и «подробнее» о разных духах «с их названиями и делами». Если сопоставить эти запросы с работой писателя над «Вечером накануне Ивана Купала», то тем самым намечается в общей форме ответ на вопрос об источниках повести. Гоголь обращался в первую очередь к фольклорным материалам.

Как видно из писем Гоголя и пометок в его «подручной энциклопедии» — «Книге всякой всячины», родные присылали писателю нужные ему

данные. В «Книге всякой всячины» можно указать две записи, использованные в «Вечере накануне Ивана Купала». На странице 225 помещено описание девичьей и женской одежды — с пометкой: «Из письма ко мне от 4 июня 1829 г.» (Соч., 10 изд., VII, стр. 885); им воспользовался Гоголь при описании свадьбы Петруся и Пидорки. В этом же описании использована запись на стр. 305: на свадьбе «гуляют сколько угодно... наряжаются в разные костюмы, а более — цыганами, которых они чаще всех видят, играют ихние роли»... При записи — пометка, что это — извлечение из письма от 4 мая.

В той же «Книге всякой всячины» есть весьма показательная запись (на странице 183): «Папороть (по-русски — папоротник, или кочедыжник, *bilix*) цветет огненным цветом только в полночь под Иванов день, и кто успеет сорвать его, и будет так смел, что устоит противу всех призраков, кои будут ему представляться, тот отыщет клад» (там же, стр. 881). Эту запись в несколько измененном виде находим в качестве выноски в «Бисаврюке» («Отечественные Записки» 1830, № 118, стр. 256–257), при страницах, посвященных рассказу о поисках клада. Наличие синонимичных русских названий и латинское обозначение растения не оставляют сомнений в том, что это — позаимствование из какого-то литературного источника.

Трудно указать какой-нибудь труд по этнографии и фольклору конца XVIII — начала XIX столетия, из которого Гоголь мог бы получить необходимые ему сведения. Более оправданными надо считать поиски в другой области — в травниках, цветниках, лечебниках и подобных памятниках письменности, которые были в большом ходу еще и в XVIII и даже в XIX веке. Они «приблизительно отвечают на вопрос, чем лечились „старосветские помещики“, родители Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, да и они сами» (А. Потебня. «Малорусские домашние лечебники XVIII в.». Киев, 1890, стр. II). Составители рецептов любили давать описываемым средствам латинские названия. В подобных тетрадках нередко заключались не только наставления в рецепты медицинского характера, а сообщались сведения иного порядка, например, о папоротнике и других растениях, давались советы по практике кладоискания. (Ср. «Сказание о таинственном цветке папоротника»: А. Н. Афанасьев. «Несколько народных заговоров» — «Летописи русской литературы и древности», IV. М., 1862, отд. III, стр. 72–73).

Эта литература до сих пор остается мало обследованной, поэтому (не говоря о других причинах) невозможно безоговорочно указать определенный источник, которым воспользовался Гоголь. Из того, что

известно в ученой литературе о травниках, страницы «были» Гоголя напрашиваются на сравнение с «Сказаниями русского народа» И. Сахарова (т. I, кн. 2. Изд. 3-е. СПб., 1841, стр. 43), где автор, не любивший называть свои источники, всё же делает ссылку на какой-то «чародейский травник» (стр. 42). Разумеется, Гоголь не мог пользоваться трудом своего сверстника, «Сказания» которого вышли первым изданием в 1836 г., но не лишено оснований предположение о том, что оба они пользовались одним и тем же источником или источниками очень близкими. Ясно, что здесь речь может идти не о текстологическом совпадении или близком сходстве страниц Гоголя и Сахарова, а о близости объема сведений, образов, сравнений, отчасти — порядка в расположении материала.

У Сахарова:

В глухую полночь... показывается цветочная почка. Она то движется вперед и назад, то заколышется, как речная волна, то запрыгает как живая птичка.

<Цветочная почка>, ежеминутно увеличиваясь и выростая вверх, цветет, как горячий уголь.

...ровно в 12 часов с треском разворачивается цвет, как зарница, и своим пламенем освещает около себя и вдаль.

При отыскании земляных богатств кладоискатели бросают цвет кочедыжника вверх. Если где есть клад, этот цвет будет носиться над ним, как звезда, и прямо упадет на землю.

У Гоголя:

...краснеет маленькая цветочная почка и, как будто живая движется. <Немного далее будет о цветке сказано: «словно лодка плавал по воздуху»>.

Движется <цветочная почка> и становится все больше, больше, и краснеет, как горячий уголь.

Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрещало — и цветок развернулся перед его очами, словно пламя, осветив и другие около себя.

Петро подбросил <цветок>, и что за чудо? цветок не упал прямо, но долго казался огненным шариком посреди мрака... наконец потихоньку начал спускаться ниже и упал так далеко, что едва приметна была звездочка... «Здесь» глухо прохрипела старуха, а Басаврюк... примолвил... «Копай здесь»...

Здесь один и тот же план рассказа, те же или близкие образы, часто та же лексика.

В мысли об использовании двумя авторами одного или нескольких очень близких источников утверждают я другие наблюдения. Пояснение о

«выливанием переполоха» и «заговаривании соняшницы», данное Гоголем в журнальной редакции «Бисаврюка» («Отечественные Записки» 1830, № 119, стр. 430, выноска) и сохраненное в последующих изданиях «были», имеет соответствие у Сахарова (стр. 51), где находим одинаковое по смыслу и содержанию описание «переполоха» и «соняшницы», которые и стоят в книге в той же последовательности. Синонимичные русские названия папороти у обоих писателей те же самые (хотя известны и другие): кочедыжник или папоротник — и стоят у Гоголя в той же паре, что у Сахарова (стр. 43).

Ясно, что не все страницы «были» можно объяснить из этого источника. Молодой Гоголь многое черпал из фольклора. Если при переработке фольклорных мотивов у писателя есть и вымысел, то он, обычно, имеет основной материал устной поэзии и имеет задачей индивидуализировать для «были» лица, явления и предметы, данные в фольклоре в форме ее всегда отчетливой, не всегда ясной, раздробленной.

В «были» Гоголя общение нечистого с главным действующим лицом завязывается в шинке. При непривлекательной и не совсем определенной наружности он умеет войти в доверие, прикидывается участливым, добрым, готовым притти на помощь... Именно с такими чертами он вошел в описания этнографа (С. В. Максимов. «Нечистая, неведомая и крестная сила». СПб., 1903, стр. 11, 18 и др.). В «были» он является центральной фигурой по его прикосновенности к кладам, которыми он может распоряжаться по своему усмотрению. Эта черта Басаврюка не стоит в противоречии с показаниями этнографов (Д. К. Зеленин. «Очерки русской мифологии». Вып. I, Пгр., 1916, стр. 22–23, указана литература).

Клады нечистый дает человеку не даром, — за душу. «От тебя одного потребуют, сказал нечистый, отводя Петро в сторону. Несмотря на всё присутствие духа, дрожь проняла насквозь Петруся, когда он услышал слова сии; ну, думает себе, и до души дело доходит» («Отечественные Записки» 1830, № 118, стр. 255–256; в последующих редакциях этих строк нет). И это условие получения клада известно этнографам и фольклористам (П. Иванов. «Народные рассказы о кладах» — «Харьковский сборник», IV. Харьков, 1890, отд. II, стр. 40–41). Требование «достать крови человеческой» в расплату за клад также издавна знакомо фольклористам. Овладение кладом через пролитие крови, в иных случаях — крови ребенка, — эта тема своими истоками восходит к глубокой древности (на греко-римской почве, достигает полного развития в Византии) и в разных вариациях живет доныне в сравнительном фольклоре. (М. А. Шангин. «Демон-кладовик» — «Советская этнография» 1934, № 4, стр. 109–112; Н.

Е. Ончуков. «Северные сказки». СПб., 1909, стр. 190, № 72; С. В. Максимов, назв. соч., стр. 167).

Человек, сделавшийся обладателем цветка папоротника и таким образом получивший власть над кладом, испытывает «страхи»: угрозы, страшные образы, дикий хохот, ожесточенные преследования со стороны нечистой силы, требующей бросить чудесный цветок. Спасаться нужно бегством без оглядки (П. Иванов, назв. соч., стр. 10–11, 39–40; С. В. Максимов, назв. соч., стр. 168). Первая редакция («Отечественные Записки» 1830, № 118, стр. 264) находится в согласии с тем, что сообщают фольклористы: «Как угорелый бросился он бежать, но ему казалось, что деревья, кусты, скирды сена и всё, это попадалось на дороге, гналось за ним в погоню» (Ср. П. Иванов, назв. соч., стр. 39–40). При чтении второй редакции может создаться впечатление, что Петрусь избавлен от необходимости спасаться бегством, так как он берет клад по уговору с нечистым, однако и он испытал ужас «дьявольского хохота» и пр.

Получив клад, или, вернее, право на клад, «собравши все силы, бросился он бежать». В этот момент «всё покрылось перед ним красным светом. Деревья все в крови, казалось, горели и стонали. Небо, раскалившись, дрожало. Огненные пятна, что молнии, мерещились в его глазах»...

Мотивировкой этого явления служит у Гоголя, можно догадываться, пролитие человеческой крови. Явление красного или огненно-красного света при получении власти над кладом, как и пролитие крови младенца, — в книжности и в фольклоре широко распространено. В фольклоре красный, огненно-красный свет известен как один из «страхов», которым «нечистые» хранители кладов принуждают обладателя цветущего папоротника бросить этот чудесный цветок (см. Д. Н. Садовников. «Сказки и предания Самарского края». СПб., 1884, стр. 369. Подобное же читаем у П. Иванова, в назв. соч., стр. 39–40: «осыпание огненными искрами», «выстрелы» и т. п.).

Мотив забвения обстоятельств, при которых добыт клад, тоже можно объяснить из фольклора. Обладатель чудесного цветка папоротника делается могущественным, всевидящим, всеведущим, но как только тем или иным путем лишится цветка, он тотчас же утрачивает эти свойства и забывает всё, что было с ним за время обладания цветком (А. Н. Афанасьев. «Поэтические воззрения славян на природу», II, М., 1868, стр. 383–384; Д. Н. Садовников, назв. соч., стр. 370–371; Максимов, назв. соч., стр. 168–169). Петрусь, покинув овраг и лес, оставил там и чудесный цветок, а с ним и память об ужасной ночи.

Мотив призрачности богатства, доставшегося от «нечистого», представлен в фольклоре во множестве разработок с различными вариантами (И. Рудченко. «Народные южно-русские сказки», I, Киев, 1869, стр. 74; М. Драгоманов. «Малороссийские народные предания и рассказы». Киев, 1876, стр. 52; П. Иванов, назв. соч., стр. 6).

Некоторые мотивы повествования Гоголя исследователи выводят из литературного источника, имея в виду главным образом произведения немецких романтиков. Самыми настойчивыми и убедительными были утверждения Н. С. Тихонравова (Соч., 10 изд., I, стр. 526 и сл.), развернувшего общие наблюдения и замечания Н. И. Надеждина («Телескоп» 1831, № 20, стр. 653). Для данной повести они сводятся к тому, что некоторые мотивы гоголевской «были» — мотивы пролития крови ребенка, появления красного света и полного выпадения из памяти наиболее сильных впечатлений — позаимствованы из «Liebeszauber» Тика. Основание для этого утверждения Тихонраов видит в наличии и сходстве этих моментов у обоих писателей, которые он объясняет заимствованием, сделанным под свежим впечатлением только что вышедшей в русском переводе повести под названием «Чары любви» (в журнале «Галатей» 1830, № 10, стр. 157–185; М; № 11, стр. 127–240).

Здесь всё нуждается в пересмотре — и наблюдения и рассуждения. Знакомство Гоголя с писателями-романтиками не подлежит оспариванию. Наличие указанных мотивов у обоих писателей несомненно. Но сходство их — не непременно результат заимствования. Прежде всего, это сходство — поверхностно, внешне. Если в мотивировке пролития младенческой крови я есть отдаленное сходство, то в изображении обстоятельств, при которых совершается это дело, нет ничего общего. То же надо сказать и о другом мотиве — мотиве появления красного света. У Тика это — отдаленное по времени и при том смутное отражение кровавого события и предвестник близящихся несчастий, у Гоголя этот мотив связан непосредственно с предыдущим мотивом (пролитие крови) и имеет, как говорилось, еще и иной смысл. Красный свет в картине Тика — внешний: это — отблеск лучей закатного солнца; не то у Гоголя: кровавый свет в его картине — отражение явлений иного порядка: общей катастрофы, страдания («стон») всего окружающего. Третий мотив — утрата из сознания чрезвычайно важных моментов жизни — у Тика вплетен как следствие чрезвычайного внутреннего потрясения; это не совпадает с мотивировкой в «были» Гоголя. Если рассказ Тика и имел какое-либо влияние на Гоголя при создании «Вечера накануне Ивана Купала», то вряд ли существенным было впечатление от его нового русского перевода:

трудно думать, что более ранний перевод повести Тика, под названием «Колдовство» («Славянин» 1827, ч. III, стр. 331–350; 370–388), не упоминаемый Тихонравовым, остался неизвестным Гоголю Позднее, во время работы над «Вечером накануне Ивана Купала», внимание Гоголя было сосредоточено, судя по его переписке, на украинских и русских материалах. Немецкие романтики прошли не мимо Гоголя, но влияние их сказалось заметным образом несколько позднее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1. Н. С. Тихонравов. «Вечер накануне Ивана Купала» (комментарии в «Сочинениях Н. В. Гоголя. Издание десятое», т. I, М, 1889, стр. 516–536)
2. Г. И. Чудаков. «Отношение творчества Н. В. Гоголя к западно-европейским литературам». Киев, 1908 (ч. II, гл. «Малорусские повести из простонародной жизни», стр. 83–85).

МАЙСКАЯ НОЧЬ ИЛИ УТОПЛЕННИЦА

I.

Хранящаяся вместе с автографом «Сорочинской ярмарки» в Публичной библиотеке Союза ССР им. В. И. Ленина рукопись «Майской ночи» (музейный шифр — № 3211) состоит из двух листов и двух отдельных полулистов (вторых половинок) серой писчей бумаги (12 страниц). Нумерация, по полулистам, — не гоголевская, общая с рукописью «Сорочинской ярмарки». Бумага с водяным знаком 1829 г. Рукопись не полна: целиком исписанные Гоголем (чернилами) первые два листа содержат полностью главы I–III и часть гл. IV («Парубки гуляют»), обрывающейся на песне Левко, на первом отдельном полулисте записан полный текст песни Левко второй содержит гл. VI («Пробуждение»). Отсутствуют, таким образом вторая половина гл. IV и гл. V («Утопленница»). Варианты рукописи частично были использованы Н. С. Тихонравовым, полностью рукопись опубликована, весьма, впрочем, не точно, Г. П. Георгиевским.

Трудно датировать время работы Гоголя над «Майской ночью». С уверенностью можно утверждать лишь то, что замысел повести был одним из первых в цикле повестей, составивших впоследствии «Вечера на хуторе близ Диканьки»: в первом же письме к матери с просьбой о присылке этнографических и фольклорных материалов (30 апреля 1829 г.) Гоголь просит сообщить ему «несколько слов... о русалках». Червовая рукопись повести написана на бумаге с водяными знаками «1829», однако это одно еще не дает, конечно, права приурочивать написание повести именно к 1829 году. Несколько уточнить дату помогают записи «Книги всякой всячины». Здесь, на стр. 122, приводится краткое описание игры в «ворона», а на стр. 123 — второе значительно более распространенное описание, извлеченное из письма М. И. Гоголь 2 июля 1829 г. (Шенрок неправильно датирует его 2 июня, Соч., 10 изд., VII, стр. 879; ср. «Письма», I, стр. 128), присланное в ответ на просьбу писателя сообщить ему описание хороводных игр в «хрещика» и «журавля». Если принять во внимание, что в «Майской ночи» Гоголь воспользовался именно этим кратким и Неточным, набросанным по памяти, либо со слов кого-либо из петербургских украинцев, описанием игры в «ворона», заменившей другие,

ранее предположенные по ходу рассказа игры, то можно с известной долей вероятия датировать работу над черновой рукописью «Майской ночи» маем — июлем 1829 г.

Текст черновой рукописи был перебелен для издания «Вечеров», по-видимому, перед самой сдачей книги в типографию, то есть в конце 1830— начале 1831 г. Сделанные при этом исправления отразились в печатном тексте «Вечеров» и отмечают окончательный этап непрерывной авторской работы над повестью. [Совершенно необоснованно предположение Г. П. Георгиевского («Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», III, СПб., 1909, стр. 59) о существовании еще одной какой-то посредствующей редакции между черновой рукописью и текстом ВД1.] Последующая авторская правка текста эпизодична, случайна и не всегда последовательна. Так, в «Опечатках», приложенных к ВД1, дан ряд вариантов к «Майской ночи»: «теплого ночного воздуха» вместо «теплого океана ночного воздуха»; «слышал» вместо «слыхал»; «притопывая ногами» вместо «притопывая на них ногами»; «прильнули» вместо «поприставали»; «сжечь» вместо «съесть»; «бог один знает» вместо «бог знает». Из этих исправлений самим Гоголем сохранено в ВД2, лишь одно («слышал» вместо «слыхал»), остальные были оставлены им без внимания и потому не учитываются и нами (исправлена очевидная опечатка «сжечь» вместо «съесть»).

В текст «Майской ночи» в настоящем издании внесены следующие исправления против текста ВД2: «стал уплетать» — по ЛБ21 и ВД1, в ВД2: «оплетать», что можно считать опечаткой, узаконенной позднейшими издателями; «Я слыхал, что-то похожее еще за покойницу царицу» — по ЛБ21, в ВД1, ВД2 «царицу» отсутствует (очевидно, случайный пропуск); «я им ровень» — по ВД1, в ВД2 и П — «ровен», исправленное в Тр на «ровня»; «Они думают, что я какой-нибудь их брат» — по П и Тр, в ВД1, и ВД2 «я» Гоголем пропущено, по-видимому, по рассеянности; «Ты рад был случаю сжечь меня» — по «Опечаткам» к ВД1, в ВД1, ВД2, П и Тр — «съесть меня», что в данном контексте лишено смысла; «вылить переполоху» — по ВД1, в ВД2 случайное, несогласованное с контекстом исправление «вылечить», перешедшее в последующие издания.

II.

В числе источников, использованных Гоголем при работе над «Майской ночью», с бесспорностью могут быть названы записи, полученные от сестер и матери в ответ на его просьбы (ср. письма Гоголя

от 30 апреля, 22 мая, 24 июля 1829 г., 3 июня 1830 г.). В записной тетради Гоголя («Книга всякой всячины») содержится прямое указание на этот источник: например, «из письма 2 июля» (Соч., 10 изд., VII, стр. 879–880). Та же тетрадь указывает на обращение Гоголя к книжным источникам: в ней находим выписки из «Академического Словаря русского языка» (стр. 225, 296–297; Соч., 10 изд., VII, стр. 884, 886), ссылки на Цертелева (стр. 243; Соч., 10 изд., VII, стр. 885), на Максимовича (стр. 225; Соч., 10 изд., VII, стр. 884) и другие выписки из книг; напр., на странице 183 — о зеленой неделе, когда «по народному поверью русалки... бегают по лесам и бурьянам»... (Соч., 10 изд., VII, стр. 881). В пространной выписке имеются упоминания об обычаях в окрестностях Стародуба, то есть не-местных, различные названия недели, песен и пр.; всё это — знаки книжного происхождения записи. Но явных следов использования в повести выписок из книг мы не находим. Что они делались по связи с работой над «Майской ночью» и имели какое-то значение в творческой истории, показывает их тема и, может быть, название повести: действие происходит в мае, — месяце, на который обычно падает «зеленая неделя».

Мы не знаем всего объема книжных источников Гоголя. Однако нельзя и преувеличивать количество материалов, почерпнутых Гоголем из книжных источников, круг которых был весьма невелик (см. Олександр Андрієвський, «Бібліографія літератури з українського фольклору», I, У Києві, 1930, стр. 1—32). Из материалов, содержащихся в доступных Гоголю сочинениях, затруднительно вывести все фольклорные частности и подробности его повести. Нужно предположить наличие еще какого-то источника. Видимо, это были запасы памяти писателя, подкрепляемые и пополняемые при общении с земляками на чужбине. Какой материал потребовался автору при создании «Майской ночи», легко уяснить, следя за ходом его повествования. Начало первой главы построено на общеизвестной доньине песне, для получения которой Гоголь, конечно, не имел надобности обращаться к какому-нибудь сборнику:

Сонце низенько, вечер близенько.

В словах парубка: «если бы и повеяло холодом, я... надену шапку свою на твои беленькие ножки» нетрудно узнать переложение слов этой песни:

Ой вийди, вийди,
Не бійсь морозу:
Я твої ніженьки
В шапочку вложу ...

В дальнейших главах заключается повествование, построенное на данных народной мифологии. В нем легко выделяются широко распространенные мотивы устных «преданий». Например, мотив обращения ведьмы в животное и в частности — в кошку в фольклоре очень распространен (А. Н. Афанасьев. «Поэтические воззрения славян на природу», III, М., 1869, стр. 532 и сл., даны указания на литературу; И. И. Манжура. «Сказки, пословицы и т. д., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ.». Харьков, 1890, стр. 136; Б. Д. Гринченко. «Этнографические материалы, собранные в Черниговской и в соседней с ней губерниях». I, Чернигов, 1895, стр. 66, и мн. др.). Весьма распространен и другой мотив: поражение оборотня — поражение ведьмы (С. В. Максимов. «Нечистая, неведомая и крестная сила». СПб., 1903, стр. 135; В. Н. Добровольский. «Смоленский этнографический сборник», I, СПб., 1891, стр. 132; Б. Д. Гринченко, назв. соч., стр. 108, и мн. др.).

Рассказы об утопленницах-русалках, об их обиталище и подводных богатствах, об их внешнем облике, их нравах, их вмешательстве в людскую судьбу и пр. и пр. — имеют соответствие в народной словесности; каждый мотив, почти каждая подробность описания разработаны в русском и украинском фольклоре (ср. Д. К. Зеленин. «Очерки русской мифологии». Пгр., 1916, стр. 119–124, 128, 140, 166, 187 и др.; указана обширная литература). Даже такой, казалось бы случайный, художественный мотив, как разрешение задачи — отличить ведьму среди настоящих русалок — в разнородных вариациях известен в фольклоре (Г. И. Чудаков. «Отражение мотивов народной словесности в произведениях Н. В. Гоголя» — «Университетские Известия». Киев, 1906, № 12, стр. 16–17; указана литература).

Относительно всех или почти всех важнейших моментов повести можно сказать, что они опираются или на несомненные или, чаще, на предполагаемые источники. Чем значительнее и самостоятельнее талант художника тем труднее разглядеть материалы, вошедшие в его работу. Приписывать авторству Гоголя то, что здесь предполагается как переработка заимствованного из памятников устной поэзии, невозможно, во-первых, в виду большого числа фольклорных мотивов, имеющих прямые параллели в повести Гоголя, и, во-вторых, — поразительно близкого сходства в общем содержании и в частности, а также в трактовке этих мотивов в произведениях устной словесности и на страницах «Майской ночи». Буквального совпадения с источником здесь не должно и

ждать, а некоторые различия в вырисовке подробностей неизбежны по вполне понятным причинам. В так называемых «преданиях» (то есть произведениях сказочного типа не построившихся в определенные, отлившиеся речи), которыми пользовался Гоголь, явно преобладают черты эпоса; в них ясна тенденция к устранению индивидуальных черт «действующих лиц», «мест действия» и пр., — тенденция к «снятию всех индивидуальностей» (русалки выходят на берег реки или озера, живут они в воде, у них есть жилище и т. п.). Тенденция художника-лирика, каким заявил себя автор «Утопленницы», если не противоположна, то лежит в ином направлении: на фоне общего, почти безличного, обычно безымянного, дать конкретную обстановку и индивидуальные образы русалки выходят греться в панский сад, главною русалкою в панском пруду сделалась сотникова дочка и т. д.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Г. П. Георгиевский. «Майская ночь» (вступительная статья к публикации черновой рукописи повести в издании «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», вып. 3. СПб., 1909, стр. 55–59; стр. 60–83 — текст повести).

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

I.

Хранящийся в Архиве Института литературы Академии Наук СССР в составе Дашковского собрания автограф «Пропавшей грамоты» является черновиком первоначальной редакции повести. Автограф написан чернилами на четырех листах большого формата (с оборотом) обычным для Гоголя убористым почерком с многочисленными поправками и помарками. Листы рукописи были разорваны на куски и позже склеены и вплетены П. Я. Дашковым в тетрадь вместе с рядом других автографов Гоголя. Черновой, первоначальный характер этого документа подтверждается и отсутствием заглавия. Рукопись «Пропавшей грамоты» была впервые опубликована, чрезвычайно неисправно, К. Н. Михайловым (К. Н. Михайлов читал, например, вместо «возле ятки храпела сидя» — «возле этакого храпке (!) шла», или вместо правильного «гладили усы» — «кидали ум», и т. д. и т. п.).

Текст черновика «Пропавшей грамоты» значительно превышает по размеру окончательную, печатную редакцию, и хотя не имеет сколько-нибудь принципиального отличия от нее ни в сюжетном, ни в стилевом отношении, однако дает многочисленные варианты и разночтения. При отделке повести отпали целые фрагменты, не включенные Гоголем в окончательную редакцию. Так, в печатный текст не вошло ни подробное описание путешествия деда из пекла на хромом чорте, ни эпизод с горшками, надувавшими щеки. Отброшен был и ряд колоритных деталей. Так, например, при характеристике деда в черновой редакции указывалось, что он «один бывало иной раз выходил на медведя, а подчас и пяти человек умять ему было так же, как нашему брату отпеть воскресный кондак».

Автограф повести не дает достаточных данных для определения времени ее написания. Публикация «Пропавшей грамоты» в первой книге «Вечеров» (цензурное разрешение которой датировано 26 мая 1831 г.) делает несомненным завершение работы над повестью не позже апреля—мая 1831 г. Однако начата повесть была, возможно, еще в 1829. В таком случае к этому времени восходит, вероятно, и черновой автограф. Подтверждением этому служит письмо Гоголя к матери от 22 мая 1829 г., в котором он запрашивает ее подробности относительно различных

карточных игр, популярных в украинском обиходе.

Во втором издании «Вечеров» 1836 г. текст «Пропавшей грамоты» был перепечатан почти без изменений. Лишь в немногих случаях были заменены отдельные слова и изменен порядок слов в фразе (например, в ВД1 было «нечистым», в ВД2 — «нечистыми» или «валятся» в ВД1, а в ВД2 — «повалются»). Однако наличие этих изменений, хотя бы и мало существенных, свидетельствует, что текст второго издания, по-видимому, внимательно прочитывался Гоголем.

В основном тексте настоящего издания сделаны следующие исправления против текста ВД2: «чудище» по ПГПД и ВД1; ВД2 «чудовище»; «масть хоть куда» — по ПГПД; ВД1, ВД2 «масть хоть худа» — опечатка, исправленная в обоих последующих изданиях; «Жаль стало товарища» — по ПГПД и ВД1, в ВД2 и последующих изданиях — «Жаль старого товарища», что может рассматриваться как случайная опечатка; «чудеса деются» — по ПГПД и ВД1, в последующих изданиях: «чудеса делаются».

II.

Сюжетным стержнем повести «Пропавшая грамота» является рассказ о путешествии деда к чертям за украденной шапкой. Рассказ этот по своей конструкции напоминает одну из широко распространенных (в частности, у украинцев) легенд — о кумовой кровати или о разбойнике Мадее (Н. П. Андреев. «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне». Л., 1929, стр. 53, № 756 В).

Легенда (в полном ее виде) повествует о том, как человек, душа которого отцом его продана чорту, отправляется в ад, проникает туда с помощью страшного разбойника и выручает «запись». Так и у Гоголя мы видим путешествие деда в «пекло» и возвращение украденной шапки. Само изображение путешествия деда к чертям отчасти напоминает путешествие в ад в «Кумовой постели» В. Олина («Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1829 год. Издана В. Н. Oliным». СПб., 1829, стр. 289–337, На это сходство впервые указал В. Гиппиус. «Гоголь», Л., 1924, стр. 29). По-видимому, известны были Гоголю и устные рассказы о кумовой кровати или о великом грешнике.

Торжественно-религиозный характер легенды снят Гоголем и заменен шутливо-комическим. Уже то обстоятельство, что дед идет в пекло не за душой, а за шапкой, придает рассказу иной, не-религиозный характер.

Изложение у Гоголя напоминает скорее народные рассказы о шабаше ведьм, о пребывании у чертей музыкантов, сапожников, портных и т. п. Народные рассказы подобного рода многочисленны; см. например: Б. Д. Гринченко. «Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях», II, Чернигов, 1897, стр. 57, 58; В. Н. Добровольский. «Смоленский этнографический сборник», I, СПб., 1891, стр. 133–156 (три рассказа); М. П. Драгоманов. «Малорусские народные предания и рассказы». Киев, 1876, стр. 52, 54, 393; В. В. Иванов. «Жизнь и творчество крестьян Харьковской губ.». Харьков, 1898, стр. 408; И. Я. Рудченко. «Народные южно-русские сказки», I, Киев, 1869, № 41; «Сборник Харьковского историко-филологического общества», III, Харьков, 1891, стр. 166. Сюда же относится и «Гусар» Пушкина (написанный в 1833 году).

Самое изображение «нечисти» у Гоголя напоминает некоторые народные тексты, но Гоголь придает своим картинам более сложный литературный характер, — ср., например, В. Гнатюк. «Знадоби до галицько-руської демонології», I — «Етнографічний Збірник», XV. Львів, 1904, № 13.

Игра деда в карты с ведьмами частично напоминает рассказы об игре солдата в карты с чертями (см., например, А. Н. Афанасьев. «Народные русские сказки», I, М.—Л., 1936, №№ 153, 154).

Чудесный конь, полученный дедом, в народных рассказах обычно оказывается затем кочергой и т. п. (ср. «Гусар»: «Не конь — а старая скамья»); у Гоголя же конь этот проста пропадает. Частично этот эпизод напоминает вторую часть белорусской сказки «Болотные паны» (П. В. Шейн. «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края», II, СПб., 1893, стр. 270–271, № 130). Ср. также рассказ о том, «Як ведьма салдату падделала, што ион на липинки за тысичу верст слитаў и сваю родину пувидаў» (Добровольский, назв. соч., I, стр. 136, № 67).

Заключительный эпизод с танцующей бабой и сном ее можно сопоставить с народными рассказами о танце против воли и о различных скачущих предметах, см., например, Гнатюк, назв. соч., I, стр. 86, № 54; Б. Д. Гринченко. «Из уст народа». Киев, 1900, стр. 99.

Для образов запорожца и чертей Гоголь воспользовался частично материалами вертепной драмы (См. В. А. Розов. «Традиционные типы малорусского театра, XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя»; «Памяти Гоголя. Сборник речей и статей». Киев, 1911, стр. 103–115, особ. 108–111. Ср. также Евгений Марковський. «Український вертеп», I, У Києві,

1929, стр., 19, и рисунок № 93). Особенно характерен костюм запорожца.

Весь разнообразный традиционный материал Гоголь сплавляет в одно целое и оформляет по-своему, создавая подлинное литературное произведение. Характерно в этом отношении уже вступление рассказчика (дьяка Фомы Григорьевича), выдержанное в бытовых тонах, затем подробное и красочное изображение ярмарки, описание ночлега в шинке, изображение мудрого шинкаря, описание дороги к чертям, подробности пребывания деда в пекле, подробности в изображении игры в карты, изображение визита деда к царице. Опираясь на народный материал, Гоголь вместо кратких сюжетных формул народных рассказов дает детально нарисованные картины отчасти в духе романтической литературы, отчасти уже и в духе реалистической описательной манеры юмористического характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1. К. Н. Михайлов. «Вновь найденные рукописи Гоголя» — «Исторический Вестник» 1902, № 2 («1. Пропавшая грамота» — вступительная статья к публикации черновой рукописи повести, стр. 604–606; стр. 607–629 — текст повести, в приложении — факсимильное воспроизведение всей рукописи).

2. И. М. Каманин. «Научные и литературные произведения Н. В. Гоголя по истории Малороссии» — «Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца под ред. Н. П. Дашкевича». Киев, 1902, отд. II, стр. 75—132.

3. Г. И. Чудаков. «Отношение творчества Н. В. Гоголя к западно-европейским литературам». Киев, 1908 (ч. II, гл. 2 «Малорусские повести из простонародной жизни», стр. 88–89).

4. В. А. Розов. «Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя» — «Памяти Н. В. Гоголя. Сборник речей и статей». Киев, 1911, стр. 99—169.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

I.

Рукопись «Ночи перед Рождеством» находится в составе гоголевской тетради ЛБ18 по нашему шифру (№ 3231 по инвентарю Публичной библиотеки Союза ССР им. В. И. Ленина; по обозначению Тихонравова — РА2). Тетрадь эта включает в себе также рукописные тексты «Портрета», «Невского проспекта», «Записок сумасшедшего» и ряда статей, вошедших в «Арабески». «Ночь перед Рождеством» занимает здесь листы 87—131 (основная часть текста) и 132–133 (позднейшие приписки). Положение в тетради не дает данных для датировки повести, и предельной датой работы над «Ночью перед Рождеством» остается дата цензурного разрешения второй части «Вечеров», то есть 31 января 1832 г.; очевидно, к концу 1831 г. или даже началу 1832 относятся позднейшие приписки (на лл. 132–133). Основной текст повести может относиться и к более раннему времени: Тихонравов по данным почерка допускал даже, что он относится к 1830 году (Соч., 10 изд., I, стр. 542). Необходимо согласиться с заключением Тихонравова, что «повесть была вписана автором в эту записную книгу ранее всех предшествующих ей набросков», а также, что «повесть прямо вписана была в книгу, а не переписана в нее с чернового оригинала»: на это указывают первичные поправки текста, а также ряд замен на ходу письма (там же, стр. 550–551). В первичной стадии работы больших изменений не делалось. Один только небольшой эпизод (о забавах парубков и девушек) перенесен в другое место: первоначально об этих забавах рассказывалось после сцены в хате Оксаны.

Значительно более перерабатывалась вторая часть повести (от приезда Вакулы в Петербург). Переделке в позднейших приписках на лл. 132–133 подверглась сцена приема запорожцев во дворце; причем пространная жалоба запорожцев («Помилуй, мамо» и т. д.), а также разговор Екатерины с Фонвизиним — переписаны в этих приписках впервые. [Непосредственно перед текстом повести набросан столбцом следующий список отдельных слов: [кобеняк], черевики, кожух, кобеняк, видлога, гаман, [мешки], паляница, скрыня, швец, намитка, шибеник. Это — выписки (сделанные, быть может, по памяти) из «Ночи перед Рождеством» для «Словарика» ко второй книжке «Вечеров», в который они все вошли.]

В наборный экземпляр попали некоторые случайные чтения, объясняемые, вероятно, рассеянностью переписчика. Так, например, в словах «картина намалеванная на стене церковной» Гоголь зачеркнул только последнее слово и тут же написал новый вариант «на церковной стене». Получилось: «на стене церковной стене»; в печатном тексте: «на стене церковной». Подобный же случай в фразе «Пономарь сделал себе нанковые на лето нанковые шаровары», в печати «нанковые на лето шаровары». Считаем оба эти чтения случайными и берем в текст последний рукописный вариант.

В первоначальной характеристике Фонвизина было сказано: «устремив глаза на стоявшего подальше от других средних лет человека, с полным, но несколько бледным лицом» и т. д. Слова «средних лет человека» были, очевидно, пропущены при переписке, нет их и в изданиях 1832 и 1836 гг. В издании 1842 г. Прокопович добавил «господина», и эту добавку удержали и последующие редакторы; очевидно, нужно в этом, как и в предыдущих случаях, вернуться к чтению рукописи.

Несколько сложнее следующие случаи искажения текста:

1) В эпизоде прибытия Вакулы в Петербург в рукописи было сначала: «когда малейший стук копыт коня отзывается громом и отдается по несколько раз». Затем всё это место было переделано так: «Звук колеса, копыт коня отдается с четырех сторон». Затем это место вновь переделано, но в печати появилось с искажениями в обоих изданиях:

в ВД1: копыт коня, звук колеса отзываются громом и отдаются с четырех сторон

в ВД2: копыт коня, звук колеса отзываются громом и отдавались с четырех сторон.

Начертание «отзываются» указывает на то, что переделка из настоящего времени в прошедшее сделана уже в корректуре второго издания. Прокопович исправил всю фразу («стук конских копыт и колес отзывался» и т. д.) и это же чтение удержал Тихонравов. Мы вводим конъектуру: «стук копыт коня».

2) В конце повести переписчиком, очевидно, была пропущена приписка на полях: «Кузнец утонул, вот тебе на!» и т. д. Пропуск этот был замечен Гоголем и восстановлен, но в несколько другом месте (выше, после реплики бабы в казацкой свитке: сначала она была после первой реплики ткачихи). Из нового варианта выпали слова «и разинул рот, чтобы не проронить ни слова»; тем самым отпал и эффект плевок в разинутый рот; появилось: «плюнула в небритую бороду».

Как видно уже из этих примеров, при просмотре копии, а может быть

и корректуры, Гоголем были внесены новые исправления. Есть они и в других местах. Поэтому мы не сочли возможным возвращаться к рукописи в ряде случаев, где с равными основаниями можно заподозрить ошибку переписчика и новую поправку Гоголя. Считаем, что пропущены переписчиком, а не исключены Гоголем в рассказе Тымиша Коростявого слова: «подоивши коров, она пришла к нему» — слова, необходимые по смыслу контекста; слова эти мы вводим в основной текст; восстанавливаем по рукописи «послышался стук и голос дюжего головы» — в печатных текстах явный пропуск «послышался голос дюжего головы». Дальнейшие искажения текста связаны были с вмешательством цензуры, которое может быть установлено из сличения рукописи с печатным текстом. Одна из таких купюр — шутки Вакулы, крестьящего чорта — была восстановлена еще Тихонравовым. На том же основании мы вводим в основной текст слова «не выпуская хвоста». Н. С. Тихонравов указал на возможность еще одного цензурного вмешательства — в тексте жалобы запорожцев Екатерине. Не считая возможным возвращаться к рукописной редакции всей этой реплики, мы берем по рукописи фразу: «Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили?» (считая печатный вариант цензурным искажением).

По рукописи и ВД1 сделаны также следующие, менее значительные исправления: «пришел как-то коровий пастух» (ВД2, П — «пришел какой-то коровий пастух»); «Заметно было, что он весьма не в духе» (в ВД1, ВД2, П — «было» пропущено); «вряд ли и в другом месте где найдется» (в ВД2 и П — «где» пропущено).

Из поправок Прокоповича принимаем только исправление явной описки, удержанной в отдельных изданиях «Вечеров»: «выше» вместо ошибочного «ниже».

Текст издания 1855 г. вполне соответствует тексту издания 1842 г., за исключением двух разночтений: в первом абзаце повести «повалился дым» исправлено на «повалил дым» и несколько ниже «ни с сего, ни с того» исправлено на «ни с того, ни с сего». Поправки эти могли быть сделаны и не Гоголем, а М. Н. Лихониным или другим лицом; мы удерживаем чтения предыдущих изданий и не вводим ссылок на издание 1855 г. в варианты.

II.

«Ночь перед Рождеством» — одна из самых сложных повестей в «Вечерах». В ней три сюжетных линии: 1) чорт и ведьма, 2) застигнутые

врасплох любовники и 3) чорт и кузнец. Сплетение этих линий дано на фоне колядования.

Как эти основные элементы повести, так и ряд деталей в изложении, находят свои аналогии в народном творчестве, но подобного сплетения их в фольклоре мы не знаем.

Колядование Гоголь описывает в подстрочном примечании в самом начале повести и затем на протяжении рассказа несколько раз попутно возвращается к изображению колядующих и приводит песню «Щедрык, ведрык». В «Книге всякой всячины» на стр. 224 Гоголь записал: «Колядуют накануне Рождества Христова в честь хозяина дома, молодых супругов и проч. При каждом куплете повторяются слова: „святой вечер“. Щедровка перед новым годом; предметом ее — предметы священные с припевом „щедрый вечер“ (Соч., 10 изд., VII, стр. 884).

Изображение чорта и ведьмы в общем согласно с народными представлениями. Так, самая внешность чорта (он похож у Гоголя на немца, на чиновника) изображается сходными чертами и в народных рассказах, например, в сборнике Чубинского („Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским“, I, СПб., 1872, стр. 185, 188, 189; ср. еще В. Гнатюк. „Знадоби до галицько-руської демонології“, I — „Етнографічний Збірник“, XV. Львів, 1904, № 1, II — там же, XXXIII, Львів, 1912, № 13, 15, 126; „Киевская“ Старина» 1890, № 4, стр. 83).

Представления о ведьмах, о их превращениях, о полетах через трубу, о снятии ими звезд с неба отмечены у Чубинского, назв. соч., I, стр. 196, 197, 198; ср. также «Киевская Старина» 1890, № 1, стр. 8, 60; 1896, № 9, стр. 47; 1901, № 2, стр. 224–225. В своей «Книге всякой всячины», на стр. 183, Гоголь записал: «Существует поверье, что ведьмы снимают и прячут звезды» (Соч., 10 изд., VII, стр. 881).

Говоря о том, что чорту осталось погулять последнюю ночь (накануне Рождества), Гоголь также опирается на народную традицию — см. «Киевская Старина» 1896, № 1, стр. 5–6.

Найдем в фольклоре и изображение того, как чорт через печную трубу влетает к ведьме на любовное свидание — см. «Киевская Старина» 1889, № 9, 398.

Мимоходом, говоря о радости чорта, поймавшего Вакулу, Гоголь упоминает о хромом чорте: «как будет беситься хромой чорт, считавшийся между ними первым на выдумки». Это представление о хромом чорте, как о самом хитром из чертей, свойственно народной словесности. В заметке

1831 г. «Хромой чорт» Гоголь говорит: «Малороссияне той веры, что [в пекле] в аде хитрее всех и умнее хромой [крывый] чорт» (Соч., 10 изд., VI, стр. 2).

Образ чорта у Гоголя соответствует также и образу его в вертепной драме (В. А. Розов. «Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя» — «Памяти Гоголя. Сборник речей и статей». Киев, 1911, стр. 124, ср. стр. 115–124).

Изображение Солохи у Гоголя также более или менее соответствует образу вертепной бабы; [Евген Марковський. «Український вертеп», I, У Києві, 1929, стр. 17–18 и фигура № 7, 4. Н. И. Петров указывает, между прочим, на особое значение того факта, что Солоха — вдова кузнеца, так как кузнецы нередко водятся с нечистой силой; нам кажется, что это обстоятельство особого значения не имеет (Н. И. Петров. «Южно-русский народный элемент в ранних произведениях Гоголя» — «Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца, под ред. Н. П. Дашкевича». Киев, 1902, отд. II, стр. 65).] это изображение напоминает также народную песню о красавице, на которую на улице и в церкви все заглядываются. [П. В. Шейн. «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.», 1. СПб., 1900, стр. 176, № 677; стр. 150, № 587.]

Рассказ о любовниках, спрятанных в мешки, по своему характеру близок к многочисленным народным анекдотам о попе, дьяконе и дьячке и т. п., посещающих жену мужика (см. Н. П. Андреев «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне». Л., 1929, стр. 102, № 1730). В украинских сборниках отметим следующие тексты подобного содержания: Б. Д. Гринченко. «Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях», II, Чернигов, 1897, № 109; М. П. Драгоманов. «Малорусские народные предания и рассказы». Киев, 1876, № 49 (стр. 155–160), № 50 (стр. 160–162); В. Лесевич. «Оповідання Р. Ф. Чмихала». Львів, 1903, № 58; М. Левченко. «Казки та оповідання з Поділля». У Києві, 1928, №№ 211, 212; И. И. Манжура. «Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатерино-славской и Харьковской губ.» Харьков, 1890, стр. 93–94; О. Роздольський. «Галицькі народні новелі» — «Етнографічний Збірник», VIII, Львів, 1900, № 7. Рассказы эти, очень живые и яркие, относятся к числу наиболее острых антипоповских анекдотов.

Воспользовавшись этим анекдотом, Гоголь, как и в других случаях, осложнил его литературными реминисценциями. Осложнено и оживлено изложение Гоголя и внесением ряда новых комических деталей; так, в одном из мешков оказывается два соперника (дьяк и Чуб), мешки попадают

в руки дивчат и парубков и т. д.

История чорта и кузнеца у Гоголя сама по себе сплетена из нескольких отдельных мотивов, не комбинирующихся в таком виде в народных рассказах.

Чорт является врагом кузнеца и хочет отомстить ему; одной из причин этой вражды являются рисунки кузнеца, обидные для чорта. Аналогичный рассказ записал В. Н. Перетц («Деревня Будогоща и ее предания» — «Живая Старина» 1894, № 1, Стр. 12–13).

Сходные рассказы, но обычно без такой четкой мотивировки вражды чорта к кузнецу: баллада Л. Боровиковского «Кузнец» («Отечественные Записки» 1840, № 2, стр. 42–51); Гнатюк, назв. соч., I, № 17; Савва-Сулхан Орбелиани. «Книга мудрости и лжи», СПб., 1878, стр. 84, № 75; П. В. Шейн. «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края», II, СПб., 1893, стр. 144. О демонологических мотивах, связанных с кузнецами, см. также статью Вас. Гиппиуса «Коваль Кузьма-Демьян у фольклорі» — «Етнографічний Вісник» 1929, № 8 (здесь и ссылки на литературу).

Изображение знахаря Пацюка лишь в общих чертах напоминает народные представления о колдунах (см., например, Гнатюк, назв. соч., I, стр. 199–251, №№ 317–371); более близкие и конкретные соответствия нам неизвестны. По-видимому, фигура Пацюка является созданием самого Гоголя.

Договор с чортом о продаже души (см. комментарии к «Пропавшей грамоте») широко распространен в устной традиции (откуда проник и в литературу — вспомним легенды о Теофиле, о Фаусте, о Твардовском).

Сцена с одураченным чортом, быть может, восходит к одной из вертепных сцен: два чорта садятся на спину заснувшему казаку и хотят задушить его; казак ловит одного из чертей за хвост и заставляет плясать (В. А. Розов, назв. соч., стр. 109).

Наконец, поездка Вакулы верхом на чорте в Петербург и обратно в течение одной ночи восходит к легендарному сказанию, известному и в житийной литературе (легенды об Антонии Римляnine и об Иоанне Новгородском) и в устной традиции: заключенный в какой-либо сосуд (рукомойник и т. п.) чорт в одну ночь везет на себе святого в Иерусалим и т. п. (см. Н. П. Андреев. «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне». Л., 1929, стр. 59, № 841, I, Ср. также Б. Д. Гринченко. «Из уст народа». Киев, 1900, № 133 — только рассказ о бесе, крещенном в кувшинчике). Аналогичную легенду предполагал использовать Пушкин в своей лицейской поэме «Монах», придав легендарному сюжету «вольный»

характер.

Гоголь также заменяет чисто легендарное, житийное изложение реалистически-юмористическим и придает рассказу новый характер: нигде в народных и в старинных литературных легендах путешествия за черевичками мы не найдем. Этот эпизод позволил Гоголю дать изображение депутации запорожцев у Екатерины; тем самым и Вакула связывается, между прочим, с традиционными запорожцами.

Исторический фон, едва намеченный в других повестях «Вечеров» беглыми упоминаниями о популярных деятелях и событиях, дан в «Ночи перед Рождеством» с гораздо большей определенностью и конкретизован в эпизоде посещения кузнецом дворца Екатерины II. Источники, которыми пользовался Гоголь в разработке этого эпизода, построенного в манере Вальтер-Скотта, [Характерна в этом отношении одна частность: по примеру шотландского романиста, обычно выводившего в свите государя кого-либо из знаменитых ученых или писателей, Гоголь обрисовал в толпе придворных Екатерины II, не называя его по имени, Д. И. Фонвизина.] восходят, вероятно, к устной традиции: содержащиеся в речах запорожцев намеки касаются исторических событий, памятных современникам писателя. «Напасти», на которые жалуются делегаты (постройка крепостей, проекты ликвидации запорожского войска с заменой его регулярными «карабинерными полками»), характеризовали общую политику самодержавия, направленную к национальному угнетению украинцев. Слухи о «новых напастях», касались, конечно, плана уничтожения Запорожской Сечи, приведенного в исполнение в 1775 г. Протестуя против национального угнетения, делегаты, а вместе с ними и автор, указывали на верность запорожского войска государственным интересам России, — имелось в виду участие в турецких войнах, завершившихся покорением Крыма (1774 г.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1. Н. С. Тихонравов. «Ночь перед Рождеством» (комментарий в «Сочинениях Н. В. Гоголя. Издание десятое», т. I, М., 1889, стр. 542–555).
2. В. А. Розов. «Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя» — «Памяти Н. В. Гоголя. Сборник речей и статей». Киев, 1911, стр. 99—169.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

I.

В гоголевской литературе отсутствуют какие бы то ни было сведения или соображения к датировке работы писателя над повестью «Страшная месть». Возможно, что работа эта относится к лету — началу осени 1831 года. Лето 1831 года Гоголь прожил в Павловске, неоднократно навещая Пушкина и Жуковского, живших в Царском Селе; в другом месте (комментарий к отрывкам из романа «Гетьман») высказано предположение, что к этому времени относится первое знакомство Гоголя с «Историей Русов», рукописью которой обладал Пушкин; следы беглого знакомства с «Историей Русов» можно обнаружить в «Страшной мести». Любопытно, что первые главы повести Гоголя лишены каких бы то ни было определенных исторических черт; единственное конкретно-историческое упоминание о битве казаков с поляками при Перешляе-поле явно принадлежит творческому вымыслу самого Гоголя. Зато в главе VIII упоминание о подготовке нашествия поляков на «народ украинский» несомненно навеяно чтением «Истории Русов», равно как и размышления пана Данила в главе IX.

В первом издании «Вечеров» «Страшная месть» снабжена подзаголовком, снятым в последующих перепечатках: «Старинная быль».

В основном тексте настоящего издания сделаны следующие исправления: «хватая на руки детей» — по ВД1; ВД2, П — «хватая за руки детей»; «душа лукавой гадины» — в ВД1, ВД2, П явная опечатка: «дума лукавой гадины»; «не верь сну» — по П; в ВД1 опечатка: «не верь ему», неудачно выправленная в ВД2 на «не верь ему»; «недвижно остановилась» — по ВД1; ВД2, П — «неподвижно остановилась»; «чокают шпоры» — по ВД1; ВД2, П — «чокаются шпоры»; «стклянных вод» — по ВД1; ВД2, П — «стеклянных вод»; «страшно было глянуть» — по ВД1; ВД2, П — «страшно было глядеть»; «так же неподвижно глядела» — по ВД1 и П; ВД2 — «так же глядела»; «Как стало» — по ВД1; ВД2, П — «Как стекло»; «святой схимник» — по ВД1; ВД2, П — «святых схимник»; «По над самым провалом» — по ВД1; в ВД2 — «Но над самым провалом» — опечатка, узаконенная позднейшими редакторами.

II.

В украинском фольклоре не существует сказочного сюжета, аналогичного сюжету «Страшной мести». Следует вообще отметить, что в художественной работе Гоголь обращался вполне вольно с фольклорными сюжетными построениями. Вместо художественной передачи традиционного сюжета, он стремится к созданию сюжетов собственного изобретения, хотя и сниженных из ряда фольклорных мотивов, но объединенных и видоизмененных согласно своим требованиям.

Таким образом и в «Страшной мести» исследователь должен искать отражения не столько одного, основного фольклорного сюжета, сколько ряда отдельных мотивов. Едва ли не придуман писателем основной мотив «Страшной мести», о котором рассказывает слепой бандурист: в украинском фольклоре мотив побратимства почти не встречается, неизвестны также и параллели к думе о двух казаках; Н. И. Петров, правда, отмечает «подобный рассказ» под названием «Живая могила», но не указывает, что рассказ этот позднейшего происхождения и носит явные следы впечатлений, оставленных чтением «Страшной мести» («Киевская Старина» 1888, № 10, стр. 70 и сл.; ср. Н. И. Петров. «Южно-русский народный элемент в ранних произведениях Гоголя» — «Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца, под ред. Н. П. Дашкевича». Киев, 1902, отд. II, стр. 67–68).

Более близок к фольклору другой центральный мотив повести — мотив «великого грешника», заведомо интересовавший Гоголя и известный ему: в другом варианте мотив этот разработан в страшном рассказе о жестоком пане, повесившем праведного дьякона на заклитой сосне («Глава из исторического романа», отнесенная самим Гоголем к неосуществленному замыслу «Гетьмана», см. комментарий к «Гетьману»). Но и в данном случае фольклорному мотиву дано Гоголем оригинальное разрешение: в фольклоре великий грешник получает, в конце концов, прощение; колдун «Страшной мести», «злодей, какого еще и не бывало на свете», предатель своей родины, гибнет страшной смертью, обрекается на вечную муку во исполнение проклятия, наложенного на весь род иуды Петра самим богом.

Близко к фольклору разработан следующий мотив повести — о противоестественной страсти отца к дочери (ср. например, М. Драгоманов. «Малорусские народные предания и рассказы». Киев, 1876, стр. 304; Е.

Романов. «Белорусский сборник», I, Витебск, 1887, стр. 63), который в отдельных вариантах имеет такую же трагическую развязку, заканчивается убийством дочери (А. Н. Афанасьев. «Народные русские сказки», III, Л., 1939, № 339; ср. также II, №№ 290–291). Фольклорными источниками навеяна также ужасная сцена мертвецов, встающих из могил (П. Кулиш. «Записки о Южной Руси», II, СПб., 1856, стр. 69; Б. Д. Гринченко. «Из уст народа». Киев, 1900, стр. 132, 134, 138), но мотивировка этой сцены принадлежит собственно гоголевскому воображению; ср. сходную сцену в «Ганце Кюхельгартене», картина XI. Ряд фольклорных параллелей имеет, наконец, мотив освобождения узника кем-нибудь из родственников лица, заточившего его, и без ведома последнего (см. А. Н. Афанасьев, назв. соч., I, №№ 123–126; II, № 240, П. В. Шейн. «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края», II, СПб., 1893, стр. 53); в отдельных сказках таким образом освобождается леший мужик («Королевич и его дядька» у Афанасьева), мужик с железными руками («Иван царевич», там же), чудо-юдо (у Шейна), то есть сверхъестественные существа, легко поддающиеся сближению с колдуном «Страшной мести».

Стилистические особенности «Страшной мести» всего более носят следы влияния фольклора и особенно фольклора украинского. Не говоря уже о думе, сочиненной Гоголем, о причитаниях, о песнях, написанных в подражание украинским народным песням, — вся повесть пересыпана фольклорными образами, сравнениями, эпитетами; самый ритмический строй отдельных мест «Страшной мести» близко напоминает украинские думы (ср., например, описание бури на Днепре в известном начале X главы с думой «Буря на Черном море»).

В поисках «разгадки» повести, стоящей по своему стилю особняком в творчестве Гоголя, исследователи неоднократно усматривали в ней попытку усвоить на украинском историко-фольклорном материале демонические образы и построения немецкого романтизма, в частности Л. Тика. Неоднократно отмечалась сюжетная близость «Страшной мести» и повести Тика «Пьетро Апоне», появившейся в русском переводе незадолго перед тем («Московский Вестник» 1828, № 1–8), и вероятно известной Гоголю. [В статье Стендер-Петерсена «Gogol und die deutsche Romantik» («Euphoriion, Zeitschrift für Literaturgeschichte» 1922, Bd. XXIV, H. 3, S. 628–653) приводятся параллели к «Страшной мести» из драмы Тика «Karl von Berneck» (тема проклятия рода) и из новеллы Гофмана «Ignaz Denner». Следует, однако, учесть, что оба эти произведения не появлялись в русских переводах и вряд ли были известны Гоголю.] Однако связь «Страшной мести» с романтической литературой была менее значительна, чем связь ее

с украинским фольклором, сказавшаяся и в основной теме — борьбе с Польшей за народную свободу, и в основных образах (народный герой — Данило Бурульбаш, злодей-изменник, несчастная Катерина), и во всем лирико-эпическом стиле повести. «Страшной местию» раскрывались в творчестве Гоголя новые возможности, на основе которых выросла героическая эпопея — «Тарас Бульба».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1. В. И. Шенрок. «Материалы для биографии Гоголя», т. II, М., 1893 (гл. «Повесть „Страшная месь“ и ее отношение к повестям, вошедшим в „Миргород“», стр. 54—с68).

2. И. М. Каманин. «Научные и литературные произведения Н. В. Гоголя по истории Малороссии» — «Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца, под ред. Н. П. Дашкевича». Киев, 1902, отд. II, стр. 75—132.

3. А. К. и Ю. Ф. «Страшная месь» Гоголя и повесть Тика «Пьетро Апоне» — «Русская Старина» 1902, № 3, стр. 641—647.

4. Г. И. Чудаков. «Отношение творчества Н. В. Гоголя к западно-европейским литературам». Киев, 1908 (ч. II, гл. 2 «Малорусские повести из простонародной жизни», стр. 85—88).

5 В. А. Розов. «Традиционные типы малорусского театра XVII—XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя» — «Памяти Н. В. Гоголя. Сборник речей и статей». Киев, 1911, стр. 99—169.

6. В. Н. Державин. «Фантастика в „Страшной мести“ Гоголя» — «Наукові записки Харківської науково-дослідчої катедри українознавства» 1927, т. VI, стр. 329—338.

7. Anatol Dauenhauer. «Gogol's „Schreckliche Rache“ und „Pietro von Abano“, von L. Tieck» — «Zeitschrift für slavische Philologie» 1936, Bd. XIII, Doppeltheft 3/4, S. 315—318.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА

I.

Впервые напечатанная в 1832 г. во второй книжке «Вечеров на хуторе близ Диканьки», повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» была без существенных изменений воспроизведена во втором издании «Вечеров» и в первом томе «Сочинений» изд. 1842 г. (в издании Трушковского 1855 г. листы повести Гоголем просмотрены не были). Рукопись повести неизвестна. Изменения, внесенные в текст во втором издании «Вечеров», незначительны и малочисленны. Из них наиболее существенна замена во втором издании слов: «лицо изузоренное оспую» на «лицо изукрашенное оспую», «узнать» на «спросить», «полагали» на «думали» и т. п. В издании «Сочинений» 1842 г. «Шпонька» подвергся такой же стилистической правке Прокоповича, как и остальные повести.

При воспроизведении в настоящем томе по второму изданию «Вечеров» в текст повести внесены отдельные поправки по первому изданию — в тех случаях, когда разночтения между ними можно объяснить случайным пропуском или опечаткой. Так, вводится из первого издания фраза «Все вышли в столовую», необходимая по всему контексту повести, и оборот «следует-с» вместо «следует» во втором издании, поскольку он подтверждается началом разговора. В реплике Ивана Ивановича «Что это за дыни» восстановлено «это», очевидно случайно пропущенное в ВД2 и П; восстанавливается также по ВД1 «капот с мелкими оборками» — в ВД2 и П — «капот с мелкими сборками». Сложнее следующее исправление в конце второй главы. Фразу «посмотрите, какой я прекрасный молодой человек» Гоголь в ВД2 дополнил: «посмотрите, люди крещеные, какой я молодой человек» — при этом выпал, очевидно случайно, необходимый по смыслу эпитет «прекрасный». Восстанавливаем этот пропуск по ВД1, давая первую часть фразы в позднейшей редакции.

Из издания «Сочинений» 1842 г. нами внесено в текст несколько поправок, устраняющих несомненные опечатки или незамеченные самим Гоголем грамматические и смысловые погрешности, лишенные стилистического значения. Так, например, «степь ~ горит цветами», вместо «степь ~ говорит цветами» — единственно возможное чтение,

опирающееся на весь смысл контекста. Исправляем, наконец, следуя Н. С. Тихонравову, явную опечатку ВД1, ВД2 и П «сделавшись поручиком» на требуемое контекстом «сделавшись подпоручиком».

«Иван Федорович Шпонька и его тетушка» по своему реалистическому характеру, уже во многом близкому к наиболее зрелым произведениям Гоголя («Женитьба», «Мертвые души»), стоит особняком среди остальных повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Это обстоятельство позволяет утверждать, что написана она могла быть позже всего цикла украинских повестей, уже в то время, когда Гоголь в известной мере преодолел свои романтические увлечения фантастическими сюжетами и обратился к реалистическому изображению украинского быта в повестях «Миргорода» (в «Старосветских помещиках», «Повести о том, как поссорился...»). Поэтому наиболее вероятным временем написания «Шпоньки» можно считать конец 1831 года (31 января 1832 г. датировано цензурное разрешение второй части «Вечеров»).

II.

Самобытность и реалистическая сила повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» не только выделяют ее на фоне остальных повестей «Вечеров», но и делают ее исключительно заметной и важной для дальнейшего творческого развития Гоголя, для генезиса его зрелых реалистических произведений.

В. Шенрок и идущие за ним исследователи, сопоставляя более поздние произведения Гоголя с образами и типами, намеченными в «Шпоньке», находили между ними ряд аналогий.

Отмечалось, что Сторченко послужил вероятным прототипом отчасти для Петуха, отчасти для Собакевича, что описание пехотного полка Шпоньки в дальнейшем развито в «Коляске», что сам Шпонька и его отношение к Марье Гавриловне во многом подготавливают Подколесина в «Женитьбе», наконец, что описание школы напоминает детство Чичикова. Но дело не только в этих аналогиях, но и в том реализме и уверенном мастерстве письма, которые не находят аналогий и precedентов ни в предшествующей, ни в современной Гоголю русской литературе. Следует назвать лишь роман А. Погорельского «Монастырка» (первая часть которого вышла в 1830 г.), показывающий яркую картину жизни украинского провинциального дворянства. В частности, в романе Погорельского дан уже образ хозяйственной, по-мужски деловой

тетушки Анны Андреевны и хитрого, скупого и наглого опекуна Дюндика, во многом напоминающий гоголевского Сторченку (здесь же встречается и отчество Кашпоровна).

Незаконченность повести Гоголя, ее интригующее читателя предисловие и скрытая ирония автора — заставляют вспомнить Л. Стерна, в особенности его «Сентиментальное путешествие», хорошо известное к этому времени русскому читателю в переводах. [«Чувственное путешествие Стерна во Францию», М., 1803; «Путешествие Иорика по Франции», М., 1806.] Для русской прозы 20-х и начала 30-х гг. «стернианство», понятое в значительной мере как формально-композиционная манера, было явлением широко распространенным — см. «Поездку в Ревель» А. Бестужева-Марлинского (СПб., 1821), роман Якова де-Санглена «Жизнь и мнения нового Тристрама» (М., 1825–1829), А. Ф. Вельтмана «Странник» (М., 1831), выражавшие это широкое увлечение Стерном и «стернианством». Следует отметить, что в повести О. Сенковского «Потерянная для света повесть», появившейся в 1834 г., уже пародируется это русское «стернианство» и в частности умышленная незаконченность «Шпоньки» Гоголя. Пародия Сенковского подтверждает, что современниками незаконченность повести Гоголя рассматривалась как сознательный художественный прием. В плане «стернианских» традиций может быть объяснено и предисловие Гоголя, иронически мотивирующее якобы случайную незаконченность повести утратой конца рукописи. Можно также указать и на известную перекличку в наименованиях глав у Гоголя — «Дорога», «Тетушка», «Обед» — с «Сентиментальным путешествием» Стерна: «На улице», «Муж», «Ужин» и т. п. Но лишь этими внешними композиционными приемами, по существу, и ограничивается сходство «Шпоньки» с произведениями Стерна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

М. Храпченко. «Н. В. Гоголь», М., 1936 (гл. IV «Правда жизни и романтика прошлого», стр. 58–60).

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

I.

Повесть «Заколдованное место», напечатанная впервые в 1832 г. во второй книжке «Вечеров на хуторе близ Диканьки», была воспроизведена без существенных изменений во втором издании «Вечеров» и в первом томе «Сочинений» 1842 г. (в издании Трушковского 1855 г. листы, содержавшие повесть, Гоголем просмотрены не были).

Отсутствие рукописи и каких-либо упоминаний в переписке о «Заколдованном месте» не дает возможности точно датировать работу Гоголя над повестью. В специальной литературе также не высказывалось никаких соображений по этому поводу. Однако опираясь на то, что «Заколдованное место» снабжено тем же подзаголовком «Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви», которым помечены «Вечер накануне Ивана Купала» и «Пропавшая грамота», и изложено в той же манере сказа, можно выдвинуть предположение, что эта вещь, так же как и две другие, принадлежит к группе ранних повестей «Вечеров» и написана в 1829–1830 гг.: вокруг образа дьячка-рассказчика предполагалась, по-видимому, в начальном замысле циклизация сборника, естественно поэтому допущение, что все три связанные с именем Фомы Григорьевича вещи относятся к близкому времени.

II.

В повести «Заколдованное место» сплетаются два основных мотива: добывание клада и действия чертей в «обманных» («обморочных», «заколдованных») местах.

«Обманные» или «обморочные» (от слова «морочить») места довольно широко известны в народной традиции. Ряд рассказов о них сообщает В. Милорадович в статье «Этнографический элемент в повести Гоголя „Заколдованное место“» («Киевская Старина» 1897, № 9, стр. 55–60). Сюда же относится первая часть белорусского рассказа «Болотные папы», указанного выше в связи с «Пропавшей грамотой» (П. В. Шейн. «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-

западного края», II, СПб., 1893, стр. 270, № 130).

Можно в этой связи отметить также весь отдел «Страхи» в сборнике В. Гнатюка — «Знадоби до галицько-руської демонології» (т. I — «Етнографічний Збірник», XV. Львів, 1904, стр. 18–95, №№ 23—170 и т. II — там же, XXXIII, Львів, 1912, стр. 71—154, №№ 142–397). Например, блуждания деда напоминает рассказ «Страх у пасіци» (№ 121).

Наконец, сюда же относятся отмеченные выше (см. «Пропавшая грамота») рассказы о музыкантах и т. п. у чертей (см., например, В. Гнатюк, назв. соч., I, №№ 13, 14, II, №№ 30, 112–115; М. Левченко. «Казки та оповідання з Поділля». У Києві, 1928, №№ 60, 61; «Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Русским Географическим обществом. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским», I, СПб., 1872, стр. 186, 187, 190).

У Гоголя «обморочное» или «заколдованное» место связано с отыскиванием кладов. Рассказы о кладах и о трудностях их добывания см., например, в сборнике Садовникова. Характерны некоторые детали в рассказе, помещенном здесь под № 112 н. (Д. Н. Садовников. «Сказки и предания Самарского края». СПб., 1884, стр. 364–365).

Нет сомнения в том, что подобные рассказы были широко распространены. Представления о «страхах» при добывании кладов и легли в основу повести Гоголя. В частности, в народных рассказах имеются и указания на свечку над кладом, обозначающую место клада (см., например, Б. Д. Гринченко. «Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях», II, Чернигов, 1897, стр. 141; М. П. Драгоманов. «Малорусские народные предания и рассказы». Киев, 1876, стр. 79). Сюда же присоединяется у Гоголя мотив призрачности «нечистого» богатства: клад превращается в сор (в иной, более серьезной трактовке мотив этот дан в повести «Вечер накануне Ивана Купала»). Подобный мотив часто встречается в народных рассказах о музыкантах и т. п. у чертей (см. выше, ср. еще Гнатюк, назв. соч., II, № 111: человек получает от чорта деньги, деньги эти превращаются в черепки). В рассказе о том, как повитуха приняла детей у чертовки-лягушки (Гнатюк, назв. соч., I, № 12) видим обратный мотив: черепки превращаются в золото.

Таким образом, повесть «Заколдованное место», как и другие повести «Вечеров», опирается на традиционные фольклорные мотивы. Но и в этой повести, как и в других, Гоголь не воспроизводит в точности фольклорный материал, а создает свое собственное произведение. Для «Заколдованного места» особенно характерен юмористический тон изложения. Фантастические элементы вставлены в бытовую реалистическую рамку,

автор вводит множество бытовых деталей комического характера и самой речи придает сугубо-житейский разговорный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В. Милорадович. «Этнографический элемент в повести Гоголя „Заколдованное место“» — «Киевская Старина» 1897, № 9, стр. 55–60.

ДОПОЛНЕНИЕ

[Автографы черновых текстов, впервые воспроизводимые в настоящем издании как дополнение к ранее вышедшему первому тому, обнаружены А. В. Позднеевым.]

(К первому тому)

ОТРЫВОК ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ВЕЧЕРОВ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

Печатается по черновому автографу ИМ, фонд 440, № 1263, вместе с другими четырьмя автографами Гоголя, здесь публикуемыми.

Первоначальная черновая редакция предисловия.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ «ВЕЧЕРОВ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

Печатается по черновому автографу ИМ, фонд 440, № 1263.
Первоначальная черновая редакция.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОВЕСТИ «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»

Печатается по автографу ИМ, фонд 440, № 1263.

Первоначальная редакция двух примечаний.

«СТРАШНАЯ МЕСТЬ»

Печатается по черновому автографу ИМ, фонд 440, № 1263 (на восьми листах, из них заполнены семь листов; на обороте последнего листа — рисунки Гоголя), содержащему 12 первых глав из 16-ти.

Автограф представляет собой первоначальную редакцию повести. Об этом свидетельствует самое состояние рукописи: недописанные слова, почти полное отсутствие пунктуации, характер поправок. Основные отличия рукописи от печатного текста следующие:

1. Повести предпослано вступление, связывающее её — через «рассказчиков» — с другими повестями «Вечеров». Возможно, что рассказчик, о котором говорится в настоящей редакции повести, по замыслу Гоголя то же лицо, которое упомянуто в предисловии к первой части: «Еще был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нем) такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили по голове». Это позволяет заключить, что Гоголь предполагал ввести «Страшную месьть» в сборник «Вечеров на хуторе» еще при составлении первой части.

2. В рукописной редакции отсутствует эпизод благословения молодых (в первой главе). Окончание 9-й главы было иным.

В предисловии к повести можно усмотреть некоторые автобиографические намеки.

Некоторые чтения рукописи в сравнении с печатным текстом заставляют поставить вопрос о том, что изменения, наблюдаемые нами, являются результатом механической порчи. Таковы следующие два места:

1. В печати «Как зелен и душист тот луг, где я играла в детстве». В рукописи: «Как зелен и душист тот лог, где я игралась в детстве».

2. В печати: «Сохни он от тайной травы». В рукописи: «Сохни он от тайной отравы».

«ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА»

Печатается по черновому автографу ИМ, фонд 440, № 1263. Автограф — на семи листах, из которых шесть заполнены текстом повести, а на седьмом листе помещено вступление.

Рукопись является первоначальной редакцией повести.

На втором листе — надпись, раскрывающая историю данной рукописи, а может быть, и остальных ныне публикуемых рукописей того же архивного фонда: «На память о Михаиле Семеновиче И. Е. Забелину от Кетчера». Это дает возможность предположить, что рукописи принадлежали Михаилу Семеновичу Щепкину, знаменитому артисту, а после его смерти (1863 г.) при посредстве Н. Х. Кетчера, переводчика Шекспира, перешли к историку И. Е. Забелину.

Черновая редакция в общем близка к печатной, но содержит почти в каждой фразе отличия и варианты, свидетельствующие о большой стилистической работе Гоголя. Рукопись заканчивается фразой, отброшенной в печатной редакции.

Некоторые разночтения рукописи с печатным текстом заставляют предполагать цензурное вмешательство:

1. В печати: «он не имел никогда желания вступить на штатскую службу, видя на опыте, что не всегда удастся хоронить концы». В рукописи: «он не имел никогда желания вступить в штатскую службу, видя на опыте, что лихоимцам не всегда удастся хоронить концы».

2. В печати: «то читал гадательную книгу»; «заглядывал иногда в гадательную книгу». В рукописи соответственные места читаются: «то читал библию и гадательную книгу»; «заглядывал иногда в библию и гадательную книгу».

3. В печати: «Так чиновник с большим наслаждением читает адрес-календарь». В рукописи: «Так директор департамента с большим наслаждением читает адрес-календарь».

Следует также обратить внимание на следующее разночтение. В рукописи: «...продолжал он громким голосом, обращаясь к вошедшему своему лакею, мальчику в козацкой свитке» (о Григории Григорьевиче). В печатном тексте: «...проговорил он кротким голосом, обращаясь к своему жокею, мальчику в козацкой свитке». Так как в рукописи соответствующие слова написаны неразборчиво, то можно думать, что в печатном тексте они

заменены другими в результате описок при копировании.

notes

Примечания

1

то и тогди б, може, не закупив усього

2

мало

3

MOB

4

угодити им

Вместо «Ох мени лыхо ~ комедии»: А ты, милый, черно-бровый,
Прысунься близенько. Песня.

Вместо «От такє ~ комедии»: Цур тоби, пек тоби

BCE

Набей, бондарь, набей, бондарь, обручи ты крепки

Далее начато: Тебе ль

Конец гл. IV и гл. V в рукописи отсутствуют.

Далее начато: Маленькие